

ПОЛУНОЧНЫЙ ТАНЕЦ ДРАКОНА

ЭТИ РАССКАЗЫ СНОВА ПОДТВЕРЖДАЮТ:
БРЭДБЕРИ НЕ МЕНЬШЕ ПРЕЖНЕГО
ЗАВОРОЖЕН МАГИЕЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ.

PUBLISHERS WEEKLY

РЭЙ БРЭДБЕРИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР · ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Annotation

Жизнь – это сделка с Богом, за которую надо платить.

Старый трамвай везет гуляк из танцевального зала – в прошлое.

Пьяный киномеханик путает местами части фильма – и тот получает в Каннах «Золотую пальмовую ветвь».

От современного классика американской литературы – двадцать пять историй о любви и смерти.

- [Рэй Брэдбери](#)
 - [День первый](#)
 - [Пересадка сердца](#)
 - [Quid pro quo](#)
 - [После бала](#)
 - [In memoriam](#)
 - [Тет-а-тет](#)
 - [Полуночный танец дракона](#)
 - [Девятнадцатая лунка](#)
 - [Звери](#)
 - [Осенний день](#)
 - [Если вокруг пустота, есть где разгуляться](#)
 - [Театр одной актрисы](#)
 - [Прощальное путешествие Лорела и Гарди к Альфе Центавра](#)
 - [Объедки](#)
 - [Пора в путь-дорогу](#)
 - [Мандарин](#)
 - [С улыбкой щедрою, как лето](#)
 - [Переходный период](#)
 - [Враг в пшеничном поле](#)
 - [Поберегись!](#)
 - [Мой сын Макс](#)
 - [Аккумулятор Скотта Фицджеральда/Толстого/Ахава](#)
 - [Ну и что же ты можешь сказать в свое оправдание?](#)
 - [Диана де Форс](#)
 - [Сверчок на печи](#)
 - [Послесловие: метафоры, завтрак для чемпионов](#)
- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

- [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
 - [59](#)
 - [60](#)
 - [61](#)
 - [62](#)
 - [63](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
-

Рэй Брэдбери

Полуночный танец дракона (сборник)

Дональду Харкинсу, дорогому другу, с любовью и нежной памятью

Эта книга посвящается с любовью и благодарностью Форесту Дж. Аккерману, который выгнал меня из школы и привел на стезю писательства в далеком 1937 году

День первый

Во время завтрака Чарльз Дуглас заглянул в свежую газету и застыл, увидев дату. Он откусил еще кусочек гренка, вновь покосился на дату и отложил газету в сторону.

– Господи... – произнес он вслух.

Его жена Элис удивленно подняла на него глаза.

– Что с тобой?

– Неужели ты не понимаешь? Сегодня четырнадцатое сентября!

– Ну и что?

– Как – что? Сегодня первый день школьных занятий!

– Повтори еще раз, – попросила она.

– Сегодня начинаются занятия, летние каникулы закончились, все вернулись в школу – знакомые лица, старые приятели...

Он поднялся из-за стола, чувствуя на себе взгляд Элис.

– Я тебя не понимаю, – сказала она.

– Сегодня первый день занятий, неужели непонятно?

– Но к нам-то какое это имеет отношение? – изумилась Элис. – У нас нет ни детей, ни знакомых учителей, ни друзей, дети которых учились бы в школе.

– Все это так, – ответил Чарли странным голосом и вновь взял в руки газету. – Но я кое-что обещал...

– Обещал?! Кому?

– Нашим ребятам, – ответил он. – Много-много лет тому назад. Который сейчас час?

– Половина восьмого.

– Надо поторапливаться, иначе мне туда не поспеть.

– Выпей еще чашечку кофе и возьми себя в руки. Ты выглядишь просто ужасно.

– Я только что об этом вспомнил! – Он следил за тем, как она наливает кофе в его чашку. – Я обещал. Росс Симпсон, Джек Смит, Гордон Хейнз. Мы поклялись друг другу в том, что встретимся в первый день занятий ровно через пятьдесят лет после окончания школы.

Его супруга опустила на стул и отставила кофейник в сторону.

– Стало быть, эту клятву вы дали в сентябре тридцать восьмого года?

– Да, это было в тридцать восьмом.

– Да вы просто болтались да языками чесали с Россом, Джеком и этим

твоим...

– Гордоном! И вовсе мы не просто чесали языками. Все прекрасно понимали, что, покинув школьные стены, мы можем не встретиться уже никогда, и тем не менее поклялись во что бы то ни стало встретиться четырнадцатого сентября восемьдесят восьмого года возле флагштока, который стоит перед входом в школу.

– Вы дали такую клятву?

– Да, да – мы дали страшную клятву! Я же сижу и болтаю с тобой, вместо того чтобы мчаться к условленному месту!

– Чарли, – покачала головой Элис, – до твоей школы сорок миль.

– Тридцать.

– Пусть даже тридцать. Если я правильно тебя поняла, ты хочешь поехать туда и...

– Я хочу поспеть туда до полудня.

– Ты знаешь, как это выглядит со стороны, Чарли?

– Меня это несколько не волнует.

– А что, если ни один из них туда не приедет?

– Что ты хочешь этим сказать? – насторожился Чарли.

– А то, что только болван вроде тебя может свихнуться настолько, чтобы верить...

– Они дали слово! – вспыхнул он.

– Но с той поры прошла целая вечность!

– Они дали слово!

– За это время они могли передумать или попросту забыть.

– Они не забыли!

– Но почему?

– Потому что они были моими лучшими друзьями, каких не было никогда и ни у кого!

– Бог ты мой, – вздохнула Элис. – Какой же ты все-таки наивный.

– Я наивный? Но я-то вспомнил, чего бы им тоже не помнить?

– Таких психов, как ты, днем с огнем не сыщешь.

– Спасибо за комплимент.

– Разве не так? Во что ты превратил свой кабинет! Все эти паровозики фирмы «Лайонел», машинки, плюшевые игрушки, старые афиши!

– Ну и что?

– А эти бесконечные папки, набитые письмами, полученными еще в сороковые, в пятидесятые или в шестидесятые годы!

– Это особые письма.

– Для тебя – да. Но неужели ты полагаешь, что твои адресаты так же

дорожат твоими письмами?

– Я писал отменные письма.

– Не сомневаюсь. Но ты попроси своих корреспондентов прислать твои старые письма. Много ли ты их получишь?

Он промолчал.

– Какая чушь! – фыркнула Элис.

– Прошу тебя, никогда не произноси таких слов.

– Разве это ругательство?

– В данном случае да.

– Чарли!

– Ну что еще?

– Помнишь, как ты понесся на тридцатилетие вашего драматического кружка, надеясь увидеть какую-то там полоумную Сэлли, которая тебя не только не узнала, но даже и не вспомнила?

– Ладно тебе.

– Боже мой... – вздохнула Элис. – Ты только не подумай, что я решила испортить тебе праздник. Просто я не хочу, чтобы ты расстраивался понапрасну.

– У меня толстая кожа.

– Да неужели? Говоришь о слонах, а охотишься на стрекоз.

Чарли поднялся из-за стола и гордо выпрямил спину.

– Идет великий охотник, – произнес он.

– Как же, как же...

– Мне пора.

Она проводила его взглядом.

– Я ушел, – сказал напоследок Чарли и захлопнул за собой дверь.

Господи, подумал он, такое чувство, будто вот-вот наступит Новый год.

Он нажал на педаль газа, немного отпустил и вновь утопил ее и медленно поехал по улице, пытаясь собраться с мыслями.

Или, может, думал он, такое чувство возникает в канун Дня Всех Святых, когда веселье заканчивается и гости расходятся по домам.

Он ехал с постоянной скоростью, то и дело поглядывая на часы. Времени у него было еще предостаточно.

А что, если Элис права и он отправился в никуда, пытаясь поймать журавля в небе? И вообще, почему эта встреча кажется ему такой важной? Разве он хоть что-нибудь знает о тогдашних своих приятелях? Ни писем, ни звонков, ни встреч – хотя бы по чистой случайности, ни некрологов. Подумай-ка о последнем и прибавь газу! Господи, не могу дождаться! Он

громко рассмеялся. Когда ты в последний раз испытывал подобные чувства? В ту далекую пору, когда был совсем еще ребенком и вечно чего-то ждал. Рождество? До него миллион миллионов миль! Пасха? Полмиллиона. Хэллоуин? Тыквы, беготня, крик, стук, звонки, пахнувшая картоном теплая маска. День Всех Святых! Самый лучший праздник на свете. С той поры прошла уже вечность. А как он ждал четвертого июля^[1]! Проснуться раньше всех, выскочить полуодетым на лужайку перед домом и первым поджечь шестидюймовые шутихи, от треска которых тут же проснулся бы весь город. Эгей, вы слышите? Это я! Четвертое июля... Он просто сторал от нетерпения.

И так каждый день. Дни рождения, поездки на озеро, вода которого оставалась холодной даже в жару, фильмы с Лоном Чейни, горбун Квазимодо и призрак оперы^[2]. Попробуй тут дождись. Пещеры на склоне оврага, знаменитые фокусники... Скорее бы. Скорее. Зажги бенгальский огонь! Ждать уже не вмоготу.

Он вел свою машину, вглядываясь в дали Времени.

Теперь уже недалеко. Недолго. Старина Росс. Дружище Джек. Чудила Гордон. Ребята. Кто с нами сладит? Три мушкетера. Вернее, не три – четыре.

И все как на подбор. Самый старший, конечно же, красавец Росс. Он никогда не кичился своей редкостной сообразительностью и без малейшего усилия переходил из класса в класс. Росс читал запоем и слушал по средам передачи Фреда Аллена^[3], а на следующий день повторял им все самые лучшие его шутки. Его родители жили очень бедно, но он всегда поражал друзей своей опрятностью. Один хороший галстук, один хороший пояс, не знающее сносу пальто и единственные, но всегда идеально выглаженные брюки. Старина Росс. Он самый.

Джек, будущий писатель, что собирался покорить и потрясти весь этот мир. В карманах его куртки лежали шесть ручек и желтый блокнот, все, что нужно, чтобы перестейнбечить Стейнбека^[4]. Дружище Джек.

И Гордон, Гордон, сражавший наповал всех окрестных девиц, ловивших каждый его взгляд, каждое его движение.

Росс, Джек и Гордон – друзья что надо.

То медленно, то быстро – теперь потише.

А что же я? Достаточно ли я сделал и сделал ли я хоть что-нибудь стоящее? Девяносто рассказов, шесть романов, фильм, пять пьес – совсем недурно. Хотя о чем я? Пусть лучше говорят они, не я. Я же буду слушать.

Интересно, о чем мы станем говорить, увидев друг друга возле

флагштока? Привет. Здорово. Кого я вижу! И как же ты жил все это время? Ну а здоровье как? Давай-давай – выкладывай все как есть. Жена, дети, внуки...

Ты ведь писатель, верно? Так напиши же что-нибудь приличествующее случаю. Стихи, что ли... Нет-нет, с ними они меня тут же пошлют куда подальше. «Я вас люблю, люблю вас всех...» Нет. «Я вас люблю, люблю безмерно...»

Он поехал еще медленнее, вглядываясь в проплывавшие мимо тени.

А если они вообще не появятся? Хотя нет. Должны. А уж если появятся, значит, все у них в порядке, ведь так? Такие ребята, как они, если жизнь сложилась неудачно, ну там брак оказался несчастливый, зови их, не зови – они не придут. А если все тип-топ, ну абсолютно, недостижимо хорошо – вот тогда они явятся. И это будет доказательством, правда? Все у них прекрасно, так что в самый раз вспомнить дату и прибыть. Так или не так? Так!

Он прибавил газу, уверенный, что все уже собрались. Затем снова поехал медленно, уверенный, что никого нет. Что за дьявольщина, о боже, что за дьявольщина!

Чарли остановил машину прямо перед школой. Место для парковки нашлось на удивление быстро. Возле флагштока стояли всего несколько молодых людей. Ему хотелось, чтобы их было куда больше, чтобы скрыть прибытие его друзей; им бы не понравилось, если бы их появление было бы тотчас обнаружено, не так ли? Ему бы не понравилось. Он бы предпочел, не замеченный никем, долго протискиваться сквозь толпу и только в последний момент появиться перед флагштоком, к вящему изумлению своих друзей.

Он не решался открыть дверцу до той поры, пока множество высыпающих из школы и болтавших без умолку юношей и девушек не собрались неподалеку от флагштока. Теперь вновь пришедший останется незамеченным, какого бы возраста он ни был. Чарли вылез из машины и сразу же чуть не вернулся, боясь оглядеться, боясь убедиться в том, что никого нет, никто не пришел, никто не вспомнил и вообще вся затея дурацкая. Он преодолел искушение вскочить обратно в машину и умчаться.

Прямо возле флагштока не было никого, только группа молодежи стояла в некотором отдалении.

Он смотрел и смотрел, как будто взглядом мог заставить кого-то сдвинуться, подойти к нему, может быть, прикоснуться. Его сердце упало, он заморгал и собрался уйти.

И тут, тут он увидел тяжело ковылявшего в его сторону человека. Это был старик с седыми волосами и с бледным лицом. В следующее мгновение он увидел еще двух стариков. Господи, подумал он, неужто это они? Вспомнили? И что дальше? Старики выстроились широким кругом и молча застыли. Росс, думал он, это ты? А рядом Джек, да? И последний. Гордон? Они смотрели на него с таким же недоумением, с каким смотрел на них и он.

Стоило Чарли чуть-чуть склониться, как склонились и они. Стоило ему сделать маленький шаг, как они послушно ответили на него такими же маленькими шажками. Чарли заглянул в глаза каждому из них, встретился с ними взглядом. И тогда...

И тогда он отступил назад. Немного подумав, отступили назад и они. Чарли ждал. Они тоже ждали. На верхушке флагштока хлопал на ветру школьный флаг.

Раздался звонок. Обеденный перерыв закончился. Школьники стали расходиться по классам, двор опустел.

Лишившись этой все маскирующей толпы, они продолжали стоять в пятидесяти – шестидесяти футах друг от друга по разные стороны флагштока, как указатели четырех направлений компаса ясного осеннего дня. Кто-то из них, возможно, облизнул губы, кто-то моргнул, кто-то переступил с ноги на ногу. Ветер перебирал их седые волосы. Раздался еще один звонок, последний.

Его губы шевелились, но он не произносил ничего. Шепотом, слышным только ему самому, повторял он их имена, их удивительные имена, любимые имена.

Чарли не решал ничего. Его ноги задвигались сами собой, и в следующее мгновение его тело развернулось, сделав пол-оборота. Он отступил на полшага и встал в стороне.

На большом расстоянии от него под нестихающим полуденным ветром повернулись, отступили на шаг и замерли в ожидании чужаки – один, за ним другой и третий.

Ему хотелось пойти вперед, к ним, тело же тянуло его назад, к машине. Снова он не решал ничего. Его ноги опять задвигались сами, и башмаки тихо понесли его прочь.

То же самое происходило с телами, ногами и башмаками незнакомцев. Они двигались в разных направлениях, украдкой поглядывая на забытый всеми, одиноко развевавшийся на ветру стяг и на опустевшую площадку перед школой и прислушиваясь к доносящимся изнутри

оживленным голосам, смеху и звукам от расставляемых по местам стульев.

Они двигались, оглядываясь на флагшток.

Он почувствовал странное покалывание в правой руке, как будто она хотела подняться. Он приподнял руку и взглянул на нее.

И тогда футах в шестидесяти от него, по другую сторону флагштока, один из незнакомцев, украдкой взглянув, тоже поднял руку и слегка помахал ею. Стоящий в стороне другой старик, увидев это, повторил жест, за ним третий.

Он наблюдал, как его рука, ладонь, кончики пальцев посылают последний прощальный жест. Он смотрел на свою руку и поверх нее на стариков.

Господи, подумал он, я ошибся. Это не первый школьный день. Последний.

Судя по запаху, доносившемуся с кухни, Элис готовила что-то вкусное. Он остановился в дверях.

– Привет, – послышался ее голос. – Входи, дай ногам отдохнуть.

– Да-да, – кивнул он и прикрыл за собой дверь.

Войдя в гостиную, увидел на накрытом к обеду столе их лучшую столовую посуду и серебро, праздничные салфетки и горящие свечи, которые прежде зажигались только по вечерам. Элис смотрела на него с порога кухни.

– Откуда ты знала, что я вернусь так быстро?

– А я и не знала. Я увидела, как ты подъехал. Яичница с беконом будет готова через минуту-другую. Может быть, ты все-таки присядешь?

– Неплохая идея, – ответил Чарли, опустив руку на спинку стула. – Именно это я и сделаю.

Он сел за стол. Элис чмокнула его в лоб и вновь убежала на кухню.

– Ну и как?

– Что «как»?

– Как она прошла?

– Кто «она»?

– Сам знаешь. Ваша встреча, великий день. Эти ваши клятвы. Кто-нибудь хоть пришел?

– Ясное дело, – сказал он. – Все явились, – добавил он.

– Выкладывай все начистоту.

Она вышла из кухни, неся в руках сковородку с яичницей, и посмотрела на него испытующе.

– Поговорили?

– Я? – Он склонился над столом. – О да, конечно.

– Ну что, нашли о чем поговорить?

– Мы...

– Ну, так как?

Чарли не мигая смотрел в пустую тарелку, чувствуя, как на глаза его навернулись слезы.

– Еще бы! – воскликнул он громко. – Заболтались до одури!

Пересадка сердца

– Хотел бы я – что? – переспросил он, лежа расслабленно в темноте, с глазами, обращенными к потолку.

– Ты меня слышал, – сказала она, так же расслабленно лежа рядом с ним, держа его за руку и тоже глядя на потолок, но пристальнее, будто пытаюсь что-то там рассмотреть. – Ну так как?

– Повтори, пожалуйста.

– Хотел бы ты, если бы мог, снова влюбиться в свою собственную жену?

– Странный вопрос.

– Не такой уж и странный. Этот мир является лучшим из всех возможных миров, если все в нем идет, как надо. А надо ведь, чтобы влюбленность возникала вновь и чтобы люди жили потом счастливо, верно? Я вспоминаю, как безумно ты был влюблен в Энн.

– «Безумно» – не то слово.

– Ты никогда не забудешь об этом?

– Никогда. Это точно.

– Тогда, значит, верно, ты бы хотел...

– Уместнее спросить, мог бы?

– Забудь ты об этом «мог бы». Представь на минуту, что все изменилось и твоя жена вновь стала такой же, какой она была много-много лет назад... Что тогда?

Он слегка приподнялся в постели и, опершись на локоть, удивленно посмотрел на нее.

– Странное у тебя сегодня настроение. Что случилось?

– Не знаю. Может быть, вся беда в том, что завтра мне исполнится сорок, а тебе через месяц будет сорок два. Если мужчины сходят с ума в сорок два года, то почему это не может происходить с женщинами двумя годами раньше? А может быть, я подумала: какой стыд! Как стыдно, что люди не могут полюбить друг друга так, чтобы пронести эту любовь через всю свою жизнь, и вместо этого начинают искать кого-то другого... Как стыдно!

Он коснулся пальцами ее щеки и почувствовал влагу.

– Господи, ты плачешь!

– Немножко. Все это так грустно. Мы. Они. Все. Печально. Неужели так было всегда?

– Я думаю, да. Просто об этом не принято говорить.

– Как я завидую людям, жившим сто лет назад...

– Не говори о том, чего не знаешь. И тогда было ничуть не лучше.

Он стер поцелуями слезы с ее глаз.

– Ты можешь сказать, что случилось?

Она села, не зная, куда девать руки.

– Ужас какой. Ни ты, ни я не курим. Герои фильмов и книг в таких ситуациях всегда курят. – Она скрестила руки на груди. – Мне вспомнился Роберт и как я была без памяти влюблена, и чем я тут с тобой занимаюсь, вместо того чтобы сидеть дома и думать о своем тридцатисемилетнем супруге, который больше похож на ребенка...

– И что же?

– Мне вспомнилась и Энн, как она мне действительно, по-настоящему нравилась. Какая она удивительная...

– Я стараюсь о ней не думать. В любом случае, она не ты.

– А что, если бы она стала мной?

Она обхватила руками колени и заглянула ему в глаза.

– Не понял?

– Если бы все, что она утратила и что ты нашел во мне, вернулось бы к ней? Хотел бы ты, мог бы ты тогда снова влюбиться в нее?

– Да, самое время закурить... – Он опустил ноги на пол и отвернулся от нее, уставившись в окно. – Что толку задавать вопрос, на который нет и никогда не будет ответа?

– В этом все дело, правда? – продолжала она, обращаясь к его спине. – У тебя есть то, чего не хватало моему супругу, а у меня – то, чего недостает твоей жене. Похоже, нам нужно произвести двойную пересадку души. Вернее так – двойную пересадку сердца!

Она то ли всхлипнула, то ли рассмеялась.

– Неплохой сюжет для рассказа, для романа или фильма.

– Это сюжет нашей собственной жизни, и мы погрязли в нем без надежды выбраться, разве только...

– Что «только»?

Она встала и беспокойно зашагала по комнате, потом подошла к окну и, подняв голову, посмотрела на усыпанное звездами летнее небо.

– В последнее время Боб стал вести себя так же, как в самом начале нашей совместной жизни. Он стал таким хорошим, таким добрым...

– Какой кошмар. – Он тяжело вздохнул и закрыл глаза.

– Вот именно.

Установилось долгое молчание. Наконец он произнес:

– Энн тоже стала вести себя куда лучше.

– Какой кошмар. – Она на миг зажмурилась и вновь посмотрела на звезды. – Как это там? «Превратись желание в коня, сколько бы коней имел бедняк!»

– Опять не возьму в толк, о чем ты, – и ведь не первый раз за эти несколько минут!

Она подошла к кровати, опустилась на колени и, взяв его за руки, посмотрела ему в лицо.

– Моего мужа и твоей жены сегодня в городе нет: он уехал в Нью-Йорк, она – в Сан-Франциско. Верно? Мы проведем эту ночь здесь, в гостиничном номере. – Она на миг задумалась, пытаясь найти нужные слова. – Но что, если, прежде чем заснуть, мы загадаем желания – я для тебя, ты для меня?

– Загадаем желания? – Он рассмеялся.

– Не смейся. – Она коснулась его руки. Он перестал смеяться. Она продолжила: – Мы попросим Бога, и граций, и муз, и волшебников всех времен, и кого там еще, чтобы, пока мы спим, свершилось чудо, чтобы... – Она остановилась на мгновение и вновь продолжила: – Чтобы мы полюбили снова: ты – свою жену, я – своего мужа.

Он промолчал.

– Вот и все, что я хотела сказать.

Он потянулся к прикроватному столику, нащупал на нем коробок и зажег спичку, чтобы осветить ее лицо. В глазах ее он увидел огонь. Он вздохнул. Спичка погасла.

– Будь я проклят, ты это всерьез, – прошептал он.

– Да, и ты тоже. Попробуем?

– Боже мой...

– Оставь Бога в покое, я не сошла с ума!

– Послушай...

– Нет, это ты послушай. – Она снова взяла его руки и крепко сжала. – Для меня. Ты сделаешь это для меня? А я сделаю то же самое для тебя.

– Ты хочешь, чтобы я загадал желание?

– Мы часто делали это в детстве. Иногда эти желания исполняются. Впрочем, в этом случае они перестают быть обычными желаниями и становятся чем-то вроде молитв.

Он опустил глаза.

– Я не молюсь вот уже много лет.

– Это не так. Сколько раз ты хотел вернуться в то время, когда вы только-только поженились? Это были молитвы. Только ты каждый раз

считал подобные надежды несбыточными, и молитвы оставались безответными.

Он нервно сглотнул.

– Не говори ничего, – сказала она.

– Но почему?

– Потому что сказать тебе сейчас нечего.

– Хорошо, я помолчу. Дай мне немного подумать... Скажи, ты хочешь... ты действительно хочешь, чтобы я загадал желание за тебя?

Она опустила на пол, из закрытых глаз по ее щекам струились слезы.

– Да, любимая, – сказал он мягко.

Было три часа утра, и все было сказано, и они выпили по стакану горячего молока и почистили зубы, и он увидел, выйдя из ванной, что она расстилает постель.

– И что же я теперь должен делать? – спросил он.

Она обернулась:

– Прежде мы это знали. Теперь – нет. Иди сюда.

Она похлопала по дальней стороне кровати.

Он обогнул кровать.

– Я чувствую себя как-то глупо.

– Скоро ты будешь чувствовать себя куда увереннее.

Он лег под одеяло, скрестил руки поверх него и опустил голову на взбитую подушку.

– Так, что ли?

– Все правильно. Теперь сосредоточься.

Она погасила свет, легла на свою половину кровати и взяла его за руку.

– Ты чувствуешь усталость и хочешь спать?

– Честно говоря, да.

– Вот и прекрасно. Главное – сохранять серьезность. Ничего не говори, только думай. Ты знаешь о чем.

– Знаю.

– Закрой глаза. Так. – Она тоже закрыла глаза, и теперь они лежали, взявшись за руки, и не было слышно ничего, кроме их дыхания. – Теперь вдохни, – прошептала она.

Он послушно вдохнул.

– Выдохни.

Он сделал выдох.

Она тоже выдохнула.

– Так, – еле слышно прошептала она. – Начали! Загадывай желание!

Прошло тридцать секунд.

– Загадал? – спросила она негромко.

– Загадал, – ответил он еле слышно.

– Замечательно, – сказала она. – Спокойной ночи!

Примерно через минуту в темной комнате вновь почти неслышно прозвучал его голос:

– Прощай.

Он проснулся без видимой на то причины и попытался припомнить свой сон. То ли земля закачалась у него под ногами, то ли где-то далеко-далеко, за десять тысяч миль от города, где он жил, произошло землетрясение, которого никто не почувствовал, то ли над миром пронеслась весть о втором пришествии Христа, которой оглохший мир так и не внял, то ли луна влетела в комнату и, мгновенно изменив не только ее, но и их тела и лица, остановилась так резко, что от внезапно наступившей тишины его глаза широко открылись. И уже в момент пробуждения он знал, что на улице сухо, дождя нет и тихие звуки, которые он слышит, – это плач.

И еще он знал, что загаданное им желание исполнилось.

Конечно же, он осознал это далеко не сразу. Он почувствовал это, догадался об этом по невероятному, новому ощущению тепла, исходившего от прелестной женщины, лежащей рядом. А еще по ее ровному, спокойному дыханию. Волшебство свершилось среди сна, праздник уже будоражил ее кровь, хотя она еще не пробудилась, чтобы осознать это. Но сон ее знал уже все и нашептывал об этом с каждым ее выдохом.

Он осторожно приподнялся на локте, боясь поверить предчувствию. Склонившись, он вглядывался в ее лицо, ставшее еще прекраснее, чем раньше.

Лицо это было исполнено уверенности и покоя. Ее губы изогнулись в улыбке. Будь ее глаза открыты, они наверняка сияли бы неземным светом.

Проснись, хотелось сказать ему. Я знаю о твоём счастье. Теперь о нём должна узнать и ты. Проснись же.

Он хотел коснуться ее лица, но в последний момент отвел руку в сторону.

Заметив, что ее веки дрогнули, он поспешил лечь на свою половину кровати и закрыть глаза. Через какое-то время он услышал, как она села и, тихо вскрикнув от радостного изумления, тихонько коснулась его лица. Ей открылось то, что несколькими минутами ранее стало ведомо и ему.

Она поднялась с постели и стала носиться по комнате подобно птице, пытающейся вырваться из клетки. Она снова и снова подбегала к нему,

чтобы поцеловать его в щеку, она смеялась, она пела. Он услышал, как она перешла в гостиную, взяла телефонную трубку и набрала чей-то номер.

– Роберт? – услышал он ее голос. – Боб? Где ты? Впрочем, о чем я? Какая глупость! Я прекрасно знаю, где ты сейчас находишься. Боб, ответь мне, могу ли я прилететь к тебе прямо сегодня? Я тебе точно не помешаю? Ты спрашиваешь, что на меня нашло? Не знаю. Не спрашивай. Так можно или нет? Скажи «да»!.. О, чудесно! До встречи!

Она повесила трубку.

Через какое-то время она вернулась в комнату и, присев на краешек кровати, стала торопливо одеваться. Он открыл глаза и взял ее за руку.

– Что-то произошло, – прошептал он.

– Да.

– Желание исполнилось.

– Ну не чудо ли? Это невозможно, но произошло! Почему? Как?

– Мы оба верили, что так оно и будет, – сказал он еле слышно. – Я искренне желал тебе счастья.

– Аятебе! Мы оба проснулись совершенно другими людьми! Как это замечательно! Представь, что было бы, если бы изменилась только я или только ты!

– Даже думать об этом страшно, – согласился он.

– Нет, правда, это чудо? – сказала она. – Мы желали так сильно, что кто-то, или что-то, или сам Бог услышал наши мольбы и вернул нам любовь, чтобы отогреть наши продрогшие души и научить нас, как жить, потому что второго шанса не будет, так?

– Может быть, и так...

– А может быть, все дело в том, что мы просто одновременно осознали, что пришло время расставаться?

– Я слышал, как ты говорила по телефону. Что тут еще скажешь! Когда ты уйдешь, я позвоню Энн.

– Seriously?

– Еще бы не серьезно.

– Господи, как я рада и за тебя, и за себя, и за всех остальных!

– Что же ты медлишь?! Беги! Лети к нему!

Она вскочила на ноги и начала спешно причесываться, но тут же со смехом бросила:

– Мне все равно, как я сейчас выгляжу!

– Ты красива, как никогда...

– Тебе это кажется.

– Мне всегда это будет казаться.

Она склонилась над кроватью и поцеловала его в губы.

– Это наш последний поцелуй?

– Да, – сказал он, – последний.

– Еще один.

– Только один.

Она погладила его по щеке.

– Как я тебе благодарна за твое желание...

– А я тебе за твое.

– Ты позвонишь Энн прямо сейчас?

– Да.

– Передавай ей привет.

– А ты передавай привет Бобу. Господь любит тебя, детка. Прощай.

Она выбежала в соседнюю комнату и в следующее мгновение уже спешила по длинному коридору к лифту.

Он сидел, глядя на телефон, но брать его не стал. Взглянув на зеркало, он увидел, что по щекам его катятся слезы.

– Ну, ты и враль, – сказал он своему отражению. – Ну, ты и враль!

И он вновь улегся на кровать, положив руку на пустую соседнюю подушку.

Quid pro quo

[5]

Вам не удастся построить Машину Времени, если вы не будете знать, куда именно вы хотите отправиться. Пункты назначения. Каир первого столетия от Рождества Христова? Домафусаилова Македония? Хиросима за миг до катастрофы? Пункты назначения, места и события.

Я же умудрился построить свою Машину Времени совершенно невзначай, не думая о каких-то определенных местах или событиях.

Я собрал свое Транспортное Устройство из фрагментов опутанного тонюсенькими проводами нервного сплетения, отвечающего за восприятие и интуицию.

Добавил к этому внутреннюю поверхность продолговатого мозга и область коры позади зрительного нерва.

Между участком мозга, ведающим скрытым смыслом, и незримым радаром ганглия я установил перцептор отличий между прошлым и будущим, более существенных, чем изменение названий, мест и чем всякие там сногшибательные события.

Подключил мое старое изобретение – часы, оснащенные микроволновыми антеннами, умеющие выносить моральные суждения далеко за пределами моих собственных интеллектуальных способностей.

В сущности, Машина экстраполировала последовательность человеческих взлетов и падений и на этой основе сама устанавливала себе пункт назначения, я же был в ней чем-то вроде багажа.

Знал ли я об этом, собирая и настраивая свое механическое детище? Нет, не знал. Я всего лишь поигрывал идеями и желаниями, мнениями и предвидениями, основанными на успехах и неудачах, и наконец отошел немного в сторонку, чтобы получше рассмотреть свое бессмысленное творение.

Оно стояло у меня на чердаке, яркое и блестящее, состоящее из сплошных углов и колен, урчащее и всегда готовое к дальним странствиям. Если бы я сказал ему «поехали!», оно тут же рвануло бы с места. Мне не нужно было выбирать направление, Машина сама бы его выбрала, заглянув мне в душу.

Тогда бы она встала на дыбы и галопом помчалась во все стороны – один Бог знает куда. Но, когда доберемся, и мы узнаем.

Итак, все началось вот с чего. На моем темном чердаке дремлет в

засаде, затаив дыхание и тихо жужжа своими паутинками-нервами, странное сооружение с парой сидений для туристов.

Почему я решил собрать Машину на чердаке?

В конце концов, она должна была не столько летать, сколько нырять в глубины Времени.

Итак, Машина. Чердак. Ожидание. Чего?

Санта-Барбара. Маленький книжный магазин. Я раздаю автографы поклонникам, и тут – взрыв. Страшная сила швыряет меня к стене... Когда я открыл глаза и огляделся, я увидел в дверях старого-престарого человека, не решавшегося переступить через порог. Невероятно сморщенный. Лихорадочный блеск в глазах. На дрожащих губах – слюна. Он трясся так, словно его только что поразила молния.

Я продолжал подписывать книги до той поры, пока мне в голову не пришла совершенно нелепая мысль. Я вновь посмотрел на дверь.

Старый-престарый человек по-прежнему подобно чучелу стоял в дверном проеме и смотрел в мою сторону.

Я обмер. Я почувствовал, как похолодели моя шея и руки. Ручка выпала из моих пальцев, когда он, хихикая, ощупью двинулся вперед.

– Неужто ты меня забыл? – спросил он со смехом.

Я обследовал взглядом свисающие на щеки длинные пряди седых волос, поросший белой щетиной подбородок, выцветшую рубашку, замусоленные джинсы, сандалеты на босу ногу и вновь перевел взгляд на его горящие безумием глаза.

– Так помнишь или нет?

– По-моему...

– Я – Саймон Гросс! – воскликнул он.

– Кто?!

– Гросс! – проблеял он. – Саймон Гросс!

– Сукин ты сын! – взъярился я.

Мой стул упал. Стоявшие вокруг меня люди отпрянули в разные стороны. Старый-престарый человек, закрыв глаза, отшатнулся, как от удара.

– Мерзавец! – На мои глаза навернулись слезы. – Саймон Гросс, говоришь? Что же ты сделал со своей жизнью?

Он поднял заскорузлые дрожащие руки открытыми ладонями наружу, как бы защищаясь от моего крика.

– Господи, – пробормотал я. – Твоя жизнь... Что ты с ней сделал?

Я услышал оглушительные раскаты грома, и память вернула меня на сорок лет назад. В ту пору мне было тридцать три года и я только-только

начинал свою карьеру.

Передо мной стоял девятнадцатилетний красавец Саймон Гросс с ясными невинными глазами, любезными манерами и пачкой рукописей под мышкой.

– Моя сестра сказала... – начал он.

– Знаю, знаю, – перебил я его. – Она дала мне ваши рассказы. Я читал их всю ночь. Вы – гений.

– Зачем же вы так, – смутился Саймон Гросс.

– Я говорю как есть. Я готов взять все, что вы принесете, поскольку могу, не глядя, продать любой ваш рассказ. И не как литературный агент, но как друг гения.

– Пожалуйста, не надо так говорить.

– Я ничего не могу с собой поделать. Такие люди, как вы, рождаются раз в столетие.

Я быстро просмотрел его новые рассказы.

– Отлично. Замечательно. Я продам их все и не возьму комиссионных.

– Будь я проклят!

– Нет, благословен. Генетически, от Бога!

– Я не хожу в церковь.

– Вам это и не нужно, – сказал я. – Теперь уходите. Дайте мне немного отдышаться. Обычных людей вроде меня ваш гений подавляет. Я восхищаюсь вами, завидую вам и почти что ненавижу вас. Уходите!

Он смущенно улыбнулся и вышел, оставив у меня на столе целую стопку раскаленной добела, жгущей мне руки бумаги. За две недели я распродал все рассказы этого девятнадцатилетнего юнца, чьи слова творили чудеса.

Они всколыхнули всю страну.

– Где вы его отыскали? – спрашивали меня. – Он пишет как внебрачный сын Эмили Дикинсон^[6] и Скотта Фицджеральда^[7]! Вы его агент?

– Нет. Ему не нужны агенты.

Саймон Гросс написал еще дюжину рассказов, которые тут же пошли в печать и встретили такой же восторженный прием.

Саймон Гросс. Саймон Гросс. Саймон Гросс.

Я был его почетным опекуном, первооткрывателем и завистливым, но великодушным другом.

Саймон Гросс.

А потом была Корея.

Загорелый и небритый, он стоял у меня на пороге в белой матроске,

сжимая в руках свой последний рассказ.

– Заходи, мой мальчик, – пригласил я его.

– Я не мальчик.

– Ну что ж, будь по-твоему. Ты только не погибни. И не становись слишком знаменитым!

– Не стану. – Он обнял меня и тут же убежал.

Саймон Гросс. Саймон Гросс.

Война закончилась, и он куда-то запропал. Десять лет в одном месте. Тридцать в другом. До меня порой доходили какие-то смутные слухи. Одни говорили, что он поселился в Испании, женился на хозяйке замка и стал чемпионом в стрельбе голубей. Другие клялись, что видели его где-то в Марокко, кажется в Марракеше. Потом он промотал где-то еще десяток лет и в 1998 году объявился наконец, прервав сорокалетнее молчание, у порога помещения, где я, окруженный плотным кольцом почитателей, раздавал автографы, а на чердаке у меня дома бесполезно стояла Машина Времени.

Саймон Гросс. Саймон Гросс.

– Да дьявол тебя побери! – крикнул я.

Старый-престарый человек отшатнулся, испуганно прикрывая лицо руками.

– Где ты пропадал все это время? Что ты сделал с собой? Господи, какая потеря! Посмотри на себя и выпрями, наконец, спину! Неужели ты – это ты?

– Я...

– Заткнись! Безмозглое, бесчувственное чудовище, что ты сделал с тем симпатичным молодым человеком?

– С каким таким молодым человеком? – прошамкал старый-престарый человек.

– С самим собой! Ты был гением! Весь мир лежал у твоих ног! Тебе удавалось все. Ты мог писать вверх ногами и задом наперед, и все получалось как надо. Мир был устрицей, которую ты одаривал жемчугом! Господи, ты хоть соображаешь, что ты сделал?

– Ничего.

– Вот именно! А нужно-то было только свистнуть, только мигнуть – и все было бы твоё!

– Не бей меня, – захныкал он.

– Не бить?! Да тебя убить мало!

Я огляделся по сторонам в поисках чего-нибудь увесистого, но понял, что могу рассчитывать только на собственные кулаки.

– Идиот проклятый, да знаешь ли ты, что такое жизнь? – спросил я у

него.

– Жизнь? – прошамкал старый-престарый человек.

– Жизнь – это сделка. Сделка с Богом. Он дает тебе жизнь, а ты за это платишь. Это не подарок, а ссуда... Ты должен не только брать, но и давать. Как говорится, услуга за услугу. Кви про кво!

– Кви...

– Про кво! Рука руку моет! Бери займы и плати, давай и бери! А ты? Какое транжирство! Десятки тысяч людей пошли бы на убийство, умерли бы за то, чтобы стать таким, каким ты был когда-то! Отдай другим свое тело, отдай свой мозг, если он тебе не нужен, но не разрушай его! Потерять все! Как ты посмел! Что ты натворил! Это же убийство и самоубийство! Будь же ты проклят!

– Я?! – охнул старый-престарый человек.

– Посмотри сюда! – крикнул я, подводя его к зеркалу. – Кого ты здесь видишь?

– Себя, – проблеял он.

– Нет, ты видишь умученного тобой молодого человека! Будь ты проклят!

Я замахнулся на него кулаком.

И в этот момент произошло нечто ошеломляющее. В моей голове замелькали видения. Замаячил чердак и бесполезная Машина на нем, ожидающая непонятно чего. Машина, которую я соорудил, сам удивляясь зачем. Машина с двумя сиденьями, ожидающими пассажиров, отправляющихся – куда?

Мой кулак замер в воздухе. Видения промелькнули, и я опустил руку. Со столика, на котором я подписывал книги, я взял стакан с вином.

– Ты хотел меня ударить? – захныкал старый-престарый.

– Нет. Выпей это.

Он устоял на появившийся в его руке стакан и спросил:

– Я увеличусь или уменьшусь?

Ну да, Алиса в кроличьей норе, разглядывающая пузырек с наклейкой «Выпей меня».

– Так как же? – спросил он вновь.

– Пей, тебе сказано!

Он выпил. Я вновь наполнил его стакан. Удивляясь этому подношению, пришедшему на смену моему приступу ярости, он выпил, а потом выпил и третий стакан, и глаза его увлажнились.

– И что же теперь?

– А вот что! – сказал я и выволок его, едва не покалечив, на улицу,

зашвырнул, как пугало, в свою машину и повез к себе, причем я мрачно молчал всю дорогу, а Саймон Гросс, этот сукин сын, бормотал:

– Куда это мы?

– Куда надо!

Мы подъехали к моему дому, и я, решив не терять времени понапрасну, тут же затащил его на чердак, ухитрившись не свернуть ему при этом шею.

Мы оказались перед моей Машиной Времени.

– Теперь мне ясно, зачем я ее строил! – сказал я.

– Ты это о чем? – спросил с опаской Саймон Гросс.

– Заткнись. Лезь туда!

– Это что – электрический стул?

– Кому как. Лезь, тебе говорят!

После того как старик занял свое место, я пристегнул его ремнями, сел рядом с ним и отжал рычаг управления.

– Это что? – спросил Саймон Гросс.

– Нет, – ответил я. – Это куда.

Я быстро выставил регуляторы лет/месяцев/ дней/часов/минут и стран/ городов/улиц/кварталов/домов и установил переключатель режимов в положение «туда и обратно».

Шкалы приборов ожили, солнце, луна и годы бешено завертелись, и уже в следующее мгновение мы оказались в нужном времени и в нужном месте.

Саймон Гросс стал изумленно озираться по сторонам.

– Я здесь уже бывал...

– Это твой дом.

Я выволок его на лужайку перед домом.

На крыльце стоял симпатичный молодой человек в белой матроске и с кипой рукописей под мышкой.

– Это я! – вскричал старый-престарый человек.

– Да, это Саймон Гросс.

– Привет, – обратился к нам молодой человек в белоснежной матроске. – Вы как-то постарели, – сказал он, удивленно глядя на меня, и, указав кивком головы на старика, спросил: – А это кто?

– Это Саймон Гросс.

Молодой человек молча посмотрел на старика, старик молча смотрел на молодого человека.

– Нет, это не Саймон Гросс, – сказал молодой человек.

– Нет, это не я, – сказал старик.

– И все-таки это так.

Оба медленно повернулись ко мне.

– Я вас не понимаю, – сказал девятнадцатилетний Саймон Гросс.

– Верни меня назад! – взмолился старик.

– Куда?

– Туда, откуда мы пришли!

– Уходите, – сказал молодой человек, пятась к двери.

– Не могу, – ответил я. – Присмотрись получше. Таким ты станешь после того, как потеряешь себя. Да, это Саймон Гросс. Сорок лет спустя.

Некоторое время молодой моряк стоял неподвижно. Его взгляд скользил изучающе по фигуре старика и остановился наконец на его глазах. Лицо моряка покраснело, а руки непроизвольно то сжимались в кулаки, то разжимались.

– Кто же вы в самом деле? – наконец спросил он.

Голос старого-престарого дрогнул:

– Саймон Гросс.

– Сукин ты сын! – воскликнул молодой моряк. – Пропади ты пропадом!

И ударил старика по лицу, и еще раз, и еще, и старый-престарый человек стоял, осыпаясь градом ударов, пока не рухнул на мостовую, и его молодая ипостась склонилась над его телом.

– Он умер? – осведомился молодой человек.

– Ты убил его.

– У меня не было другого выхода.

– Что верно, то верно.

– Выходит, я убил самого себя?

– Все зависит от того, хочешь ли ты жить.

– Конечно хочу!

– Тогда возвращайся домой. Я заберу его с собой.

– Почему вы это сделали? – спросил Саймон Гросс, которому было всего девятнадцать.

– Потому что ты – гений.

– Вы продолжаете это говорить.

– Потому что это так и есть. Возвращайся домой! Не медли!

Он сделал пару шагов и снова замер.

– Это что – вторая попытка?

– Надеюсь, что да. Не забывай об этом. Ни за что не селись в Испании и не стреляй в Мадриде голубей!

– Я вообще не буду в них стрелять!

– Это точно?

– Точно!

– И еще – никогда не превращайся в такого старика, слышишь?

– Слышу.

– Ты ничего не забудешь?

– Ничего.

Он поспешил к дому.

– Теперь я отвезу тебя обратно, – сказал я, обращаясь к бездыханному телу, – и похороню в безымянной могиле.

Я уселся в свою Машину и бросил прощальный взгляд на пустынную улицу.

– Удачи тебе, Саймон Гросс, – прошептал я и, щелкнув переключателем, исчез в будущем.

После бала

Огни над зданием с облупившейся вывеской «Танцевальный зал Майрона» замигали, будто собираясь погаснуть, и крошечный оркестрик заиграл финальную тему. Гости, шурша одеждой и шаркая подошвами, стали направляться к выходу. Через минуту музыка смолкла, огни мигнули в последний раз и зал погрузился в темноту.

В следующее мгновение внизу открылась боковая дверь и из нее на улицу вышли пятеро (а может быть, и шестеро) музыкантов, несших футляры с внезапно потяжелевшими инструментами. Музыканты поспешили рассестись по своим машинам, явно не желая встречаться с многоголосой шумной толпой, спускавшейся по главной лестнице. К тому времени, когда на улицу вышли все участники бала – шестьдесят женщин весьма пожилого возраста и примерно такое же количество старых мужчин, – машины музыкантов уже исчезли в ночи, обьятой напозавшим с гор и с моря туманом.

Около тридцати участников праздника выстроились на южной стороне улицы в ожидании трамвая местной линии, все же остальные, почему-то более шумные и веселые, перешли на находившуюся напротив остановку дальнего трамвая, который должен был отвезти их на тихоокеанское побережье.

Выстроившись в очередь и дрожа от знакомого всем калифорнийцам ночного холода (особенно чувствительного после дневной тридцатиградусной жары), мужчины чертыхались сквозь зубы, а дамы в цветастых вечерних платьях молча вглядывались в даль так, будто это могло ускорить появление транспорта.

Как ни странно, это, похоже, сработало.

– Едет, едет! – оживились дамы.

– Да, черт побери! – отозвались кавалеры.

Все это время они не смотрели друг на друга.

Даже когда огромный, похожий на трансконтинентальный экспресс сдвоенный трамвай остановился, рассыпая искры и шипя тормозами, кавалеры в измятых пропотевших смокингах галантно помогали своим разодетым в пух и прах дамам подняться по железным ступенькам, стараясь не смотреть на их лица.

– Оп-ля!

– Я уже наверху!

– Вот и умница!

Вслед за дамами по стальным лесенкам в трамвай забрались и мужчины.

Прозвенел колокольчик, прогудел клаксон, и огромный трансконтинентальный экспресс, идущий, правда, только до Венеции^[8] (до которой было всего тридцать миль), тронулся с места и поспешил к сокрытому в полуночном мраке месту своего назначения.

Это вызвало бурный восторг как у утомленных танцами дам, так и у мужчин, мечтавших поскорее отстегнуть накрахмаленные белые манишки и распустить галстуки.

– Мне душно, откройте, пожалуйста, окошко!

– Меня знобит, поскорее закройте все окна!

Разделившись на арктических и экваториальных жителей, эти старые дети дружно устремились к безмятежным морям и к берегам безумной надежды.

Пара, сидевшая в первом вагоне прямо за вагоновожатым, зачарованно наблюдала, как движениями, напоминавшими взмахи дирижерской палочки, он переключал медные рукоятки – левую, правую, среднюю – и при этом непрерывно всматривался в туман.

Стальной экипаж вез их от Майрона к Нептуну.

Первой молчание нарушила дама:

– Вы не позволите мне сесть возле окна?

– Разумеется! Я и сам хотел вам это предложить.

Они поменялись местами. Она повернулась к окну и стала следить за проплывавшими мимо темными зданиями и деревьями, над которыми виднелись редкие звезды и узкий серп луны.

– О чем вы думаете? – поинтересовался он.

Ее силуэт смутно виднелся на фоне этих проплывающих за окном теней.

– Когда сижу в такой древней развалюхе, – тихо сказала она, – мне всегда кажется, будто я путешествую сквозь время, в прошлое.

– Никогда об этом не задумывался, – хмыкнул он, вытягивая шею, чтобы лучше ее разглядеть, но она сидела, отвернувшись к окну, казавшемуся ему телевизионным экраном, на котором нерезко настроенные каналы переключались ежесекундно. Он принялся рассматривать свои руки. На них были надеты белые перчатки. – Никогда.

– Так задумайтесь, – вздохнула она.

– Простите, не понял?

– Задумайтесь об этом, – повторила она чуть-чуть погромче и вновь

углубилась в созерцание мелькавших за окном ночных картин. – Мне кажется, это связано не только с временем и пространством. Я испытываю донельзя странное чувство...

– И что же вы чувствуете?

– Мне кажется, что я таю, ну, как будто теряю вес. Чем дальше мы едем, тем легче я становлюсь. Разве это не странно? Может быть, и вы испытываете нечто подобное?

– Признаться, нет.

– Так не теряйте же времени зря! Расслабьтесь. Сначала невесомыми станут ваши ступни, затем лодыжки, потом колени... Останется только ваша одежда!

Он озадаченно покосился на соседку, но так и не смог увидеть ее лица.

– Ну так давайте, – шептала она. – Расслабьтесь! Снимите все зажимы! Ну как, получается?

– Я действительно начинаю что-то чувствовать.

Он откинулся на спинку сиденья.

– Не надо ничего говорить, просто расслабьтесь, – продолжала она, не оборачиваясь.

– Уже, – пробормотал он, принявшись массировать колени руками. – Почти...

– Не лгите!

– С чего вы взяли, что я лгу?

– Мужчины привыкли лгать – они всю жизнь только этим и занимаются. Пора бы и остепениться.

– Нет-нет, – запротестовал он. – Я действительно это чувствую!

– Я рада за вас. Только не надо так волноваться. Какое странное чувство, правда?

Он молча кивнул. Большой красный трамвай ехал все дальше и дальше, оставляя позади маленькие приморские поселки, открытые поля, детские сады и рощи.

– Вы меня просто сразили! – сказал он неожиданно.

– Тсс! – прошептала она.

– Нет, правда, – продолжал он. – Вы были душой этой вечеринки, заморозив собравшихся своими рассказами, идеями, и все послушно делали то, что вы предлагали! И я действительно теряю вес, в точности как вы и сказали.

– Вот и прекрасно.

Он обернулся и обвел взглядом покачивавшихся в такт движению трамвая пассажиров.

– Вы обратили внимание на то, – сказал он, – что все участники сегодняшнего бала были в белых перчатках? Вы, я, все?

– Хотелось бы знать почему? – Она отвернулась.

– Я хотел спросить об этом у вас.

Мерно покачивавшийся трамвай все глубже и глубже погружался в пучину постепенно сгущавшегося тумана. Он долго смотрел на ее собранные в узел темные волосы и наконец спросил:

– Простите, как вас зовут? Помнится, там, в зале, вы назвали свое имя, но оркестр играл так громко, что я, к сожалению, его не расслышал...

Ее губы едва заметно шевельнулись.

– Простите? – переспросил он.

Ее губы шевельнулись вновь.

– Вот мы и приехали, – сказала она.

– Если вас интересует мое имя, то я могу назвать его хоть сейчас...

– Мы уже приехали, – повторила она, отмахнувшись от него и направляясь по проходу между сиденьями к выходу, и была уже на полдороге к двери, прежде чем до него дошло, что она ушла и что состав замедляет ход.

Он увидел огни за окном, дверь с шипением растворилась, и он не поспел за своей спутницей, чтобы, выйдя первым, помочь ей сойти. Но наконец он встал рядом с ней, и прозвучали колокольчик и клаксон, и огромный ночной трамвай исчез в ночи, а она все стояла и смотрела на звезды.

– Мне кажется, нам следовало бы сойти с дороги, – сказал он. – Мы мешаем движению.

– Здесь нет машин, – спокойно ответила она, направившись к обочине.

Он поспешил вслед за ней.

– Вы только на меня не обижайтесь.

– Безлунная темная ночь... Как я ей рада... Настоящая романтика.

– Мне всегда казалось, что луна и лунный свет...

– Ни луны, ни света, – оборвала она его. – Так лучше всего.

Она переступила через бордюр и двинулась по дорожке, ведущей к ее жилищу, которое находилось на втором этаже четырехквартирного дома.

– Тихо, как мыши! – прошептала она.

– Да!

– Говорите потише!

– Да, – повторил он шепотом.

Они уже стояли на лестничной площадке. Увидев, что она сняла туфли, он сделал то же самое. Пройдя несколько шагов, она обернулась и,

убедившись, что он несет ее туфли, повторила:

– Как мыши!

И стала бесшумно подниматься по лестнице. К тому времени, когда он добрался до площадки второго этажа, она была уже в своей квартире, состоявшей из просторной гостиной, в центре которой стояла большая двуспальная кровать, небольшой столовой и кухни. Дверь ванной комнаты беззвучно закрылась.

– Что вы там стоите?

Он расценил эти слова как предложение снять смокинг. Немного подумав, он снял с себя манишку и воротник и, еще немного поколебавшись, отстегнул подтяжки, стянул брюки и повесил их на спинку стула, обнаруженного им в полутемной, освещенной лишь тусклым светом ночника комнате. Но оставшись только в нижнем белье и носках, он, не получая ясных указаний, заметался в нерешительности, то направляясь к кровати, то отступая от нее.

– Вы уже на месте? – послышалось из-за двери.

Он посмотрел на кровать.

– На месте? – спросила она еще раз очень тихо.

Он подошел к кровати, ответил: «Кажется, да» – и лег. Пружины откликнулись мягким звоном.

– Да! – сказала она.

Дверь ванной открылась, и показался высокий силуэт. Прежде чем он мог хорошо разглядеть фигуру, свет погас.

– Надеюсь, вы закрыли глаза?

Он молча кивнул. В следующее мгновение она уже лежала рядом.

– Откройте глаза.

Он открыл глаза, но, как и тогда, в трамвае, не сумел разглядеть ее лица, только там она все время отворачивалась от него, так что он видел лишь ее силуэт на фоне окна, а здесь она хотя и повернулась к нему, но так пригасила ночник, что виден был только холмик тени, лишенный деталей.

– Добрый вечер, – сказала она.

– Добрый вечер.

– Как долго мы ехали...

– Слишком долго. Я едва дождался...

– Ничего не говорите.

Он вновь посмотрел на длинную тень, лишенную ясных очертаний.

– Но...

– Молчите.

Он вздохнул и замолчал, предоставив право говорить ей.

– Говорят, если хочешь написать рассказ, не определяй заранее его тему. Пиши – и только. Когда напишешь, узнаешь о чем. Так что... не надо ничего говорить.

Это была ее самая длинная тирада за весь вечер. Теперь она молчала. И как бы без всякого ее вмешательства погас ночник.

Он уловил какое-то едва приметное движение и услышал, как что-то мягкое упало на пол. В следующее мгновение он понял, что это были ее белые перчатки. Она сняла свои перчатки.

С удивлением он подумал, что единственная одежда, которая на нем еще осталась, это его перчатки. Но когда он попытался снять их, обнаружилось, что он как-то уже их стянул. Теперь его руки были открыты и уязвимы.

– Ничего не говорите, – прошептала она, придвигаясь к нему. – Ответьте только на один вопрос...

Он озадаченно кивнул.

– Скажите, – прошептала она еле слышно. Он так и не мог рассмотреть ее лица, по-прежнему казавшегося ему бледным таинственным отражением, которое он видел в окне ночного трамвая, темным силуэтом на фоне телевизионного экрана с мелькающими ночными программами. – Скажите, сколько вам лет?

От изумления он разинул рот, его охватила паника. Она повторила свой вопрос. И внезапно ему открылась простая и поразительная истина. Он зажмурил глаза, прочистил горло и пробормотал:

– Мне...

– Да.

– Мне восемнадцать, в августе будет девятнадцать, рост пять футов восемь дюймов, вес сто пятьдесят фунтов, волосы темно-русые, глаза голубые. Не женат.

Ему показалось, что он слышит, как она мягко повторяет, подобно эху, каждое его слово.

Она придвинулась еще ближе и прошептала:

– Скажи это еще раз.

In memoriam

Он ехал домой по извилистым улочкам, радуясь погоде и восхищаясь тропическими деревьями, осыпавшими лужайки темно-лиловым снегом. Боковым зрением, даже не фиксируя увиденного сознанием, настолько это было привычно, он замечал стоящие возле каждого второго гаража сооружения – баскетбольные щиты с закрепленными наверху корзинами, ожидающие игроков. Ничего заслуживающего внимания.

Он остановил машину перед домом и увидел на тротуаре свою жену, которая, сложив руки на груди, внимательно наблюдала за молодым человеком, стоявшим на стремянке с отверткой и молотком в руках. Они не замечали его до той поры, пока он не хлопнул дверцей.

– Какого черта вы тут затеяли? – закричал он и сам удивился собственной горячности.

Жена холодно ответила:

– Ничего особенного. Просто мы решили ее снять. Она висит здесь уже не один год...

Муж перевел взгляд на молодого человека.

– Немедленно спускайтесь вниз!

– Что это с тобой? – удивилась жена.

– Ничего. Вы что, не понимаете? Я сказал – спускайтесь вниз!

Молодой человек согласно кивнул, картинно закатил глаза и спустился на землю.

– А теперь уберите отсюда лестницу! – приказал муж.

– С каких пор ты стал кричать на людей? – одернула его жена.

– Разве я кричу? Впрочем, пожалуй, ты права. Пожалуйста, поставьте стремянку на место... Благодарю вас.

– Так-то оно лучше, – вздохнула супруга.

Поставив стремянку в гараж, молодой человек спокойно направился к своей машине.

Муж и жена молча стояли посреди дороги, глядя на баскетбольную корзину, пока машина не отъехала.

– И что же все это должно означать? – наконец спросила жена.

– А то ты сама не понимаешь! – воскликнул он и, почувствовав, что на его глаза навернулись слезы, удивленно пробормотал: – Что это со мной?

– Тебе лучше знать, – сказала она примирительным тоном. – Идем домой.

– Нет, сначала нужно все закончить.

– Лестница уже в гараже, кольцо же, как видишь, пока остается на месте...

– Что значит «пока»?! – вновь вспыхнул он. – Я никому не позволю его снять!

– Но почему?

– Пусть останется там. На всякий случай.

– Я тебя не понимаю.

– Должно же быть у него хоть одно свое собственное место во всем этом треклятом мире! Такого места нет ни на кладбище, ни во всей этой стране, ни тем более в Сайгоне. Разве ты этого не понимаешь?

Она подняла глаза на корзину.

– Осталось принести цветы...

– Как только у тебя язык поворачивается!

– Прости. Просто ты не хочешь, чтобы это ушло навсегда.

– А почему я должен этого хотеть?

– Мне кажется, тебе самому так было бы куда легче.

– А ему?

– Право, не знаю. А ты-то сам сможешь ответить на этот вопрос?

– Когда-нибудь смогу. Что-то мне неможется... Где эта проклятая лестница? Я ее сейчас расколочу!

Он вошел в гараж и, обнаружив среди стопок старых газет баскетбольный мяч, вновь посмотрел на кольцо.

Вглядываясь в сумрак гаража, она спросила:

– Есть, наверное, хочешь?

– Нисколько, – вздохнул он устало. – Иди, я скоро приду.

– Пойду что-нибудь приготовлю.

Услышав хлопок входной двери, он вышел из гаража и остановился под кольцом, глядя на покачивавшуюся на ветру сетку.

– Почему? – пробормотал он еле слышно. – Почему?

Он посмотрел вдоль улицы сначала в одну, потом в другую сторону. Баскетбольные щиты и кольца с пожелтевшими от времени сетками. Два с одной стороны, три – с другой. Сразу понимаешь, кто живет в этих домах, подумал он.

Он запер гаражные ворота и, заметив за стеклами входной двери супругу, поспешил домой.

Жена поставила на стол бутылку вина, что случалось нечасто. Она наполняла его бокал дважды.

– Прости меня, – сказала она наконец. – Но ведь и ты должен меня

понять. Он уже никогда не вернется.

– Замолчи! – воскликнул он и, отложив в сторону вилку и нож, отодвинулся от стола.

– Кто-то должен был сказать это вслух.

– Нет!

– Мы говорили об этом и прежде. Ведь с той поры прошло уже много лет.

– Какая разница, сколько с той поры прошло лет?!

Она посмотрела на свою тарелку и сказала:

– Лучше выпей.

– Когда захочу, тогда и выпью, – угрюмо буркнул он, но тут же взял себя в руки. – Прости, пожалуйста.

Глядя, как он пьет вино, она спросила:

– И как долго все это будет продолжаться?

– Ты опять за свое?

– Нет-нет... Я только вытащила стремянку и наняла помощника.

– Ты просто ничего не понимаешь.

– Наверное, все дело в том, что ты давно уже не спишь как следует. И я подумала, ну, может быть, если... Я просто хотела помочь тебе отдохнуть. В этом ведь нет ничего плохого, правда? Ты совсем измотался.

– Да? – Он почувствовал, что у него дрожат колени, и кивнул. – Да. Наверное.

– В этом нет ничего удивительного! И вообще, чего ты все время ждешь?

– Я и сам толком не знаю. – Он вновь взял вилку, но так и не принялся за еду. – Последние две ночи я лежал и слушал.

– Слушал что?

– Не знаю. Я просто лежал и прислушивался. Но ничего не произошло.

– Ешь, пожалуйста. Или ты решил уморить себя голодом?

– Прости.

– И допивай свое вино.

Поздно вечером она сказала ему:

– Попробуй уснуть.

– Увы, от меня это не зависит.

– И все-таки попробуй. Меня очень волнует твое состояние.

Она поцеловала его в щеку и отправилась в спальню.

– Я сейчас приду, – сказал он ей вслед.

Университетские часы пробили полночь, затем час, затем два. Он откупорил еще одну бутылку вина. С неоткрытой книгой на коленях, он

сидел, закрыв глаза, и чего-то ждал. За окном поднимался ветер.

Когда университетские часы пробили три раза, он поднялся на ноги, тихонько вышел из дома, открыл гараж и, отыскав баскетбольный мяч, не стал выносить его наружу, а положил на цементный пол.

Главное, оставить ворота гаража открытыми, подумал он. Тогда, может быть, получится.

Он вышел на улицу и подумал о том, что на корзину лучше не смотреть. Не замечать. Тогда, может быть...

Он закрыл глаза и, недвижно застыв на залитой лунным светом площадке, весь обратился в слух.

Где-то в вышине шумел ветер.

Да, подумал он.

Лист, осенний жухлый лист перелетел через дорогу.

Да, подумал он, о да.

Приглушенные звуки. Как будто кто-то подбежал к дому, потом пошел спокойным шагом, остановился на мгновение и стал кружить то медленнее, то быстрее. Приглушенные звуки.

Да, подумал он. Вот оно, здесь.

Так и не открывая глаз, он вытянул перед собою руки, пытаясь почувствовать движение воздуха. Ничего. Только ветер и свет луны.

И все-таки да. Конечно же, да. Сейчас.

И снова – *сейчас*.

Снова и снова – *сейчас*.

Он проснулся оттого, что жена села на краешек его постели.

– Ее нет, – сказала она.

– О чем это ты?

Кивком она указала на окно.

Он медленно поднялся с постели, подошел к окну и окинул взглядом площадку перед домом.

Ни щита, ни кольца, ни сетки.

– Что здесь происходило этой ночью?

– Что-то происходило...

– Что?

– Я и сам этого не знаю. Может быть, во всем виновата погода. Все ожило. Может, это луна заставила все двигаться, и я спросил...

– Что ты спросил? – встрепелась жена.

– Я спросил: кем бы или чем бы ты ни был, ответь мне, вернется ли ко мне сон, если мы сыграем еще одну, последнюю игру? Самую-самую последнюю? Я почувствовал, как легкий ветерок коснулся моего лица и

рук. Луна на мгновение скрылась за тучкой. Это был знак. Я пошевелился, ветерок шевельнулся тоже.

– И что же?

– Мы сыграли последнюю игру.

– Я действительно слышала какие-то странные звуки. – Она вздохнула. – И кто же победил?

– Мы оба, – ответил он.

– Это невозможно.

– Возможно. Если только постараться.

– И выиграли вы оба.

– Именно так – оба.

Она тоже подошла к окну и посмотрела на опустевшую площадку.

– Но кто же снял корзину и щит? Неужто ты?

– Ну а кто же еще?

– Я не слышала, как ты доставал лестницу.

– И все-таки. Знала бы ты, каких сил мне стоило взобраться на нее, а спускаться было и того тяжелее. Полно пыли в глазах, ничего не видел.

– И куда же ты все это подевал?

– Понятия не имею. Мы найдем их в самый неожиданный момент.

– Слава богу, все уже позади.

– Да, да... Но знаешь, что самое хорошее?

– Ты о чем?

– Мы сыграли вничью, – ответил он.

И, немного помолчав, повторил:

– Вничью.

Тет-а-тет

Гуляя однажды летним вечером по дощатым дорожкам приморского парка, мы, я и мой приятель Сид, увидели на одной из стоявших возле самой кромки прибоя скамеек знакомую картину.

– Смотри, – сказал я, – и слушай.

Мы стали смотреть и слушать.

На скамейке сидела старая еврейская чета, ему – лет семьдесят, ей – лет шестьдесят пять. Они громко разговаривали, горячо жестикулируя и не слушая друг друга.

– Сколько раз тебе это можно говорить!

– Ты мне ничего не говорил! Ничего, слышишь?!

– Нет, говорил! Я всю жизнь тебе что-то говорю! И таки важные вещи, если бы ты хоть раз попыталась понять!

– Таки важные, послушайте его! – возмутилась она. – Да назови хотя бы одну!

– Начнем со свадьбы.

– Со свадьбы?!

– С чего же еще? Весь этот бред, вся эта неразбериха!

– И кто же в ней был виноват?

– Я могу доказать как дважды два...

– Не надо мне ничего доказывать! Я отказываюсь тебя слушать!

И так далее, и так далее, и так далее.

– Жаль, диктофона нет, – сказал я.

– Зачем он тебе? – усмехнулся Сид. – Я смогу воспроизвести их диалог слово в слово в любое время дня и ночи!

Мы продолжили прогулку.

– Они сидят каждый вечер на этой самой скамейке уже много лет!

– Да, – покачал головой Сид. – Смех, да и только.

– А мне от этого почему-то грустно.

– Грустно? Брось ты! Они ужасно похожи на героев какого-нибудь дешевого водевиля театра «Орфеум»!

– Тебе действительно нисколько не грустно?

– О чем ты говоришь? Готов поспорить, они женаты уже лет пятьдесят. Эта перепалка началась еще до свадьбы и продолжилась сразу, как только закончился медовый месяц.

– Они просто не слушают друг друга.

– Да, но они делают это *по очереди!* Сначала она не слушает, потом он. Будь иначе, они тут же обратились бы в камень. Все точно по Фрейду.

– С чего ты взял?

– Они просто выплескивают все! Не остается никаких претензий, никаких страхов. Спорю, они укладываются спать, не переставая ругаться, и через две минуты засыпают с улыбкой на губах!

– Ты полагаешь?

– То же самое происходило с моими дядей и тетей, подобные баталии их только закалили.

– И сколько же лет они прожили?

– Тетушка Фанни и дядюшка Эйза? Восемьдесят и восемьдесят девять.

– Так долго?

– Словесная диета, сам понимаешь. Еврейский бадминтон: он подает – она отбивает, она подает – он отбивает. При этом, конечно же, никто не выигрывает, но, заметь, и не проигрывает.

– Я никогда об этом не задумывался.

– Ну так подумай. Пойдем, пора подкрепиться.

Мы повернули назад и направились к воротам парка.

– И еще одна вещь, – сказал старик.

– И еще тысяча других вещей.

– А кто это считал? – сказал он.

– А вот смотри. Куда я положила этот список?

– Список! Кому нужны твои списки?

– Мне! Тебе не нужны, а мне нужны!

– Послушай...

– Дай мне договорить!

– И так до бесконечности, – усмехнулся Сид.

Через пару дней он позвонил мне домой.

– Слушай, я раздобыл диктофон!

– Зачем?

– Ты писатель, я писатель. Пособираем зерен для наших мельниц.

– Ну...

– Я за тобой заеду.

Мы вновь отправились на прогулку по приморскому парку. Стоял на удивление тихий и погожий калифорнийский вечер, о каких мы даже не рассказываем родственникам с восточного побережья из опасения, что они поверят и тут же заявятся в гости.

– Я ничего не хочу слышать!

– Замолчи! Мне надоели твои вечные увертки!

– Да, – сказал я, прикрыв глаза. – Все то же. Та же пара и тот же разговор. Волан по-прежнему над сеткой. Проигравших нет. Ты и вправду собрался записывать их разговор на диктофон?

– А что, зря, что ли, Дик Трейси его изобретал^[9]?

Когда мы медленно подошли поближе, он незаметно включил диктофон.

– Как же его звали? Ах да – Айзек!

– С каких это пор?

– Конечно, Айзек!

– Его звали Аароном!

– Да нет же! Это старшего звали Аароном!

– Нет, младшего!

– Кто тебе это сказал?

– Кто, как не ты!

– Как только у тебя язык поворачивается.

– Что, правда глаза колет?

– Да я докажу тебе как дважды два...

– Во дают! – довольно хмыкнул Сид, проходя мимо них с включенным диктофоном в кармане.

И так раз, и другой, и третий.

Потом совершенно неожиданно скамейка два вечера пустовала.

На третий вечер я зашел в находившийся неподалеку небольшой кошерный магазинчик и, указав на скамейку, поинтересовался судьбой ее завсегдатаев. Имен их я, разумеется, не знал. Конечно, конечно, сказали мне. Роза и Эл, Эл и Роза. А фамилия у них Штайн. Эл и Роза Штайн ходили сюда много лет, ни единого вечера не пропустили, но теперь этому конец. Эла уже нет. Такие дела. Умер во вторник. Вот скамейка и опустела, но тут уж ничего не поделаешь.

Хотя я и не был знаком с супругами Штайн, это известие наполнило мое сердце грустью. В маленькой местной синагоге я узнал название крошечного кладбища и, испытывая некоторое смущение и не вполне понимая зачем, отправился туда, чувствуя себя так же, как в ту далекую пору, когда я – тогда еще двенадцатилетний гой – зашел в синагогу, находившуюся в самом центре Лос-Анджелеса, чтобы разобраться, а каково это – ощущать себя частицей этой толпы поющих и молящихся людей с покрытыми головами.

Конечно же, она была там. Она сидела возле камня, на котором было вырезано его имя, и говорила, говорила, говорила, время от времени

касаясь камня рукой.

А что же он? Как и прежде, он ее не слушал.

После захода солнца я отправился в парк. При виде пустой скамейки сердце заныло у меня еще сильнее.

Но что я мог сделать?

Я позвонил Сиду и задал ему один-единственный вопрос:

– Надеюсь, ты сохранил все эти пленки?

В один из последних теплых вечеров мы с Сидом решили прогуляться по кошерной эспланаде, где помимо прочего можно было купить совсем недурное пастрами и сладкие ватрушки, и вновь вышли к берегу, где стояло никак не меньше пары дюжин скамеек. И тут Сид неожиданно сказал:

– Хотел бы я знать...

– Это ты о чем, Сид? – спросил я, заметив, что он смотрит в сторону скамейки, пустовавшей уже почти неделю.

– Посмотри. – Он взял меня под руку. – Видишь эту старую женщину?

– И что же?

– Она вернулась! А я-то думал, что с ней что-то стряслось.

– Я это знаю, – улыбнулся я.

– Ничего не понимаю! – изумился он. – Та же скамейка, и говорит она не меньше прежнего...

– Все правильно.

Скамейка была уже совсем недалеко.

– Странное дело, – прошептал он еле слышно. – Она, похоже, разговаривает сама с собой!

– Не совсем так, – покачал я головой. – Прислушайся получше.

– Пожалуйста, не морочь мне голову! Кому нужны все эти твои, с позволения сказать, аргументы? – воскликнула старая женщина, глядя горящими глазами на пустую половину скамейки. – Думаешь, у меня их нет? Ошибаешься! Послушай лучше, что я тебе скажу!

– Это тебя-то я должен слушать?! – послышался внезапно мужской голос. – Как я до этого дожил!

– Тот же голос! – изумился Сид. – Это его голос! Но он же умер!

– Все верно, – кивнул я.

– Это еще не все, – сказала старая женщина. – Посмотри, как ты ешь. Хоть раз посмотри!

– Легко тебе говорить. – Голос старика упал.

– Ну, так давай говори ты.

Раздался щелчок. Сид перевел глаза вниз и увидел, что старая

женщина держит в руках диктофон.

– И еще одна вещь, – сказала она.

Щелк.

– Почему я должен все это терпеть?! – взмолился мужской голос.

Щелк.

– Интересно, что станется с тобою, когда я скажу всю правду?

Сид заглянул мне в глаза.

– Ты? – спросил он.

– Я, – признался я.

– Как? – спросил он.

– Я переписал на отдельную кассету все его реплики так, чтобы она успевала на них ответить. При желании она может остановить диктофон и выговориться вволю.

– Зачем ты это сделал?

– Я увидел ее на кладбище. Она что-то говорила, обращаясь к холодному куску мрамора, но ответа не было. Я переписал твои пленки, все эти его вопли и жалобы, и поздно вечером вернулся на кладбище. Она была все еще там, она, наверное, осталась бы там навсегда и умерла бы с голоду. Ответа не было. Но он должен был быть! Я подошел к могиле, включил диктофон, убедился, что из него раздаются вопли старика, вручил диктофон ей и тут же ушел. Даже не стал ждать, пока она начнет кричать в ответ. Он и она, она и он. Высокий голос и низкий, низкий и высокий. Я просто ушел. Прошлым вечером она уже сидела здесь на скамейке и ела ватрушку. Думаю, она собирается жить дальше. Здорово, а?

Сид прислушался к сетованиям старика:

– Сколько же это будет продолжаться? Почему я должен все это терпеть? Нет, пусть мне кто-нибудь ответит! Я жду!

– Хорошо, хорошо, дорогой! – кричала в ответ старая женщина.

Мы с Сидом направились к выходу. Он взял меня под локоть.

– Хоть ты и гой, – сказал он, – ты поступил как истинный еврей. Скажи, могу я что-нибудь для тебя сделать?

– Да, пожалуй. Пастрами... Под водку.

Полуночный танец дракона

Помните байки об Аароне Штолице? Его прозвали Вампиром, потому что он работал по ночам. Адве его студии помните? Одна как ящик для рояля, другая как кладовка для крекеров. Я работал в кладовке, которая, кстати сказать, граничила с кладбищем Санта-Моника. Хорошенькое дельце! Покойничек, вы ошиблись адресом, вам надо на девяносто футов южнее!

Чем я там занимался? Передирал чужие сценарии, заимствовал музыку и монтировал такие ленты, как «Чудище в парадной зале» (этот фильм очень нравился моей маме, он напоминал ей ее собственную матушку), «Ловкий мамонт» и прочие фильмы, посвященные всяким разным гигантским тлям и исступленным бациллам, которые мы снимали буквально за ночь.

Ничего этого нет уже и в помине. За одну-единственную ночь Аарон Штолиц стал не только знаменитым на весь мир, но и ужасно богатым, что, конечно же, не могло не отразиться и на моей судьбе.

В один жаркий сентябрьский вечер зазвонил телефон. Аарон в этот момент, что называется, держал оборону в студии. Иначе говоря, он укрылся в своей комнатенке два на четыре и не впускал назойливых, словно дрозодилы, шерифов.

Я сидел в задней комнате и монтировал на ворованном оборудовании наш очередной шедевр. Тут-то, как я уже сказал, и зазвонил телефон. От неожиданности мы подскочили на месте так, словно услышали доносящийся из далекого далека визг жен, занимающихся проверкой нашего финансового состояния.

Выждав минуту-другую, я поднял трубку.

– Эй, там, – послышалось из трубки. – С вами говорит Джо Самасука из кинотеатра «Самурай Джо Самасука»! Мы назначили на восемь тридцать премьеру потрясающей японской ленты. Вся беда в том, что наша пленка застряла на фестивале то ли в Пакоиме, то ли в Сан-Луис-Обиспо. Такие дела. Может быть, у вас найдется девяностоминутный широкоэкранный фильм о самураях или, на худой конец, что-нибудь вроде китайской сказки? Я готов выложить за него пятьдесят монет. Короче, что у вас есть о крутых парнях, которые сухими выходят из воды?

– «Остров бешеных обезьян»?

Мой собеседник никак не отреагировал на это предложение.

– «Две тонны кошмара»?

Хозяин кинотеатра «Самурай Самасука» потянулся к рычажку телефонного аппарата.

– «Полуночный танец дракона»! – завопил я.

– В самый раз. – Слышно было, как он закуривает. – Дракон так дракон. Скажите, не могли бы вы закончить монтаж и озвучку часа эдак через полтора?

– Вот такие пироги! – сказал я, повесив трубку.

– «Полуночный танец дракона», говоришь? – поинтересовался появившийся в дверях Аарон. – У нас отродясь такого фильма не было.

– Смотри! – Я выложил перед камерой ряд из заглавных букв. – Сейчас «Остров бешеных обезьян» превратится в «Полуночный танец дракона» со всеми вытекающими отсюда последствиями!

Я переименовал фильм, в два счета разобрался с музыкой (прокрутив задом наперед запылившиеся записи Леонарда Бернстайна^[10]) и отнес все двадцать четыре бобины с пленкой в наш «фольксваген». Вообще-то фильм умещается на девяти бобинах, но монтируют его обычно на катушках поменьше, чтобы с ними было легче возиться. Времени на перемотку нашего эпоса у меня, как вы сами понимаете, не оставалось. Придется уж этому Самасуке поработать с двумя дюжинами катушек.

Мы лихо подрулили к кинотеатру и понесли наши драгоценные бобины в киноаппаратную. Дышавший шумно, как Кинг-Конг, человек, от которого ужасно разило хересом, тут же заграбастал все части фильма, отнес их в свою будку и закрыл за собой металлическую дверь.

– Эгей, мы так не договаривались! – воскликнул Аарон.

– Нужно забрать у них деньги еще до начала фильма, – сказал я. – Иначе, боюсь, будет поздно.

Мы стали спускаться по лестнице.

– Конец, всему конец! – послышались снизу горестные крики.

Мы увидели внизу несчастного Джо Самасуку, который едва ли не плача взирал на толпившихся возле входа зрителей.

– Джо! – сказали мы в один голос. – Что с тобою стряслось?

– Каквыне понимаете, – простонал он. – Я разослал телеграммы, но они все равно явились на премьеру: «Верайети», «Сатердей ревью», «Сайт-энд-саунд», «Манчестер гардиан», «Авангард синема ревью». О, дайте же мне ядовитой американской пищи, я хочу умереть!

– Спокойствие, Джо, – попытался успокоить его Аарон. – Наш фильмец не так уж и дурен.

– Кто их знает, – покачал я головой. – Это ведь суперснобы. Не ровен

час, после нашего фильма они вспомнят о «Харакири продакшн».

– Главное – спокойствие, – как ни в чем не бывало заметил Аарон. – В ближайшем баре можно пропустить рюмочку-другую. Пошли.

Судя по бравурным звукам проигрывавшихся задом наперед опусов Дмитрия Темкина^[11], фильм уже начался.

Мы понеслись в бар. Однако не успели мы выпить по двойной порции успокоительного, как из зала послышались дружные вздохи и охи, походившие на шум набежавшей на берег океанской волны.

Мы с Аароном открыли дверь зала, силясь понять, какой танец исполняет наш неподражаемый дракон.

Увидев изображение на экране, я вновь рванулся к запертой металлической двери аппаратной и принялся барабанить по ней кулаками.

– Болван! Гнида! Ты перепутал катушки! Вместо четвертой бобины ты взял вторую!

Вскоре ко мне присоединился и запыхавшийся Аарон.

– Послушай, – сказал он, прислонившись к двери.

Из аппаратной доносились булькающие звуки.

– Похоже, он что-то пьет.

– Он и без того уже в стельку пьян!

– Знаешь, – сказал я, взмокнув от волнения, – фильм идет всего пять минут. Может быть, они ничего не заметят. Эй ты! – заорал я, лягнув по двери ногой. – Считай, что мы тебя предупредили! Немедленно расставь бобины по порядку!

Я взял под руку дрожавшего то ли от волнения, то ли от негодования приятеля и сказал:

– Аарон, нам нужно выпить еще по одной успокоительного.

Едва мы выпили еще по мартини, как из зала вновь послышался оглушительный шум прибора.

Я понесся к залу, взбежал по лестнице, ведущей к аппаратной, и стал скрестись в окованную сталью дверь.

– Маньяк! Убийца! Зачем ты поставил шестую катушку? Немедленно смени ее на третью! Как только ты откроешь дверь, я придушу тебя собственными руками!

Слышно было, как он открыл... очередную бутылку и направился в глубь аппаратной, то и дело спотыкаясь о жестяные коробки с бобинами.

Обезумев от горя, я, подобно герою «Медеи», принялся рвать на себе волосы и вернулся к Аарону, задумчиво рассматривавшему содержимое своего стакана.

– Скажи мне, ты когда-нибудь видел трезвых кинемехаников?

– А ты видел китов, которые не умели бы плавать? – ответил я вопросом на вопрос. – Ты видел левиафанов, которые камнем шли бы ко дну?

– Да ты поэт, – уважительно сказал Аарон. – Валяй дальше.

– Мой шурин пятнадцать лет работал киномехаником в «Трайлак Студио» и все эти годы, что называется, не просыхал.

– Нет, ты только вдумайся!

– Я только и делаю, что вдумываюсь. Бедолаге пришлось пятнадцать лет кряду следить за перипетиями «Седла греха», раз за разом крутить «Горное гнездышко» и мучиться с перемонтированными «Сетями страсти». Подобные потрясения могут в два счета сломить кого угодно. Я уж не говорю о кинотеатрах с безостановочным показом. Ты мог бы девяносто раз подряд смотреть «Харлоу» с Кэрролл Бейкер^[12]? Подобное трудно даже представить, верно? Разве это не безумие? Экранные кошмары, бессонные ночи, импотенция. Нет ничего удивительного в том, что ты начинаешь пить. В этот самый час в Америке с ее неприступными фортами и сверкающими неоновой рекламой городами нет никого пьянее киномехаников, с которыми никогда не сможет тягаться даже выдавшая виды подзаборная публика. Если они не будут пить, они просто погибнут.

Мы допивали мартини уже молча. При мысли о разбросанных по всему континенту десятках тысяч киномехаников с их стрекочущими аппаратами и бутылками я даже прослезился.

Из зала вновь послышался какой-то шум.

– Сходи посмотри, что делает этот псих, – сказал Аарон.

– Я боюсь.

Зал сотрясался от эмоций.

Мы в очередной раз покинули бар и взглянули на окошко аппаратной.

– Всего у него двадцать четыре бобины, верно? Аарон, ты мог бы прикинуть количество их возможных комбинаций? Девятая вместо пятой. Одиннадцатая вместо шестнадцатой. Восьмая вместо двадцатой. Тринадцатая...

– Заткнись, – угрюмо буркнул Аарон.

Мы принялись нервно прогуливаться вокруг квартала и обошли его шесть раз. Из зала теперь доносился не просто шум, но скорее рев обезумевшей толпы.

– Господи, похоже, они уже ломают сиденья...

– Ну, вряд ли.

– Они поубивают всех своих родных и близких!

– Кинокритики? Аарон, ты когда-нибудь видел их родных и близких?

Здесь эполеты. Там лычки. Раз пять в неделю качаются в тренажерном зале. Даже в свободное время они то и дело спускают на воду боевые корабли. Какие уж тут близкие? У них и дальних-то нет...

В полночной тьме из зала доносились вопли и свист.

Я приоткрыл дверь и взглянул на экран.

– Девятнадцатая вместо десятой.

В тот же миг из кинотеатра пошатываясь вышел его хозяин. По его бледным щекам катились слезы.

– Что вы со мной сделали! Во что вы меня превратили! – вскричал он. – Ублюдки! Недоноски! Прохиндеи! Кинотеатра «Самурай Джо Самасука» больше не существует!

Он орал с такой надсадой, что я стал беспокоиться о его здоровье.

– Не надо так, Джо, – сказал я. – В конце концов, чего только в жизни не бывает.

Музыка играла все громче. Напряжение нарастало с каждой секундой. Казалось, еще немного – и раздастся страшный, всеразрушающий взрыв, который отделит материю от сознания, как мясо от костей.

Отшатнувшись, Джо Самасука сунул мне в руки какой-то ключ и пробормотал:

– Вызовите полицию, пригласите уборщиков мусора и запирайте оставшиеся двери. Мне звонить не надо, я свяжусь с вами сам.

В следующее мгновение он уже исчез.

Конечно же, нам следовало бы присоединиться к нему, но тут раздалась оглушительные финальные аккорды фильма (Берлиоз вперемешку с Бетховеном), после чего установилась мертвая тишина.

Мы с Аароном обреченно повернулись к запертым дверям кинотеатра.

Створки дверей распахнулись, и из них на мостовую хлынула совершенно обезумевшая толпа, похожая на многоглазого, многорукого и многоногого бесформенного зверя.

– Умирать-то как не хочется, – просипел Аарон.

– Раньше надо было думать, – сказал я.

Толпа, этот огромный, дрожащий от возбуждения зверь, приостановилась. Мы смотрели на нее. Она смотрела на нас.

– Это они! – раздался чей-то безумный голос. – Продюсер и постановщик!

– Прощай, Аарон, – сказал я.

– До встречи на том свете, – печально откликнулся он.

Издав утробный рык, многоголовый и многорукий зверь набросился на нас и... торжествуя, принялся носить на руках; с воплями и пением нас

трижды пронесли вокруг кинотеатра, потом по улице и снова к кинотеатру.

– Аарон!

Я пригляделся к бурлящему под нами морю счастливых улыбок. Вот обозреватель «Манчестер Гардиан». Рядом с ним злобный, страдающий несварением желудка критик из «Гринвич-Виллидж аванти». Вон там зашлись в экстазе второразрядные обозреватели из «Сатердей ревью», «Нейшн» и «Нью рипаблик». И повсюду, вплоть до самых дальних берегов этого бурного моря, бесновались, прыгали от восторга, смеялись и размахивали руками корреспонденты «Партизан ревью», «Сайт-энд-саунд», «Синема» и бог знает еще откуда.

– Невероятно! – выкрикивали они. – Замечательно! Это куда лучше, чем «Хиросима, любовь моя»^[13]! В десять раз лучше «Прошлым летом в Мариенбаде»^[14]! В сто раз лучше «Алчности»^[15]! Классика! Шедевр! Рядом с ним «Великан»^[16] кажется жалким сопляком! Новая американская волна! Как вам удалось это сделать?

– Сделать что? – крикнул я Аарону, когда толпа с нами на руках пошла на четвертый круг.

– Помалкивай и крепче держись в седле! – прокричал он в ответ.

Я заморгал, почувствовав слезы на глазах. В тот же миг я заметил в окне аппаратной покачивающегося киномеханика, обалдело вззирающего на происходящее. Держа в одной руке бутылку, он ощупал другой рукой лицо, как бы проверяя, он ли это, посмотрел на бутылку и, отступив назад, вновь исчез во тьме своей будки.

Когда в конце концов все эти гномы и газели напрыгались и насмеялись вволю, они поставили нас с Аароном наземь со словами:

– Это величайший авангардный фильм всех времен и народов!

– Мы очень надеялись на успех, – ответил Аарон.

– Фантастическое мастерство оператора! Гениальный монтаж! Обратная временная перспектива! – слышалось отовсюду.

– Мы старались, – скромно потупившись, произнес Аарон.

– Конечно же, вы представите свою ленту на Эдинбургском фестивале, не так ли?

– Разумеется, нет, – изумился Аарон. – Мы... собираемся сначала показать ее на Каннском кинофестивале, – закончил я.

Толпа, которая всего минуту назад кружила подобно урагану, унесшему Дороти в страну Оз, стала стремительно редеть, заручившись нашими обещаниями почтить присутствием бесчисленные приемы, дать интервью и написать статьи, завтра, через неделю, через месяц,

пожалуйста, не забудьте!

Не прошло и пяти минут, как на площадке перед кинотеатром установилась полнейшая тишина, которую нарушал только плеск воды, вырывающейся изо рта каменного сатира, стоявшего в центре небольшого фонтана. Какое-то время Аарон так и стоял, устремив взгляд в никуда. Наконец он очнулся и, подойдя к фонтану, омыл лицо холодной водой.

– Механик! – осенило его внезапно.

Мы взбежали по лестнице и остановились возле двери. На сей раз мы не стучали, а скреблись в нее подобно двум маленьким оголодавшим белым мышкам.

Через некоторое время из-за двери послышалось:

– Уходите. Я очень сожалею о происшедшем. Я не нарочно.

– Не нарочно? Открывай, говорят тебе! Считаю, что мы тебя уже простили, – заверил его Аарон.

– Я вас боюсь, – раздался слабый голос. – Уходите.

– Только с тобой, дорогуша. Мы тебя нежно любим. Правда, Сэм?

Я согласно кивнул.

– Это точно. Мы тебя нежно любим.

– Я смотрю, вы совсем свихнутые.

Мы услышали неуверенное шарканье, дверь аппаратной распахнулась, и на ее пороге появился пошатывающийся киномеханик – мужчина лет сорока пяти с налитыми кровью глазами и с пунцовым лицом.

– Можете меня убить, – прошептал он.

– Убить? Нет, братишка, ты нужен нам живым!

Аарон подошел к киномеханику и чмокнул его в щеку. Попытившись назад, тот замахал руками так, словно пытался отбиться от шершней.

– Вы только не волнуйтесь, я в один миг верну все на место, – пробормотал механик и наклонился, чтобы поднять с пола бобины.

– Не смей! – воскликнул Аарон. Механик замер. – Главное – ничего не трогай, – продолжил Аарон куда более спокойным тоном. – Сэм, писать будешь ты. Карандашик у тебя есть? Так... И как же тебя зовут?

– Уиллис Хорнбек.

– Уиллис... Стало быть, Вилли. А теперь, Вилли, поведай нам, в каком порядке ты ставил эти пленки. Какая была первой, второй, третьей, какую ты перевернул, какую проигрывал задом наперед и все такое прочее.

– Вам нужна... – недоуменно заморгал киномеханик.

– Мне нужна общая схема показа. Да будет тебе известно, что сегодня ты демонстрировал публике лучший авангардный фильм всех времен и народов.

– Мама родная! – пробормотал Уиллис, ошарашенно глядя на грудку валявшихся на полу бобин.

– Уиллис, лапочка, – продолжил Аарон. – Знаешь, как тебя будут величать после этой памятной ночи?

– Дерьмом? – пробормотал Хорнбек дрожащим голосом.

– Ошибаешься! Первым помощником главного продюсера компании «Хасураи Продакшн»! Если захочешь, мы сделаем тебя монтажником, редактором или даже режиссером! Контракт сроком на десять лет! Карьерный рост, особые права, участие в капитале компании и, наконец, проценты! Надеюсь, я выразился достаточно ясно? Сэм, ты готов? Все, начали. Мы слушаем тебя, Уиллис.

– Я... Я ничего не помню.

Аарон издал нервный смешок.

– Нет, помнишь!

– Тогда я был пьяным, а теперь я трезвый, верно? Как же я могу что-то вспомнить?

Мы с Аароном в панике переглянулись, но тут я заметил на полу знакомый предмет и поднял его.

– Один момент, – вмешался я в разговор. – Я хочу обратить ваше внимание на одну немаловажную деталь.

Все посмотрели на бутылку, в которой оставалось еще немало хереса.

– Уиллис... – задумчиво произнес Аарон.

– Да, сэр?

– Уиллис, дружище...

– Да, сэр?

– Уиллис, – продолжил Аарон, – сейчас я включу проектор.

– И что же?

– А ты, Уиллис, тем временем допьешь свой херес.

– Так точно, сэр.

– Сэм?

– Слушаю, сэр! – Я взял под козырек.

– А ты, Сэм, – сказал Аарон, включая проектор, свет которого высветил белый экран, застывший в предвкушении того удивительного мига, когда мастер вновь отобразит на нем прихотливую игру своего гения, – прикрой, пожалуйста, дверь.

Я захлопнул тяжелую, окованную железом дверь и запер ее на ключ.

Дракон пронесся в полуночном танце по всему цивилизованному миру. Сначала мы приручили льва на Венецианском кинофестивале, затем

удостоились главного приза Нью-Йоркского и специального приза Всемирного фестивалей. Теперь у нас было целых шесть фильмов! Особым успехом пользовалась лента под названием «Страшилище», за которой последовали такие шедевры, как «Мистер Бойня» и «Натиск», за ними «Имя мрака» и «Плетень».

Что до имен Аарона Штолица и Уиллиса Хорнбека, то они произносились прокатчиками всех стран и народов с особым почтением.

Вы спросите, как мы смогли добиться такого успеха?

Так же, как и прежде.

Сняв очередной фильм, мы арендовали на ночь кинотеатр Самасуки, вливали в старика Уиллиса бутылку отборного хереса, вручали ему бобины с пленкой, включали проектор и запирали дверь аппаратной.

К рассвету наш очередной эпос превращался в нарубленный нашим коллегой и склеенный эпоксидной смолой его возвышенного гения чудовищный салат, появления которого с нетерпением ожидали киногурманы Калькутты и Фар-Рокауэя. Я никогда не забуду этих бессонных ночей в театре Самасуки, суливших нам золото рассвета.

Мы снимали фильм за фильмом, приручали зверя за зверем, купались в реках песо и рублей. Аарон и Уиллис получили «Оскар» в номинации экспериментального фильма, мы стали разъезжать по городу в дорогущих «ягуарах», и ничто не могло омрачить нашего счастья, да?

Нет.

Мы находились на вершине успеха всего три года.

В один прекрасный день, в тот самый момент, когда Аарон отдался сладостному созерцанию своего банковского счета, Уиллис Хорнбек подошел к окну, выходящему на огромную съемочную площадку «Хасураи Продакшн», и восплакал, бия себя в грудь.

– Я – алкоголик. Я пьяница. Я жуткий пропойца. Я бражник. Спирт для компрессов? Ясное дело. Одеколон? Почему бы и нет? Скипидар? Конечно. Жидкость для снятия лака? Здорово. Да, Уиллис Хорнбек, ты – жалкий пьянчуга! Но все, с этим покончено!

Тут же почувствовав неладное, мы с Аароном стремглав бросились к нашему другу.

– Что с тобой, Уиллис?

– Ничего. Все в полном порядке. – Он смахнул со щек слезы и взял нас за руки. – Ребята, вы мне очень нравитесь, но прошлым вечером...

– Что могло стрястись прошлым вечером? – остолбенел Аарон.

– Прошлым вечером я вступил в Общество анонимных алкоголиков.

– Что ты сказал? – завопил Аарон.

– Я вступил в Общество анонимных алкоголиков.
– Что ты наделал?! Ведь ты был сердцем, душой, легкими и глазами «Хасураи продакшн»!
– Я знаю, – ответил, потупившись, Уиллис.
– И тебя не устраивала роль гения? Ты прославился на весь мир, тебя узнавали на улицах, ты же вдобавок ко всему решил еще и протрезветь, не так ли?
– Все мы теперь пользуемся всеобщей любовью и уважением. И для алкоголя в этой новой жизни попросту нет места.
– Так освободи же его! – взвыл Аарон. – В чем проблема?
– Смешно, не правда ли? – усмехнулся Уиллис. – Я пил из-за того, что чувствовал себя полнейшим ничтожеством. Если же я брошу пить, студии тут же придет конец. Мне очень жаль.
– Ты подписал контракт! – напомнил ему я.
Уиллис взглянул на меня так, как будто я пырнул его ножом.
– Я ни за что не нарушу данного слова. Но разве в контракте сказано, что я должен пить не просыхая?
Мы с Аароном понурили головы.
– Я могу работать с вами так же, как и прежде. Но разве в этом будет хоть какой-то смысл?
– Уиллис, – с трудом выговорил Аарон, опускаясь в кресло. – Всего одну ночь в году, а?
– Господин Штолиц, я дал зарок вообще не брать в рот спиртного.
– Святой Моисей... – пробормотал Аарон.
– Страшное дело, – поддакнул я. – Мы только успели дойти до середины Красного моря, а волны уже поднялись.

Когда мы пришли в себя, Уиллиса Хорнбека в комнате уже не было. Начались подлинные сумерки богов. Мы вновь стремительно превращались в пигмеев. Аарон нетвердой походкой направился к бару и стал изучать его содержимое.
– Аарон! – спросил я. – Не собираешься ли ты...
– Что? – сказал Аарон.
– ...сам заняться монтажом нашего очередного эпоса «Сладкое ложе мщенья»?
Аарон выбрал бутылку и откупорил ее. Хлебнул.
– Да, – сказал он. – Вот именно. Сам.
Увы, этой ракете так и не суждено было взлететь. Сумерки богов постепенно сменялись беспросветной ночью.

Сначала пил Аарон. Потом я. Потом его шурин.

Ни один из нас не стал избранником той эйфорической музыки, которая некогда посещала Уиллиса Хорнбека. Ни в одном из нас, когда алкоголь проникал в нашу кровь, не шевелился червячок интуиции. Мы были лохи – что трезвые, что пьяные. Уиллис же, к восторгу критиков, повязывал повязку на глаза и, выходя на арену, голыми руками брал за глотку аллигатора вдохновения.

Конечно же, мы с Аароном побывали еще на парочке фестивалей. Мы вложили все свои сбережения в три эпические ленты, которые, как вы сами понимаете, не принесли нам ни цента. Компания «Хасураи Продакшн» приказала долго жить. Мы продали весь пакет образовательному телеканалу.

А что же Уиллис Хорнбек? Он поселился в типовом доме возле Монтерей-Парк и стал посещать вместе со своими детьми воскресную школу. От былой его гениальности не осталось и следа. Трезвость же его утрачивала не только нас, но и тех редких критиков откуда-нибудь из Глазго или из Парижа, которые невесть зачем пытались взять у него интервью.

Вы спросите, что случилось со мной и с Аароном? Теперь у нас вот эта студия размером с обувную коробку, еще на тридцать футов ближе к кладбищу. Мы делаем небольшие картины, монтируя их по-прежнему на двадцати четырех бобинах, и бомбардируем ими всю Калифорнию и даже Мексику. На дистанции поражения находятся триста кинотеатров, соответственно, триста киномехаников. Сто двадцать из них уже показывали премьеры наших монстров. По-прежнему в такие теплые вечера, как сегодня, мы сидим, потеем в ожидании и молимся, чтобы зазвонил телефон. Тогда Аарон выслушает и завопит:

– Быстрее! Кинотеатру «Барселонская Аркадия» срочно требуется премьерный фильм! Живо!

И мы ринемся вниз по лестнице и весело пробежим через кладбище с бобинами в руках, надеясь на то, что в одной из аппаратных нас будет поджидать пьяный киномеханик с налитыми кровью глазами гения и с бутылкой хереса в руках.

– Стоп! – закричу я, едва наша машина выедет на автостраду. – Я оставил бобину номер семь!

– Все равно никто ничего не заметит, – фыркнет Аарон. – Уиллис Хорнбек-младший! Уиллис Второй! Отзовись, где бы ты сейчас ни был! Сэм, запевай песню «Я все равно тебя найду»!

Девятнадцатая лунка

Я выехал на Мотор-авеню уже под вечер и тут же заметил на противоположной стороне улицы старика, собиравшего потерянные мячики для гольфа.

Я затормозил так резко, что едва не врезался головой в лобовое стекло.

Простояв секунд десять на месте (на улице не было ни единой машины), я стал осторожно сдавать назад, пока не поравнялся с канавой, шедшей вдоль проволочного ограждения поля для игры в гольф. Старик тем временем поднял с земли очередной мячик и положил его в свою корзинку.

Нет, не может быть. Хотя... Нет...

Я припарковался у обочины и с минуту сидел в машине, размышляя о том, как же мне следует поступить. В конце концов я вышел на дорогу, пропустил ехавшую мимо машину, пересек дорогу и пошел вдоль канавы навстречу старику.

Не прошел я и пятидесяти шагов, как мы уже столкнулись лицом к лицу.

– Здравствуйте, – кивнул он мне.

– Здравствуйте.

– Хороший сегодня вечер, – сказал он, заглянув в корзинку.

– Богатый улов?

– Сами видите. – Он взвесил корзинку на руках.

– Неплохо. Может быть, вам помочь?

– Что вы! – удивился он. – Я и сам смогу их разыскать.

– Конечно, конечно. Но минут через пять стемнеет, и искать их будет уже поздно.

– Верно, – согласился он и поглядел на меня с любопытством. – А почему вы решили мне помочь?

– Много лет тому назад сюда приходил и мой отец, – ответил я. – Он всегда что-нибудь находил, а потом продавал найденные мячики. Денег-то особых у нас никогда не водилось.

– Все понятно, – вздохнул старик. – Что до меня, то я прихожу сюда раза два в неделю. На прошлой неделе мне удалось найти столько мячей, что я даже смог пригласить супругу в ресторан.

– Я знаю, – кивнул я.

– Откуда?

– Это я так, – ответил я. – Идемте. Смотрите, мячик! А возле самой изгороди еще один! Сейчас я его достану.

Я перебрался через канаву и вернулся назад с мячом в руках. Старик с интересом посмотрел мне в лицо.

– Почему вы плачете? – спросил он.

– Неужели? Наверное, все дело в цветах. У меня аллергия.

– Мы знакомы?

– Возможно.

Я назвал ему свое имя.

– Странное дело, – рассмеялся он. – У вас такая же фамилия, как и у меня. Впрочем, мы вряд ли приходимся друг другу родственниками.

– Скорее всего, вы правы, – не стал спорить я.

– Будь мы родственниками или знакомыми, я бы об этом помнил...

«Господи, – подумал я, – вот это как. Какая, в конце концов, разница между синдромом Альцгеймера и смертью? И в том и в другом случае ты ничего не помнишь. Память там уже не нужна».

Старик обратил внимание на мою задумчивость и почему-то заволновался. Взяв у меня мячик для гольфа, он опустил его в корзинку.

– Спасибо.

– Там есть еще один! – сказал я, вновь спустившись в канаву, и, смахнув слезы с глаз, добавил: – Стало быть, вы так сюда и ходите...

– Что значит «вы так сюда и ходите»?

– Это я себе, – ответил я. – В том смысле, что вас всегда можно здесь застать.

– Ну, это уж как повезет.

Он вновь удивленно уставился на мое лицо.

– Странное дело. Когда-то у меня был сын. Хороший такой мальчишка. Но потом он куда-то исчез. Никогда не мог понять, куда же это он запропастился.

Ничего удивительного, подумал я. Исчез не он, исчез ты. Так, должно быть, бывает, когда вы прощаетесь с людьми и они для вас исчезают, а на самом деле это вы поворачиваетесь и уходите, идете и исчезаете.

Солнце скрылось за горизонтом, и теперь мы шли в полумраке, которого не мог рассеять свет одинокого фонаря, стоявшего на противоположной стороне улицы. Я увидел еще один мячик, лежавший в нескольких футах от ног старика, и указал на него кивком головы.

– Вот и все, – сказал он, поднимая мячик. – И куда же вы теперь?

Я собрался с мыслями и, посмотрев вперед, произнес:

– В любом гольф-клубе имеется девятнадцатая лунка, так ведь?^[17]

– Разумеется. Здесь тоже есть бар.

– Позвольте угостить вас стаканчиком вина.

– Очень мило с вашей стороны, – сказал он нерешительно. – Но, честно говоря, я не совсем...

– Всего один стаканчик. Он вам не повредит.

– Поздно уже. Мне пора идти.

– Куда? – спросил я и тут же пожалел о своем вопросе.

Старик отвел глаза, мучительно пытаюсь найти правдоподобный ответ.

– Понимаете, – сказал он наконец, – дело в том...

– Пожалуйста, ничего не говорите. Я не должен был задавать вам этот вопрос.

– Ничего страшного. Мне действительно пора.

Он протянул мне руку на прощание и вдруг, крепко сжав мою руку и пристально глядя мне в глаза, воскликнул:

– Мы действительно знаем друг друга, правда?

– Да, – сказал я.

– Но где и когда мы встречались?

– С той поры прошло много-много лет.

Он так и не выпускал моей руки, он схватился за нее так, будто выпусти ее – и он упадет.

– Вы не могли бы сказать еще раз, как вас зовут?

Я назвал еще раз.

– Забавно, – сказал он и тихо продолжил: – Мы носим одну и ту же фамилию. Бывает же такое!

– Бывает, – сказал я.

Когда мне удалось наконец высвободиться, я тут же сам взял его за руку точно так же крепко.

– В следующий раз мы встретимся у девятнадцатой лунки.

– У девятнадцатой, – повторил он. – Вы что, правда собираетесь сюда еще вернуться?

– Теперь, когда я знаю, где вас найти, я непременно как-нибудь приду.

Мне понравилось гулять и подбирать мячи.

– Спасибо вам. Признаться, у меня и знакомых-то особых нет...

– Я постараюсь приезжать сюда почаще.

– Все это только слова...

– Нет. Я даю вам честное слово.

– Смотрите. Честное слово – вещь серьезная...

– Я знаю.

– Пойду я. – Теперь уже ему пришлось с усилием высвобождать свою

руку и массировать ее, чтобы восстановить кровообращение. – Здесь ведь ничего не ходит.

Он зашагал прочь и, подняв с земли еще один, теперь уже последний, мячик, бросил его мне.

– У девятнадцатой, – тихо сказал он.

– Да, – ответил я.

В следующее мгновение он уже исчез в темноте.

Я стоял на прежнем месте и плакал. В моем нагрудном кармане лежал подаренный им мячик для гольфа.

«Долежал бы там хотя бы до утра», – подумалось мне.

Звери

За обедом Смит и Конуэй неведомо почему заговорили о невинности и о зле.

– В тебя когда-нибудь ударяла молния? – спросил Смит.

– Нет, – ответил Конуэй.

– А в кого-нибудь из твоих знакомых?

– Нет.

– И тем не менее такие люди существуют. Ежегодно это происходит со ста тысячами человек, и только тысяча из них погибают, денежки плавятся прямо у них в карманах. Каждый из нас полагает, что в него-то молния уж всяко не ударит. Мы-то, мол, подлинные христиане и исполнены множества всяческих добродетелей.

– Но какое отношение все это имеет к теме нашего разговора? – спросил Конуэй.

– Самое непосредственное. – Смит прикурил от зажигалки и уставился в ее пламя. – Ты отказываешься согласиться с тем, что в этом мире преобладает зло. А я, напомнив тебе о молнии, которая бьет в кого попало, пытаюсь тебя переубедить.

– Зла без добра не существует.

– С этим я спорить не стану. Но если люди не будут признавать обе эти вещи, мир провалится в преисподнюю. Прежде всего мы должны понять, что ни один добропорядочный человек не свободен от греха и любому грешнику ведомо хоть что-то доброе. Когда мы относим человека к той или иной категории, мы грешим против истины. Мы не должны видеть в нем ни праведника, ни грешника, ибо он несет в себе черты обоих. Швейцер^[18] кажется нам едва ли не святым только лишь потому, что ему удалось уморить или посадить на цепь жившего в его душе бесенка. Гитлер представляется нам самим Люцифером, но разве он не боролся с жившим в его душе светлым началом? Мы же единственно развешиваем ярлыки...

– Говори покороче, – перебил собеседника Конуэй.

– Хорошо, – усмехнулся Смит. – Возьмем, к примеру, тебя. Внешне ты похож на белый свадебный торт, украшенный сахарной глазурью. Все белым-бело. Но где-то в глубинах твоей души стучит и черное сердце. Там живет Зверь. Если ты не поймешь этого, он тебя проглотит.

Конуэй расхохотался.

– Смех, да и только! – воскликнул он. – Забавно, ничего не скажешь!

– Скорее печально, а не забавно.

– Ты уж меня прости, – фыркнул Конуэй. – Я не хочу тебя обижать, но ты...

– Ты обижаешь не меня, а себя и вредишь собственной душе.

– Умоляю тебя! – вновь захохотал Конуэй. – Я не хочу выслушивать все эти глупости!

Кровь бросилась в лицо Смигу. Он поднялся из-за стола.

– И все-таки ты обиделся, – тут же пришел в себя Конуэй. – Прощу тебя, не уходи.

– Я не обиделся.

– Ты говоришь какие-то, ну, скажем, ужасно старомодные вещи.

– Новое нередко представляется старым, – вздохнул Смит. – Мы скользим по поверхности вещей и полагаем, что проникаем глубже.

– Ты опять за свое, – взмолился Конуэй. – Все эти твои теории...

– Это вовсе не теории! Я смотрю, ты вообще ничего не понимаешь!

– Что подделаешь. Мне некогда думать о подобных вещах. Работа, сам понимаешь.

– И церковь по воскресеньям, так? Или, быть может, проповедник, который отведет тебя на небеса? Хочешь, я окажу тебе одну неоценимую услугу? Я открою тебе глаза. Телефон пэ-эл-восемь девяносто семь семьдесят пять.

– Не понимаю.

– Позвони по этому телефону сегодня вечером, завтра и послезавтра. Встретимся здесь же в пятницу.

– В пятницу?

– Не забудь позвонить.

– Но кто мне ответит?

– Звери, – ответил Смит с улыбкой. И ушел.

Конуэй рассмеялся, оплатил счет и вышел на улицу.

– Пэ-эл-восемь девяносто семь семьдесят пять? И что же я им скажу? Привет, Звери?

Пока Конуэй ужинал со своей супругой Нормой, он забыл не только номер телефона, но и сам давешний разговор. Пожелав жене спокойной ночи, он взял с полки очередной боевик и углубился в чтение. Ровно в полночь зазвонил телефон.

– Я сразу понял, что это ты, – сказал он.

– Смотри, какой догадливый!

– Ты хотел узнать, звонил ли я по телефону пэ-эл-восемь девяносто

семь семьдесят пять?

– Я чувствую по твоему голосу, что молния тебя еще не ударила. Позвони по этому номеру, слышишь?

«Позвони, – подумал он. – Еще чего не хватало! *Не буду я никуда звонить!*»

В час ночи вновь раздался телефонный звонок. «Кто бы это мог быть?» – подумал он. Телефон продолжал звонить. Так поздно? Телефон. Господи, что за напасть? Сна ни в одном глазу. Телефон казался ему теперь огромным жужжащим насекомым. Он не сводил с него глаз. Снял трубку, но почему-то не стал подносить ее к уху. *Шепот*. Все яснее и яснее. *Шепот*. Яснее некуда. *Шепот*. Отчетливо и ясно. Щелчок. Он бросил трубку. Да нет же, конечно, он ничего не слышал. И все-таки... *Шепот*.

Конуэй швырнул телефонный аппарат на ковер.

Господи, что со мною происходит? Зачем я это сделал?

Он направился к кровати, оставив телефон на полу.

Тот продолжал издавать какие-то жужжащие протестующие звуки. Он вновь поднялся с постели и положил трубку.

Тут же установилась тишина. Может быть, все это ему только примерещилось? Впрочем, нет... *Ему действительно кто-то звонил*. Смит? Он выключил свет. Почему же он слышал разом несколько голосов? Бред какой-то. Нет!

Он посмотрел на двери гостиной.

Телефон молчал.

«Слава богу!» – подумал он.

И все-таки он *что-то* слышал.

Он так и лежал, не смыкая глаз.

Каминные часы пробили три раза. Три часа утра. Полночь души. Чаще всего люди умирают именно в это время...

К дьяволу!

Он поднялся с постели и направился к треклятому аппарату.

Часы показывали уже три пятнадцать. Конуэй поднял телефон с пола, уселся на кресло и, поставив аппарат на колени, медленно набрал номер.

Он ожидал услышать женский голос, голос сообщницы Смита, однако до него вновь донесся знакомый шепот.

Хор неясных далеких голосов. Он повесил трубку.

И тут же вновь набрал тот же номер и вновь услышал странные, неясные звуки. Электронный прибор, бесплотные голоса, протестующие, требующие, умоляющие...

Дыхание.

Дыхание! Он стиснул трубку в руках. Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох. Телефоны не умеют дышать, им это не нужно.

Ну, Смит, ну, мерзавец!

Хотя...

Почему это дыхание кажется мне таким странным?

Он медленно поднес трубку к уху.

Голоса звучали то тише, то громче.

Тяжелое дыхание. Такое чувство, будто они пробежали много-много миль... Бег на месте. На месте? Как вообще могут голоса, эти голоса – мужские и женские, старческие и юные, – бегать, то медленно, то во всю прыть, то на месте, падать, подниматься, вверх, вниз?

Крики, стоны, мольбы и вздохи.

Его щеки пылали жаром. Пот стекал с подбородка. Господи, что это со мною?

Он выронил трубку из рук и, пошатываясь, вернулся в спальню.

В половине пятого Норма Конуэй коснулась рукой его лба.

– Бог ты мой, – воскликнула она, – да у тебя же жар!

Он лежал, глядя в потолок.

– Все в порядке. Спи.

– Но...

– Я же сказал, со мною все в порядке. Вот только...

– Что «только»?

– Позволь мне тебя обнять.

– Это с такой-то температурой?

– Пожалуй, ты права...

– Дать тебе что-нибудь?

– Нет-нет, не надо...

Весь в жару, он отвернулся. Мне нужно не что-нибудь, подумал он, мне нужно все.

За завтраком Норма коснулась его лба и ахнула:

– Слава богу, она прошла!

– Прошла? – переспросил он, доедая яичницу с ветчиной.

– Я о температуре. Ночью у тебя был очень сильный жар. Теперь же ты ешь за троих. Оголодал?

Он посмотрел на свою пустую тарелку.

– Черт возьми, да, – покачал он головой. – Прости меня за прошлую

ночь.

– О чем ты? – рассмеялась Норма. – Я за тебя переживала, только и всего. Давай поторапливайся. Уже девять. А что у нас с телефоном?

Он замер.

– С телефоном?

– Розетка, похоже, сломана. Может быть, стоит вызвать мастера?

Он посмотрел на лежавший на ковре телефон и покачал головой:

– Не надо.

В полдень у себя в кабинете он достал из кармана измятый клочок бумаги.

– Чувствуешь себя последним идиотом... – пробормотал он и набрал тот же номер.

После двух гудков раздался голос оператора: «Набранный вами номер больше не существует».

– Не существует?!

В тот же миг заработал факс.

PL4-4559.

Ни подписи, ни обратного адреса.

Он позвонил Смигу.

– Ну и сукин же ты сын, Смит! Во что ты меня втянул!

– Этот только начало, – ответил Смит, торжествуя. – Старый номер уже не работает. Годится только на один раз. Попробуй позвонить по новому. Мы можем встретиться в ресторане.

– Ублюдок! – крикнул Конуэй и повесил трубку.

– Можешь называть меня сукиным сыном, – довольно усмехнулся Смит. – Садись. Вот тебе мартини. Возьми соломинку.

Конуэй перегнулся через стол, сжав кулаки.

– Садись-садись.

Конуэй сел и разом выпил свой мартини.

– Вон мы как пить хотим! – усмехнулся Смит. – Ну, расскажи обо всем папочке. Выкладывай. Признавайся.

– Не будет тебе никаких признаний.

– Хорошо. Но что-то почти произошло? Ты виновен или сохранил невинность? Или просишь пощады?

– Заткнись! – буркнул Конуэй. – Пей свой джин.

– Именно это я и делаю. Праздную успех.

– Успех?

– Насколько я понимаю, тебе стал известен новый номер, не так ли? Старый ты получил бесплатно. Если же ты наберешь новый номер, тебе придется выложить за это пятьдесят долларов. Завтра номер сменится еще раз, и стоить он будет уже не пятьдесят, а двести долларов.

– Но почему?

– Тебя зачаруют. Ты попадешься на крючок. Не сможешь остановиться. На той неделе номер будет стоить уже восемьсот долларов. И ты их заплатишь.

– Ни за что на свете! – воскликнул Конуэй.

– Тебе просто не останется ничего иного. Невинность ничего не стоит. За грех же приходится платить. Когда Норме станет известно состояние твоего банковского счета, будет уже поздно.

– Ничего подобного со мною не произойдет!

– Поздно, ты уже одержим, как когда-то Жанна д'Арк. Та тоже слышала голоса.

– Это были голоса ангелов, а не телефонных шептунов!

– Верно, но это ее не спасло. Официант! Принесите нам еще по мартини! Согласен?

Конуэй отрицательно покачал головой.

– Что это ты так нервничаешь? – спросил Смит. – Мы только-только сели обедать, а ты...

– Ты мне так ничего и не объяснил! – в сердцах воскликнул Конуэй.

– Ну хорошо. Ты готов слушать?

Методично расчерчивая скатерть ножом, Смит начал рассказ.

– Надеюсь, тебе известно, что под Лос-Анджелесом находится система дренажных туннелей? Они спасают город от затопления во время дождей.

– Разумеется, я знаю об их существовании.

– Если ты откроешь любой смотровой люк – такие люки есть на каждой большой улице, – ты попадешь в систему туннелей протяженностью в двадцать миль, которая, как ты сам понимаешь, идет к морю. В засушливые годы эта система больше похожа на пустыню. Когда-нибудь я обязательно повожу тебя по ее закоулкам. Ты меня слушаешь?

– Продолжай.

– Минуточку. – Смит сделал большой глоток мартини. – Представь, что ровно в три часа ночи двери всех домов откроются и из них на улицы выйдут, как тени, люди среднего возраста, откроют люки и направятся к далекому морю, которого пока не слышно. Но чем ближе будут они к нему подходить, чем больше будет этих теней, скользящих под городом к морю в три часа ночи, тем явственнее будут слышны вдохи и выдохи, шепот и

вздохи в темноте, и свет им будет не нужен, жар от их разгоряченных лиц будет освещать им стены туннеля, и они пройдут все новые и новые туннели под домами, а город будет спать, не подозревая об этой гигантской волне теней, хлынувшей к теплому морю, бормочущей, томящейся, тоскующей по любви – к чему? Эдакий безумный Интернет из плоти и крови.

– Интернет – нет. Безумный – да.

– Но это происходит на самом деле! Это не компьютерный фильм. Темная, голодная, мятущаяся, бормочущая масса, стремящаяся к дальнему берегу ночи, туда, где не светят ни луна, ни звезды, где лениво плещется горячее море, обжигающее раскаленными волнами тех, кто стоит на берегу.

– Но им-то это зачем?

– Ты спрашиваешь зачем?! Они бросаются в эти горячие воды, стремясь забыться, мечтая утонуть в них навеки! Вдох-выдох – ты слышал! Ты придешь. Твои волосы встали дыбом, во рту у тебя то холод, то ты задыхаешься в пламени, так?

– Нет!

– Ты лжешь!

– Нет, я говорю правду, – покачал головой Конуэй. – Но кому принадлежали эти голоса?

– Не находящим пристанища либидо, снедаемым страстью маньякам, одержимым одной и той же навязчивой идеей...

– Чего же они хотят?

– Они хотят быть вместе. – Смит помешал свой напиток мизинцем. – Хотят слиться воедино.

– Каким образом?

– Неужели ты этого не понял? Они хотят стать составной частью этой гибнущей души, хотят ввергнуть себя в океан страсти. Ты когда-нибудь читал Торо^[19]? Он говорил, что большинство мужчин в глубине души терзаются безысходным отчаянием.

– Печально.

– Да, печальнее некуда. Помнишь комикс «Несчастный Амброз»? Таких Амбросов в мире – пруд пруди. Тело борется с разумом, а разум – с телом. Мужчины хотят одного, женщины – другого. Ты помнишь себя четырнадцатилетним?

– Ох, и давно же это было...

– В тебе просыпаются желания плоти, но исполняются они далеко не сразу. Долго ты ждал?

– Шесть лет.

– Это же целая вечность! Две тысячи мучительных одиноких ночей!
Позвони по новому номеру и приходи сюда завтра.

– Ты так *ничего* мне и не рассказал.

– Я рассказал тебе *все*. Не медли! Если ты пропустишь хотя бы одну ночь, за звонок тебе придется выложить сразу шесть сотен!

– Почему ты думаешь, что так и будет?

– Сужу по тому, как ты дышал во время разговора, как раздолбал свой телефон. Кстати, компания «Белл» его уже починила.

– А ты-то откуда об этом знаешь?

– Я предпочел бы не отвечать на этот вопрос.

– Смит?

Смит ухмыльнулся.

– Кто ты – ангел Господень или Его темный сын?

– Да, – ответил Смит и вышел.

Конуэй позвонил Норме и попросил ее отключить телефон.

– Это еще зачем? – поразились Норма.

– Не надо ничего спрашивать. Отключи его, и только.

– Ты сошел с ума, – бросила она и повесила трубку.

Он вернулся домой в пять и принялся ходить из комнаты в комнату.

Норма не отставала от него ни на шаг.

– Послушай, – возмутился Конуэй, зайдя в библиотеку, – я ведь просил тебя отключить телефон, а он так и стоит на прежнем месте!

Он заглянул в спальню и заметил, что телефон появился и там.

– А это еще что такое?

– Они сказали, что ты настаивал на этом и что речь шла о подключении, а не об отключении. Разве это не так?

– Конечно же нет! Зачем нам столько телефонов?!

Прежде чем лечь спать, он вынул телефонные вилки из розеток.

Ровно в три зазвонили разом оба телефона. Судя по всему, их включила Норма.

В конце концов от их трезвона проснулась и она.

– Неужели ты не мог снять трубку? – проворчала она. – Придется это сделать мне.

– Нет! – вскричал он.

– Что это с тобой?

– Я сделаю это сам!

– Успокойся!

– Я и так спокоен!

Он взял в руки непрерывно звонивший телефон и понес его в библиотеку, где надрывался второй телефонный аппарат. Дверь в спальню так и осталась открытой.

– Чего же ты ждешь? – послышался голос Нормы.

Он осторожно снял трубку, но не стал подносить ее к уху. Оттуда доносился еле уловимый шепот.

– Что там такое? – не выдержала Норма. – Приватные беседы, да? Тебе что, девки по ночам теперь звонить будут?

– Увы, – ответил он. – Таких дур на свете пока что нет.

Норма рассмеялась и прикрыла дверь спальни.

Я ведь сказал ей чистую правду, подумал он. Это действительно не девки, а кое-что похуже. Хотелось бы знать что. Призрачные тени, тонущие лодки разбитых надежд, свихнувшиеся от одиночества холостяки, мольбы обвиняемых, последний рывок лососей вверх по течению – в никуда...

– Ладно, – произнес он вслух и, открыв дверь спальни, обвел взглядом холодную арктическую пустошь белоснежных простынь.

Норма была в ванной. Судя по доносившимся оттуда звукам, она наполнила водой стакан и бросила в него таблетку аспирина.

Он стоял возле постели, от которой веяло вечным холодом, и дрожал.

Свет в ванной погас. Конуэй повернулся и вышел из спальни.

Он просидел час без движения. Затем набрал новый номер.

Тишина. А потом...

Шепот, такой громкий, что мог бы разбудить и мертвых. Голоса множились с каждой минутой: один, два, четыре, десять, сто голосов вырывались, как лава из жерла вулкана, сплавляясь в единый поток.

И это были голоса всех девушек, всех женщин, о которых он когда-то безнадежно мечтал, и голоса всех женщин, которых он желал когда-то и больше не желает, их шепот, плач, их смех, и шум моря, бьющего о берег, но выносящего на гребнях волн не пену, не плавучие льдины, а месиво человеческих тел, сталкивающихся и падающих, падающих и поднимающихся, поднимающихся, чтобы снова упасть, подняться и вновь упасть, с чудовищным шепотом, бормотанием, подняться и вновь упасть, пока эта лава не взорвется и не низвергнется в кромешный мрак. Прыгающие через барьеры, исчезающие в приливе тел акробаты, корчащиеся в ритмичном полуночном танце. Заросли хищных рук. Ураганы криков и стонов, тихий шепот, едва уловимые вздохи.

И снова звонок телефона.

– Оплата наличными!

– Смит, подонок! – сказал Конуэй.

– Он самый. Что скажешь?

– Что это были за голоса?

– Совершенно посторонние люди, голоса с проплывающих по соседству фешенебельных лайнеров, как в детстве в захолустном городишке слышали мы ведущиеся во всеуслышание альковные разговоры наших похотливых соседей.

– Почему все они звонят одновременно?

– Они трусливы и ненасытны. Это дистанционное сумо, кикбоксинг, вакханалия полуночных шоу, автомобильные кинотеатры, заглушённые моторы, скрип пружин, кряхтение тяжеловесов, писк канареек.

Конуэй хранил молчание.

– Что, язык проглотил? Тебе что, не нравятся наши вечеринки?

– Вечеринки?!

– Ну а что же еще? В них могут участвовать все: старая дева из Вермонта, пьянчужка из Рено, пастор из Ванкувера, церковный служака из Майами, стриптизерша из Провиденса, президент колледжа из Канкаки.

Конуэй молчал.

– Ты еще здесь? Так тебе не нравятся факты? Ладно. Не плати. Вешай трубку!

Молчание.

– Ну, все. Отключайся, обругай меня напоследок, ныряй в постель и займись супругой. Ты все еще здесь? Все еще заинтригован самыми свеженькими деликатесами свободной любви? Температура небось под сорок? Тогда я считаю до трех. А потом утрою счет за это наше ночное развлечение. Один, два...

Конуэй прикусил губу.

– Ага! – возликовал Смит. – Ты у нас на крючке! Посмотри на себя в зеркало!

Конуэй повернулся к висевшему на стене зеркалу. Оттуда на него смотрел незнакомый человек с потным раскрасневшимся лицом и горящими глазами.

– Ты видишь?! Румяные щеки, пот, плотно сжатые губы, безумный блеск в глазах!

Конуэй вздохнул.

– Так да или нет? – прокричал Смит. – Последний раз спрашиваю! Или вешай трубку, или гореть твоей постели в огненной лаве Кракатау! Телись!

– Так ты говоришь, сразу несколько десятков человек?

– Несколько тысяч! И с каждым днем их становится больше. И чем

больше их становится, тем быстрее растет их число. Почему бы не пустить все эти тонущие лодчонки с деньгами поплавать в одной и той же воде? Бессонные орды изголодавшихся, толпы израненных, масса безымянных любителей клубнички. Ты никогда не узнаешь того, с кем именно ты говорил. Вот эта леди, эта женщина, эта девица, повизгивающая от восторга, может быть, это твоя школьная учительница, высохшая старая дева? Или твоя унылая тетушка, оседлавшая телефон, пока ее муж спит? А это – не твой ли это любящий папочка, любящий, однако, Ночную Семью сильнее? Ночная Семья! Все ночи, каждую ночь вопящая и хрипящая, с сопением и кашлем раскачивающая матрасы, выдыхаясь к рассвету. Прислушайся! Десять тысяч душевных ссадин, фрейдистских комплексов, пожираемых случайными – здравствуй-до свиданья – пантерами, оцелотами, львами. Убей, убей меня своей любовью, кричат они, ну пожалуйста, спасибо! Ты еще здесь?

– Да, – пробормотал Конуэй. – Эти люди когда-нибудь встречаются друг с другом?

– Разве что случайно.

– И где же?

– Кошка бродит во дворе – посиди-ка, мышь, в норе, понимаешь? Они не хотят встречаться! Подобный накал страсти могут выдержать разве что телефонные провода! Прислушайся получше.

Безумный хор исступленных голосов. «Да, да. Еще! О да, да!»

– Любишь яблочки? – не унимался Смит. – Прямо из рая. Торговая фирма «Змей и компания». Ночная такса. Виртуальный рай, как ты сам понимаешь, стоит недешево.

– Пстой! – оборвал его Конуэй.

– Остановиться? Подольше растянуть удовольствие для твоего ненасытного паха? Или ты хочешь не спеша приползти на карачках и со слезами поблагодарить своего грешного друга?

– Я хочу убить тебя.

– Я увернусь быстрее, чем ты выстрелишь. Возвращайся на линию. Оставайся под крылышком Ночной Семьи. Чао!

Щелчок. Смит отключился. Ворвался ураган лихорадочных голосов, сжигавших его мозг. Тяжелое дыхание. Он огляделся. Огонь его горящих щек освещал стены.

Брошенная на пол трубка вещала задыхающимся шепотом что-то, невыразимое словами, пока Конуэй пошатываясь двигался к постели.

Едва Конуэй лег на кровать и прикрыл глаза, он услышал, как вдалеке звякнула металлическая крышка дренажного люка: подняли и вновь

опустили.

Он поднял голову с подушки и посмотрел в соседнюю комнату. Норма стояла, прижав к уху телефонную трубку, крепко зажмурив глаза, как от боли, затаив дыхание и покачиваясь, и слушала, слушала... Он хотел было позвать ее, но в этот момент она схватила телефонный шнур и, так и не открывая глаз, вырвала его вместе с шептунами из розетки. Двигаясь как сомнамбула, она направилась к двери ванной. Конуэй услышал, как Норма высыпала всю упаковку аспирина в унитаз и трижды спустила воду. Потом подошла к постели и, немного постояв, забралась под одеяло.

Прошло еще несколько минут. Она легонько коснулась его локтя и прошептала. *Прошептала!*

– Ты не спишь?

Он молча кивнул головой в темноте.

– Обними меня!

Осенний день

– Как грустно в такое время года разбирать чердак, – сказала мисс Элизабет Симмонс. – Не люблю октябрь. Не нравится мне, как деревья становятся голыми, а небо каким-то выгоревшим. – Она в растерянности стояла возле лестницы, нерешительно поворачивая седую голову то в одну, то в другую сторону. – Ничего не попишешь – придется вырвать сентябрь из календаря...

– А если я оставлю его у себя? – спросила племянница мисс Симмонс, маленькая темноволосая Джульетта, держа в руках вырванный месяц.

– И что же ты с ним будешь делать? – поинтересовалась мисс Элизабет Симмонс.

– На самом деле он не кончился, он никогда не кончится. – Маленькая девочка подняла листик над головой. – Я помню каждый его день.

– Он закончился, еще не начавшись, – промолвила мисс Элизабет Симмонс, поджав губы и уставившись серыми глазами в пространство. – Что до меня, то я вообще ничего не помню.

– В понедельник я каталась на роликах по Шахматному парку, во вторник ела шоколадный торт у Патрисии Энн, в среду получила восемьдесят девять баллов за диктант. – Джульетта спрятала листок в карман блузки. – Это было на этой неделе. На прошлой неделе я поймала в ручье рака, качалась на лиане, поранила руку гвоздем и свалилась с забора. Всем этим я занималась до прошлой пятницы.

– Хорошо, когда кто-то чем-нибудь занимается, – вздохнула Элизабет Симмонс.

– Я и сегодняшний день запомню, – продолжила Джульетта. – Сегодня дубовые листья начали желтеть и краснеть.

– Ну а сейчас иди поиграй, – сказала старая женщина. – Мне нужно поработать на чердаке.

Тяжело дыша, она взобралась наверх. Запахло плесенью.

– Я собиралась заняться этим еще весной, – пробормотала она. – А теперь уже и зима не за горами, и не хочется думать, что я так и не справилась с этой грудой хлама.

Она мрачно рассматривала чердак. Растрескавшиеся деревянные брусья, паутина, тяжелые побуревшие сундуки, стопки старых газет.

Она открыла грязное оконце, выходящее на яблоневый сад. Пахнуло

осенней свежестью.

– Эй там, внизу! – крикнула мисс Элизабет Симмонс и принялась выбрасывать во двор старые журналы и пожелтевшие от времени газеты. – Не таскать же их, в самом деле, по лестнице, – прибавила она, с натугой просовывая в окно охапки утиля.

За газетами последовали старые манекены с проволочной арматурой, птичьи клетки и пыльные потрепанные энциклопедии. В воздухе поднялась пыль, закружилась голова. Она присела на старый сундук, посмеиваясь над собственной слабостью.

– Боже правый, откуда здесь столько хлама! – посетовала она. – А это еще что?

Взяв в руки коробку с газетными вырезками, заметками и некрологами, она высыпала ее содержимое на крышку сундука и порылась в нем. Помимо прочего она обнаружила странички старых календарей, скрепленные в три аккуратные книжечки.

– Ох уж эта Джульетта! – фыркнула она. – Зачем только она хранит все эти календари?

Она открыла наугад страничку, на ней стояло: «Октябрь 1887». Возле некоторых дат были восклицательные знаки и приписки детским почерком типа «Ну и денек!» или «Вот это закат!».

Она принялась перелистывать маленькую книжечку плохо гнущимися от волнения пальцами. Поднеся книжечку чуть не к самым глазам, в полутьме чердака она с трудом разобрала на обороте: «Элизабет Симмонс, десять лет, средняя классическая школа, пятый класс первого уровня».

Похолодевшими руками листала она выцветшие страницы. Даты, годы, восклицательные знаки, красные кружки вокруг каких-то особенных дней. Ее брови недоуменно сдвинулись. Потом огонек в ее глазах погас. Она молча сидела на сундуке, уставившись в осеннее небо. Страницы календаря выпали из рук и лежали, пожелтевшие и выцветшие, у нее на коленях.

Взятое в красный кружок 8 июля 1889 года. Чем же был знаменателен этот день? 28 августа 1892 года, рядом синий восклицательный знак. Что это значит? Бесконечные даты, месяцы, годы.

Она прикрыла глаза, пытаясь взять себя в руки. Где-то внизу скакала по осенней лужайке маленькая Джульетта.

Через какое-то время мисс Элизабет Симмонс заставила себя подняться и подойти к распахнутому окну. Джульетта играла среди красных и желтых деревьев.

– Джульетта! – окликнула ее мисс Элизабет Симмонс.

- Тетушка Элизабет! Ты кажешься отсюда такой смешной!
- Джульетта, я хотела попросить тебя об одном одолжении.
- О каком?
- Милая моя, мне очень хочется, чтобы ты выбросила тот листик.
- Но почему? – изумилась Джульетта.
- Потому что такие вещи лучше не хранить. От них потом становится

горько.

– Когда потом? И почему от них становится горько? Мне хочется запомнить каждую неделю, каждый месяц!

Мисс Элизабет долго смотрела на видневшееся сквозь ветки яблони маленькое личико своей племянницы.

– Ладно, дело твое, – сказала она наконец и вышвырнула в окно коробку с бумагами.

– Спасибо, тетюшка! Спасибо! – Джульетта прижала руку к карману, в котором помещался весь сентябрь. – Сегодняшний день я тоже никогда не забуду! Я всегда его буду помнить, ты слышишь?

Мисс Элизабет посмотрела сквозь ветки, едва шевелящиеся от слабого ветра.

- Конечно, детка, – сказала она. – Да-да, конечно!

Если вокруг пустота, есть где разгуляться

Джип ехал по пустой дороге, что вела в пустой город, стоявший на пустынном берегу обширной бухты, усеянной останками полузатонувших кораблей. Вдоль побережья тянулись бесконечные верфи, безмолвные здания с разбитыми окнами и огромными доисторическими подъемниками и транспортерами, застывшими бог весть как давно. А сейчас их железные суставы и клешни, крюки и цепи покачивались на ветру, осыпая ржавчиной пустые доки, где не было ни крыс, ни охотящихся на них котов.

Пораженный крайним запустением, молодой водитель джипа притормозил и стал разглядывать огромные недвижимые механизмы и мертвый берег, на который не набегали даже волны.

Даже небо было совершенно пустым: чайки давно улетели на север, подальше от этих берегов с их мрачными, похожими на огромные склепы строениями и неподвижными механизмами, где не было ни волн прибоев, ни играющих в них рыбешек, на которых можно поохотиться.

Само молчание этого места заставляло джип двигаться потише, будто под водой, будто его течением несло через площадь, обитатели которой однажды на рассвете тихо ушли, не обещая вернуться.

– Господи, – прошептал молодой человек. – Все мертвое...

В конце концов джип остановился возле здания с вывеской «Бар Гомеса», перед которым лениво колыхалось на ветру несколько красно-бело-зеленых мексиканских флажков.

Стоило молодому водителю покинуть свой джип и неспешной походкой направиться к бару, как возле здания появился рослый человек с копной седых волос, в белой одежде бармена, с полотенцем, перекинутым через левую руку, и бокалом в правой руке. Он хмуро уставился на джип, как будто в этом зрелище было нечто оскорбительное, потом перевел мрачный взгляд на водителя.

– Давненько гостей у нас не было, – сказал он низким гортанным голосом.

– Выглядит похоже, – кивнул молодой человек.

– Шестьдесят лет сюда никто не приезжал.

– Я вижу. – Молодой человек перевел взгляд на берег, доки, море и небо без чаек.

– Вы не ожидали здесь никого встретить. – Это было утверждение, не вопрос.

– Никого, – подтвердил молодой человек. – Но здесь вы.

– А почему бы и нет? С тысяча девятьсот тридцать второго года я полноправный хозяин этого города и этой бухты. Соответственно, и заведение это принадлежит мне. Здесь все мое. Вы спросите, как подобное могло случиться? Все происходило не здесь, а там, в море.

– Вы об отмели?

– О чем же еще? Отмель возникла здесь в одночасье. Как это произошло, никто не знает. Ну а кораблики так и остались здесь на веки вечные.

– Неужели они не могли расчистить фарватер?

– Пытались. Ведь здесь находился крупнейший мексиканский порт. Чего тут только не было! Оперный театр, роскошные магазины... Всем пришлось уйти.

– Выходит, песок сильнее золота, – сказал молодой человек.

– Да, из маленькой песчинки рождается большая гора.

– Так что, здесь никто не живет?

– Один человек живет, – пожал плечами старик. – Гомес.

– Сеньор Гомес, – кивнул молодой человек. – А я Джеймс Клейтон.

– Джеймс Клейтон... – Гомес приблизился, по-прежнему держа в руке бокал.

Джеймс Клейтон оглядывался по сторонам, рассматривая город и бухту.

– Так это и есть Санто-Доминго?

– Можете называть его как хотите.

– Больше подошло бы Эль-Силенсио. Или так – Абандонадо. Самый большой могильник на свете. Обитель духов.^[20]

– Все сразу.

– Дом Одиночества. Признаться, мне редко доводилось бывать в подобных местах. Даже слезы на глаза наворачиваются. Мне вспоминается одно американское кладбище во Франции. Я никогда не верил в существование духов, но там мне стало как-то не по себе... Я почувствовал, как что-то невидимое сдавило мне грудь. Здесь все так же, кроме того, что здесь никто не похоронен.

– Здесь похоронено Прошлое, – сказал Гомес.

– Ну, прошлое вам не напакостит.

– Только этим и занимается. – Гомес взглянул на бокал, который он держал, как бы прикидывая, не выпить ли его самому.

Джеймс Клейтон взял протянутый бокал.

– Текила?

– Ну а что же еще?

– *Gracias*^[21].

– Она вас встряхнет.

Молодой человек залпом опорожнил бокал. Лицо его побагровело.

– Крепкая, ничего не скажешь! – выговорил он, задыхаясь.

– Могу налить еще.

Гомес исчез за дверью. Джеймс Клейтон последовал за ним.

Внутри он увидел стойку, уступавшую размерами разве что стойке бара в Тихуане, за которой могли замышлять убийства, хохотать, заказывать выпивку, вырубаться и просыпаться, созерцая себя в засиженных мухами зеркалах, сразу девяносто посетителей. На полированной семидесятифутовой стойке лежали стопки старых газет, над которыми на фоне зеркал стояли навтыжку, подобно солдатам, полки бутылок с содержимым всех цветов и оттенков. За стойкой располагались две дюжины накрытых белоснежными скатертями, поблескивающих столовыми приборами столов, на которых, несмотря на дневное время, стояли зажженные свечи. Гомес зашел за стойку бара и налил в бокал еще одну порцию смертоносной текилы, все готово для самоубийства, если молодой человек желает. Молодой человек выразил желание и устался на скатерти, начищенное серебро и зажженные свечи.

– Вы кого-то ждете?

– Конечно жду, – ответил Гомес. – Рано или поздно они все вернутся. Так сказал Бог. А он никогда не обманывает.

– И когда же вы принимали последних посетителей? – поинтересовался Джеймс Клейтон.

– В меню все сказано.

Попивая текилу, Клейтон взял со стойки меню и прочел вслух:

– «*Cinco de Mayo*»... Неужели вы приняли последний заказ в мае тридцать второго?

– Так оно и есть, – ответил Гомес. – Это когда город покидала его последняя обительница. Она тянула с отъездом до последнего мужчины. Потом ей здесь стало нечего делать. Все номера соседнего отеля и поныне завалены ворохами вечерних платьев. Видите вон там, через площадь, золотых богов и богинь на крыше? Это, конечно, только позолота, а то бы все увезли с собой. В этом оперном театре в самый последний вечер пела Кармен, сворачивая сигары на колене. Когда музыка кончилась, все покинули город.

– Они уплыли?

– Конечно же нет! Вы забыли о мели. За оперным театром проходит железная дорога. Последний поезд уходил ночью. Я бежал за открытым вагоном, в котором сидели оперные певцы, и осыпал их конфетти, а потом, приложив ухо к рельсу, прислушивался к стуку колес уходящего поезда и плакал навзрыд как последний *estupido*^[22]. Вчера вечером я опять сходил туда, приложил ухо к рельсу, закрыл глаза и слушал, слушал... потом вернулся сюда, открыл бутылку с текилой и сказал себе: *manana*, завтра... Вот вы и тут.

– Но ждали-то вы совсем не меня.

– Я ждал хоть кого-нибудь. – Гомес ткнул пальцем в старую, пожелтевшую от времени газету. – Сеньор, вы не подскажете, который нынче год?

– Вроде как тридцать второй, – ответил Клейтон с улыбкой.

– Тридцать второй! Отличный год, уж можете мне поверить. А другие года... Почему знать, существуют ли они вообще? Самолеты здесь не летают. Туристов сюда не привозят. Боевые корабли в нашу гавань не заходят. Во всяком случае, я их здесь никогда не видел. Кто такой Гитлер? Здесь о таких еще и не слыхивали. Муссолини злодей? Не может быть. Мы привыкли считать его честным политиком. А что там с Великой депрессией? К Рождеству о ней никто уже и не вспомнит! Это сказал сам господин Гувер^[23]! Каждый день я разворачиваю и читаю новую газету тридцать второго года. Возможно, кому-то это и не понравится...

– Только не мне, сеньор Гомес.

– Предлагаю за это выпить.

Они выпили еще по стаканчику текилы.

– Хотите, я расскажу вам, что происходит в мире сейчас? – предложил Клейтон, отирая губы.

– Нет-нет! У меня есть собственные газеты. Одна газета в день. Через десять лет я доберусь до сорок второго года. Через шестнадцать – окажусь в сорок восьмом, но, боюсь, он уже не будет меня особенно трогать. Приятели привозят мне газеты два раза в год, я же оставляю их на стойке бара, выпиваю стаканчик текилы и вновь читаю вашего Гувера.

– Он все еще жив? – улыбнулся Клейтон.

– Сегодня он принял важное решение насчет импорта зарубежной продукции.

– Хотите, я поведаю вам о его дальнейшей судьбе?

– Я не стану вас слушать!

– Я пошутил.

– Тогда давайте выпьем за это.

Они выпили еще по одной.

– Вы, наверное, хотите узнать, зачем я сюда приехал, – сказал наконец Клейтон.

Гомес пожал плечами.

– Честно говоря, меня это особенно и не интересует.

– Я люблю пустынные места. Разве можно сравнить их с городом? Только там ты понимаешь, что такое жизнь, не то что в городах. Можешь потрогать любую вещь, приподнять ее и посмотреть, что под ней, не смущаясь тем, что кто-то будет наблюдать за тобой.

– У нас говорят, – сказал Гомес, – если вокруг пустота, есть где разгуляться. Пойдем разгуляемся.

Прежде чем Клейтон успел вымолвить хоть слово, Гомес вышел из бара и, остановившись возле джипа, уставился на беспорядочно брошенные сумки с ярлычками на них. Его губы медленно зашевелились:

– «Лайф». – Он посмотрел на Клейтона. – Даже я знаю, что это такое. Попадая в город, я стараюсь не смотреть ни налево, ни направо, не слушаю радио в барах или магазинах, где отовариваюсь. Но это название я видел на больших журналах. Так ты оттуда?

Клейтон робко кивнул.

Гомес, нахмурившись, принялся рассматривать поблескивавшие на солнце черные металлические предметы.

– Камеры, что ли?

Клейтон кивнул.

– Лежат без футляров. Думаю, ты не все время вез их так, верно?

– Я вынул их совсем недавно. Решил немного поснимать.

– Что тут снимать? – сказал Гомес. – С чего бы это молодому человеку все бросить и примчаться туда, где не осталось ровным счетом ничего, *nada*. Кладбище, ни дать ни взять. Сдается мне, ты что-то задумал...

– Почему вы так решили?

– Ты то и дело озираешься по сторонам. Ни минуты не можешь постоять спокойно. На небо все время пялишься. И при этом ты не сделал еще ни единого снимка. Ты ждешь чего-то поинтереснее моей текилы, верно?

– Я, – робко пролепетал Клейтон, – я...

Тут-то все и началось.

Гомес внезапно насторожился и посмотрел в сторону холмов.

– Что это?

Клейтон не произнес в ответ ни слова.

– Ты слышишь? Там что-то есть! – сказал Гомес и бросился к приставной лестнице.

Быстро взобравшись по ней на крышу невысокого здания, он хмуро уставился в сторону холмов, прикрывая рукой глаза от солнца.

– По этой дороге никто не ездил уже целую вечность... Может быть, ты скажешь правду?

Клейтон покраснел. Он медлил с ответом, колеблясь.

– Это что, твои друзья? – прокричал ему Гомес сверху.

Клейтон отрицательно покачал головой.

– Твои враги?

Клейтон согласно кивнул.

– С камерами?

– Да.

– Говори погромче, я ничего не слышу!

– Да! – повторил Клейтон.

– Они явились сюда для того же, для чего явился сюда ты, верно? Ты мне так еще и не сказал зачем! – воскликнул Гомес, прислушиваясь к доносившемуся из-за холмов реву моторов.

– Я хотел их опередить, – пробормотал Клейтон. – Я...

И тут от оглушительного рева небо разодралось надвое, и над Санто-Доминго появилась эскадрилья реактивных самолетов, обрушивших на город целую лавину белых листовок.

– А это еще что за дьявольщина! – ошалело закричал Гомес, почти успевший спуститься по лестнице.

Одна из листовок залетела, подобно белой голубке, прямо ему в руку, и он с омерзением отшвырнул ее. Клейтон оглядел грудку бумаги у своих ног.

– Читай! – приказал Гомес.

Клейтон колебался.

– Текст набран на двух языках.

– Читай, тебе сказано!

В листовке значилось:

Второе предупреждение

Город Санто-Доминго будет подвергнут фотоатаке с воздуха вскоре после полудня тринадцатого июля. Правительство заверило нас в том, что население города было своевременно эвакуировано. Ровно в час сорок пять мы приступим к съемкам фильма «Панчо!».

Стерлинг Хант, режиссер

– Атака с воздуха? – ошарашенно пробормотал Гомес. – «Панчо!»? Режиссер? Неужели Калифорния, которая всегда была и будет испаноязычным штатом, осмелится бомбить Санто-Доминго? – Гомес разорвал упавшую ему в руки листовку в клочки. – Никакой атаки не будет! Это вам заявляет сам Мануэль Ортис Гонсалес Гомес! Мы еще посмотрим, кто кого!

Еще долгое время после того, как затих гром небесный, Гомеса била дрожь возбуждения. Успокоившись наконец, он испытующе посмотрел на Клейтона и направился к бару. Клейтон следовал за ним по пятам. После яркого дня в баре казалось темно, как ночью. Гомес пошел вдоль стойки и, добравшись скорее на ощупь, чем при помощи зрения, до последней стопки газет, пробормотал:

– Наверное, где-нибудь здесь. Да?

Клейтон взглянул на кипу газет и наклонился пониже.

– Ну, что там? – спросил Гомес.

– Первая заметка появилась примерно месяц назад. Если бы вы имели привычку читать свежие газеты...

– Давай читай! – потребовал Гомес.

– Здесь написано... – Клейтон поднес газету к глазам. – Первое июля девяносто восьмого года. Правительство Мексики продало...

– Продало?! Что оно продало?

– Правительство Мексики продало город Санто-Доминго. – Глаза Клейтона бегали по строчкам. – Правительство Мексики продало город Санто-Доминго компании...

– Кому-кому?

– Компании «Кроссроудз филмз», Голливуд, штат Калифорния.

– Киношникам! – возопил Гомес. – Из Калифорнии?

– Заплатив при этом... О господи! – Клейтон поднес газету поближе к свету.

– Назови мне сумму!

– Боже правый! – Клейтон закрыл глаза. – Один миллион двести тысяч песо.

– Один миллион двести тысяч песо? Да это же курам на смех!

– Вот дерьмо!

Гомес посмотрел на стопку газет.

– Когда-то я купил в Мехико очки, но они давно разбились. Новых же я покупать не стал. Зачем они мне? Одну газету в день я уж как-нибудь

разберу. А здесь в моем пустом городе я могу не глядя ходить куда угодно, все равно никого не встречу. А тут вот эта дрянь! – Он шлепнул по газете. – Там еще что-то? Читай до конца!

– Здесь говорится о голливудской кинокомпании «Кроссрудз» Они решили сделать римейк «Вива Вилья!»^[24], картины о вашем знаменитом повстанце, назвав ее на сей раз «Панчо!». На город сбрасывали листовки, хотя было известно, что он пустовал при шести американских и двух мексиканских президентах. Но дело в том, что, по слухам...

– Каким таким слухам?

– Согласно слухам, – продолжал Клейтон, пробегая глазами одну газету за другой, – давно покинутый людьми город Санто-Доминго превратился в настоящий притон воров, убийц и преступников самых разных мастей. А также есть подозрение, что этот город является одним из основных перевалочных пунктов торговцев наркотиками. Правительство Мексики создало специальную комиссию, которая займется рассмотрением этого вопроса.

– Воры, убийцы и преступники! – расхохотался Гомес, разводя руками. – Неужели я похож на грабителя с большой дороги или на торговца наркотиками? И куда же, интересно, я их доставляю? Кормлю кокаином рыб? А марихуану где я выращиваю? – Гомес скомкал газету. – Закопаю это. Через неделю вырастет свежая брехня. Читай следующий номер!

– Обитатели города, с которыми представителям законной власти так и не удалось пообщаться, были своевременно оповещены о предстоящей акции. Девятого мая над городом были разбросаны листовки соответствующего содержания. Кстати говоря, после окончания съемок «Панчо!» компания планирует снять на развалинах города еще один фильм под рабочим названием «Землетрясение».

– Не видел я здесь никаких листовок. Если их и сбрасывали, то наверняка угодили в море. Их только акулам читать. Мексиканские летчики, что вы хотите!

Гомес смахнул со стойки газеты и, сняв со стены ружье и патронташ, направился к выходу.

– Твоя камера, гринго, – рявкнул он. – ¡Andate!^[25]

Клейтон достал из джипа свою лучшую «лейку» и вновь повернулся к Гомесу, взявшему ружье наизготовку.

– Как я тебе?

– Диктатор, да и только!

– А так? – спросил Гомес, встав вполоборота.

– Здорово! – засмеялся Клейтон, сделав снимок.

– А теперь так, – сказал Гомес, направив свою винтовку в небо. – Где там неприятель? В четыре часа, сказано?

– В пять. – Клейтон сделал еще пару снимков.

– Немного пониже! Немного повыше! – На сей раз Гомес действительно выстрелил, испугав попугаев, сидевших на соседних деревьях. – Сейчас, ребята, вы у меня попляшете!

– Не смещайте меня, пожалуйста! У меня руки из-за этого трясутся!

– Настоящего мужчину можно убить только смехом. Ваша очередь, сеньор, – сказал Гомес, направив дуло на Клейтона.

– Эй, что это вы задумали?

Сухой щелчок ружья.

– Патроны кончились, – объяснил Гомес. – Ну как, хватит для твоего журнала? «Генерал Гомес занят привычной работой». «Гомес берет с боями Санто-Доминго». «Гомес выходит на тропу войны».

Сухой щелчок камеры.

– Все. И у меня патроны кончились, то есть пленка.

Они, смеясь, перезарядили винтовку и камеру патронами и пленкой, пленкой и патронами.

– Зачем вы это делаете? – спросил молодой человек.

– Скоро эти сучьи дети вновь вернутся сюда и будут лететь очень быстро. Тогда ты просто не сумеешь за мной уследить, я тоже буду очень быстро двигаться. Так что мы сделаем эти красивые снимочки заранее, а вранье ты можешь добавить позже. А кроме того, может, я умру до того, как они вернутся. Что-то сердчишко скверно себя ведет, нашептывает всякую ерунду вроде «полежи», «успокойся». Но уж нет, я не умру, не сяду, не лягу и не успокоюсь. Я тут организую круговую оборону, буду бегать и стрелять – слава богу, вокруг пустота. Как ты думаешь, какое нужно брать упреждение, чтобы подбить одного из этих мерзавцев?

– Это невозможно.

Гомес презрительно сплюнул.

– Тридцать футов? Сорок? Или, быть может, пятьдесят?

– Я думаю, пятьдесят.

– Вот и отлично. Хотя бы одного, да собью.

– Тогда вам достанутся уши и хвост^[26].

– Можешь не сомневаться, – сказал Гомес, – живым я им не дам, а это значит, что я выиграю свою последнюю битву и навеки останусь здесь, на руинах.

– Скорее всего, этим все и кончится.

– Сделаем еще серию снимков. Я немного подвигаюсь. Ты готов?

– Готов.

Сделав несколько перебежек, Гомес попросил Клейтона принести из бара бутылочку текилы. Они выпили еще.

– Это была хорошая война, – сказал Гомес. – Сплошное вранье, конечно, но никто об этом не узнает. Обещай, лучший из лжецов, что эти снимки великого Гомеса появятся по меньшей мере в трех номерах журнала, посвященных войне за Санто-Доминго!

– Обещаю! Но...

– Ну а ты что будешь делать? Уедешь сейчас или дождешься здесь своих неприятелей?

– Не стану я их дожидаться. Материалов у меня теперь предостаточно. Им такого не заполучить. Гомес на фоне местного отеля. Гомес проявляет чудеса героизма, защищая Санто-Доминго.

– Ты прирожденный лжец, – рассмеялся Гомес. – Теперь парадное фото.

Он отложил винтовку в сторону, распрямил спину и, приняв важный вид, заложил правую руку за борт пиджака.

– Внимание, снимаю!

– Ну а теперь... – Гомес посмотрел на поблескивавшие на солнце рельсы, что виднелись за зданием оперного театра, и, забравшись в джип, приказал: – Едем туда!

Едва они оказались возле железной дороги, Гомес выпрыгнул из машины и встал на колени перед рельсом.

– Что вы делаете? – изумился Клейтон.

Гомес опустил голову к рельсу.

– Они вернутся этим путем. Не по небу, не по шоссе – все это, только чтобы отвлечь внимание. Вот, слушай! – Он улыбнулся и приложил ухо к горячему рельсу. – Они меня не обманут. Не на самолете, не на машине. Как уехали, так и приедут... ¡Si!^[27] Я слышу их приближение!

Клейтон стоял на месте.

– Слушай и ты, – приказал Гомес.

Клейтон опустился на колени.

– Молодец, – довольно пробубнил старик. – Ну как, слышишь?

Раскаленный на солнце рельс обжигал ухо.

– Слышишь? Далеко-далеко. Но приближаются.

Клейтон так и не смог расслышать ничего определенного.

– Вот уже ближе, – довольно пробормотал Гомес. – Значит, время пришло. Я ждал их целых шестьдесят лет, si. Какой у нас сейчас год?

Клейтон мучительно подыскивал ответ.

– Какой год, спрашиваю?

– Тринадцатое...

– Что значит «тринадцатое»?

– Тринадцатое июля тысяча девятьсот...

Он замялся.

– Дальше-то что?

– Тысяча девятьсот девяносто восьмого года!

– Тринадцатое июля тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Вот оно и наступило... Рельсы-то вон как уже гудят!

Клейтон вновь припал к рельсу и на сей раз действительно услышал отдаленные раскаты грома, только было неясно, откуда они доносились, с неба или земли. Они все нарастали, сдавливали ему грудь, все тело. Закрыв глаза, он прошептал:

– Тринадцатое июля девяносто восьмого года...

Гомес усмехнулся.

– Вот теперь я знаю, который год. Ай да Гомес! Дожил-таки до этого момента! А сейчас, сеньор, уходите.

– Я не могу вас здесь оставить!

– А меня здесь и нет! Гомес живет совсем в другом времени. На моем календаре пятое мая тридцать второго года! Отличный год, смею вас заверить! Пусть приходят! Им и в голову не придет искать меня в другом времени. Уходи. *jAndate!*

Клейтон поднялся на ноги и посмотрел на Гомеса, по-прежнему лежавшего головой на рельсе.

– Сеньор Гомес...

Он долго дожидался ответа.

– Иди себе с миром.

– Прошу вас!

– Если вокруг пустота, есть где разгуляться. Когда ты уйдешь, я буду двигаться быстрее.

Клейтон сел за руль джипа и завел двигатель.

– Гомес, – позвал он негромко.

Ответа не было. Гомес находился теперь в совсем ином времени, возле рельсов лежало единственно его тело, и было много места, где разгуляться.

Клейтон нажал на газ и поспешил покинуть город, над которым уже начинали грохотать раскаты грома.

Театр одной актрисы

– И каково же быть женатым на такой женщине, в которой все женщины сразу? – спросил Леверинг.

– Приятно, – ответил мистер Томас.

– Вы говорите так, будто речь идет о каком-то пустяке вроде глотка воды!

Томас посмотрел на критика, продолжая разливать кофе по чашкам.

– Вам показалось... Спору нет, Эллен изумительная женщина.

– Я вспоминаю прошлый вечер, – сказал Леверинг. – Господи, что это было за представление! Сколько раз ее вызывали на бис! А какие ей дарили букеты! Нежнейшие лилии! Алые розы! И как потом все ловили цветы, которые она кидала в зал! Казалось, будто мы нежданно-негаданно оказались в весеннем саду!

– Как вы насчет кофе? – спросил мистер Томас, доводившийся Эллен супругом.

– Выслушайте меня! Если мужчине очень повезет, он встретит за всю свою жизнь три-четыре вещи, способные по-настоящему свести с ума: это музыка, живопись и одна или две женщины. Да, конечно же, я критик, но подобных чувств я не испытывал еще никогда!

– Мы отправляемся в театр через полчаса.

– Замечательно! Вы встречаете ее после каждого представления?

– Да, это абсолютно необходимо. Скоро вы сами поймете почему.

– Конечно, я пришел сюда прежде всего затем, чтобы увидеть супруга Эллен Томас, счастливейшего из смертных. Насколько я могу понять, обычно вы ожидаете ее в этом отеле?

– Ну почему же? Иногда я гуляю по Центральному парку, еду в подземке до Гринвич-Виллидж или разглядываю витрины на Пятой авеню.

– А часто ли вы бываете на ее спектаклях?

– Признаться, я не видел ее на сцене больше года.

– Она попросила вас не ходить на ее спектакли?

– Ничего подобного.

– Вам просто надоело смотреть один и тот же спектакль?

– И это не так.

Томас достал из пачки новую сигарету и прикурил ее от окурка.

– Я понял. Вы и без того видите ее каждый день. В этом удивительном театре вы, счастливчик, являетесь единственным зрителем. Прошлым

вечером мы беседовали с Аттерсоном, и я спросил у него: может ли мужчина мечтать о чем-то большем? Вы женаты на этой поразительно талантливой женщине, которая способна принять любой женский образ, будь это французская кокотка, английская шлюха, шведская швея, Мария Стюарт^[28], Жанна д'Арк, Флоренс Найтингейл^[29], Мод Адамс^[30] или китайская принцесса. И потому я вас ненавижу.

Господин Томас хранил молчание.

Леверинг перевел дух и продолжил:

– Представляю, как завидуют вам другие мужчины, изнывающие от однообразия семейной жизни! Вас утомила ваша супруга? Не спешите менять жен, меняется сама ваша жена. *Presto!*^[31] Она как хрустальная люстра, играющая сотнями переливов света! Свет ее личности окрашивает сами стены этих комнат! В таком пламени мужчина может греться две жизни, и не наскучит!

– Моя жена смогла бы оценить ваши слова по достоинству.

– Но разве не об этом мечтает каждый мужчина? Он ждет от своей супруги чего-то необычного, чего-то чудесного! Увы, мы ищем калейдоскопичности, а находим алмаз с одной-единственной гранью. Конечно же, он может и блеснуть, никто не отрицает этого, но после тысячи повторений даже потрясающая Девятая симфония Бетховена превращается в колебание воздуха, не более того!

– Девять лет тому назад мы с Эллен еще путешествовали, – сказал супруг, доставая последнюю сигарету из пачки и наливая пятую чашку кофе. – Раз в год мы брали отпуск и уезжали на месяц в Швейцарию. – Он улыбнулся, в первый раз за время этого разговора, и откинулся на спинку кресла. – Вот тогда-то вам и нужно было брать у нас интервью.

– Ерунда. – Леверинг встал из-за стола, накинул на себя пальто и указал на часы. – Если не ошибаюсь, нам пора.

– Да-да, вы правы... – вздохнул Томас, нехотя поднимаясь с кресла.

– Можно немножко живее? Ведь вы едете не за кем-нибудь, а за самой Эллен Томас!

– Спасибо, что напомнили! – Томас отправился за своей шляпой. Вернувшись назад, он едва заметно улыбнулся и спросил: – Как вам мой вид? Подхожу ли я на роль оправы для этого бриллианта или, скажем, на роль сценической декорации?

– Бесстрастие, вот как это называется! Именно так – бесстрастие! Мрамор и гранит, железо и сталь! Полная противоположность всему тонченному, эфемерному, как прикосновение к эманации, исходящей из

опустевшего кубка, в котором некогда были духи!

– В вас пропадает оратор.

– Да, сам изумляюсь. Слова приходят ко мне сами. – Леверинг подмигнул Томасу и похлопал его по плечу. – Мы найдем экипаж, распряжем лошадей и дважды прокатим вашу супругу вокруг парка, идет?

– Вполне хватит и одного раза.

Они вышли на улицу.

Такси остановилось перед пустым театральным подъездом.

– Мы приехали слишком рано! – радостно вскричал Леверинг. – Пойдемте посмотрим финал!

– Нет-нет, увольте.

– Как? Вы не хотите посмотреть на свою жену?

– Вы уж меня простите.

– Но ведь это самое настоящее оскорбление! Вы оскорбляете не меня, но именно ее! Если вы не пойдете сейчас со мною, я за себя не ручаюсь!

– Пожалуйста, оставьте меня в покое.

Леверинг схватил Томаса за руку и повлек его за собой.

– Сейчас мы увидим все собственными глазами! – сказал он, распахивая дверь зала. – Тише!

Капельдинеры дружно повернулись в их сторону, но, узнав Томаса, тут же потеряли к ним всяческий интерес. Они недвижно стояли в темноте зрительного зала. Сцену, на которой высилось шесть коринфских колонн, заливал розовый, бледно-лиловый и нежно-зеленый свет. Публика сидела, затаив дыхание.

– Пожалуйста, позвольте мне уйти! – прошептал Томас.

– Тсс! Нельзя же думать только о себе! Нужно уважать и других! – прошептал в ответ Леверинг.

Танцовщица на сцене – да была ли это одна танцовщица? – то исчезала в глубокой тени, то вновь оказывалась на свету. Финальная сцена могла потрясти кого угодно. Тихо звучит музыка, на сцене только одна балерина, она танцует с тенями, вальсирует через всю сцену в этом созданном ее воображением мире, все обращая в лучи света, вспышки и отблески, руки подняты, лицо сияет – Золушка на балу, вечное кружение, счастливое сновидение, никогда бы не пробуждаться! Кружась, она скрывается за белой колонной. Через миг она появляется вновь, но это совсем другая женщина, она все еще кружится, но уже не так стремительно, это уже не Золушка, а светская дама, все в жизни познавшая, теперь ей и скучно и грустно, она вспоминает былое, кружась с кем-то невидимым и совершенно ей чужим. Леверинг затаил дыхание, прижавшись к барьеру. Из-за второй

колонны появляется третья женщина, еще печальнее предыдущей, сияние погасло, великолепия поубавилось, от этой колонны до следующей кружится, подчиняясь музыке, уличная женщина, руки широко разведены, на губах застыла вымученная улыбка. Исчезает! Четвертая женщина, пятая, шестая! Горничная, официантка и, наконец, появившаяся из глубины сцены ведьма, старая, седая, в блесках мишуры, жизнь теплится только в ее глазах, вспыхивающих горящими угольками, когда она вертится, сморщив губы, цепляясь скрюченными пальцами за воздух, пытаюсь разглядеть что-то далеко позади, через годы, через бездну – изможденный, иссохший древний зверь, жизнь кончена, но танец продолжается, больше ничего не осталось! Конечно же, спектакль не мог закончиться на столь печальной ноте. Старуха внезапно замерла и уставилась через всю сцену на самую первую колонну, из-за которой некогда появилась прекрасная Золушка. С беззвучным криком она закрыла глаза, силясь вернуться в ту далекую пору. Никто и не заметил, как она исчезла со сцены. Сцена пустовала секунд пять, а затем с яркой вспышкой света танцовщица появилась вновь. Но время промчалось назад! Возрожденная прекрасная юная девушка танцевала на сцене, как бы не касаясь этого мира, а грациозно кружа над его цветами и снегами.

Занавес упал.

Леверинг стоял ни жив ни мертв.

– Господи, – пробормотал он. – Я прекрасно понимаю всю сентиментальность и напыщенность этой сцены, однако она сражает меня наповал! Боже, что за женщина!

Он повернулся к Томасу, продолжавшему смотреть на сцену, схватившись за обитые бархатом перила. Зал взорвался аплодисментами. Занавес поднялся еще раз. Несравненная прима-балерина продолжала без усталости кружиться в танце. Занавес то поднимался, то опускался, а она все кружилась и кружилась под бурные овации зала.

По щекам Томаса покатались слезы. Леверинг взял его под руку:

– Успокойтесь!

Занавес уже не поднимался, театр погрузился в полумрак. Потрясенные увиденным зрители стали расходиться. Леверинг и Томас в молчании направились к выходу.

Они остановились возле служебного входа. Через какое-то время изнутри послышался звон колокольчика. Услышав его, Томас исчез за дверь. Минуту спустя он вышел, поддерживая под руку смертельно усталую маленькую женщину в мешковатом пальто и темном платке, которая даже не заметила стоявшего возле двери Леверинга.

– Дорогая, позволь представить тебе театрального критика господина Леверинга. Припоминаешь?

– Что за представление! – воскликнул Леверинг. – Чудо!

Она стояла, опершись на руку своего супруга, шепнувшему ей на ухо:

– Горячая ванна и сон – это все, что тебе сейчас нужно. Я разбужу тебя в полдень.

Она повернулась к Леверингу. На ее лице не было ни помады, ни теней, ни румян. Ее била крупная дрожь.

Глядя мимо него куда-то в пустоту, она сказала что-то очень тихо, он и не расслышал. Только по движению губ он понял. Потом, как-нибудь в другой раз, может быть, только не сегодня, только не сегодня. Пожалуйста. Как-нибудь в другой раз. Ему пришлось наклониться, чтобы расслышать ее на этой тихой пустынной аллее. Она очень признательна за внимание и за терпение, ему пришлось ждать ее здесь, это так любезно. Она смущенно, как бы извиняясь, вложила ему в руку какой-то мягкий предмет и заглянула ему в глаза.

В следующее мгновение вниманием Эллен завладели желтоватые огни и мягкие сиденья такси, в которое ей и помог забраться муж. Водитель завел мотор. Томас вопросительно посмотрел на критика.

Леверинг кивнул и помахал ему рукой. Томас кивнул в ответ и, усевшись в такси, мягко прикрыл за собой дверцу. Машина тронулась с места с подчеркнутой медлительностью. Чтобы выехать из этого проулка, ей потребовалось минут пять.

Только после этого стоявший возле служебного входа в театр критик посмотрел на подарок балерины, ее объяснение.

Это было полотенце. Не больше и не меньше. Самое что ни на есть обыкновенное полотенце, мокрое насквозь. Он поднес его к лицу и почувствовал запах пота.

– Как-нибудь в другой раз, – повторил он вслух.

Приди он сюда хоть тысячу раз, он слышал бы одни и те же слова, получал бы от нее один и тот же подарок.

«Ну и гусь, ее муж! – подумалось ему. – Мог бы, по крайней мере, предупредить...»

Леверинг аккуратно сложил полотенце и, взяв такси, отправился домой.

– Водитель, – обратился он к таксисту, – вы хотели бы владеть садом, в котором вам не разрешалось бы рвать цветы?

Немного подумав, водитель ответил:

– А на кой хрен он мне сдался, такой сад!

– Вот именно, – кивнул критик. – Зачем нужны кому-нибудь такие вещи?

Тем временем машина остановилась. Критик расплатился с водителем и направился к дому, бережно неся в руке аккуратно сложенное полотенце.

Такие вещи мистеру Леверингу были, похоже, зачем-то нужны.

Прощальное путешествие Лорела и Гарди к Альфе Центавра

[32]

Они оставались мертвыми двести лет.

И тем не менее они были живыми.

Они не могли долететь до двенадцатой планеты системы Альфа Центавра, и тем не менее они до нее долетели.

Столпотворения не было. Конгрегация спокойно собралась на рассвете, дабы освятить это чудесное событие, порожденное игрой генов в соборе смерти и призванное возродить смех на планетах далеких миров.

А вот вчера ночью было шумно. Демонстрация фильма с участием этих двух святых на двадцатичетырехчасовом сеансе вызвала у зрителей слезы радости. Стоило ему закончиться, как двадцать тысяч восторженных почитателей поспешили на космодром Альфы, желая встретить их необычный корабль.

Ждать его им пришлось достаточно долго.

В конце концов, после того как зрители вдоволь налюбовались игрой теней, лазерными граффити и египетскими зеркалами и дымами, они неожиданно увидели в клубах огня и дыма старенький «форд» модели «Т» 1925 года, из которого выглядывали, бешено размахивая шляпами, двое мужчин, толстый и тонкий.

В последний момент «форд-Т» неожиданно взорвался и развалился на несколько частей. Толстяк отшвырнул свой котелок в сторону и воскликнул:

– Опять из-за тебя влипли в какую-то дурацкую историю! Нет, с тобою не соскучишься!

Под громкие раскаты смеха они вбежали в город.

– ПРИВЕТ, СТЭН! ПРИВЕТ, ОЛЛИ! – раздался голос телекомментатора.

– Когда это они успели ожить? – изумился мой бармен Уилл Граймз.

– Им не нужно было оживать, поскольку они в каком-то смысле и не умирали, они... черт, это трудно объяснить, – сказал я, не отрывая глаз от экрана телевизора.

– Один из тех фокусов медицины конца двадцатого века, позволявший человеку дожить до ста лет?

– Нет.

– Виртуальная реальность? Волоконная оптика плюс исполнение желаний?

– Теплее.

– Что-то вроде той истории, когда специалисты по геной инженерии наплодили птеродактилей и Верховный суд вынужден был распорядиться об их отстреле и отправке в прошлое?

– Ну, в данном случае...

В этот момент в бар вошли Гарди и Лорел, толстый и тонкий. Народ ахнул. Олли обвел взглядом бар и заявил во всеуслышание:

– Мы желаем две кофейные чашки двойного...

– Джина! – закончил за него Стэнли.

– Совершенно верно, – подтвердил Олли, прикрыв глаза. – Джина.

– Ребята, а вы настоящие? – поинтересовался Уилл Граймз.

– Более чем, – высокопарно ответил Гарди и гулко постучал себя по груди.

– А что, не похоже? – пискнул Стэн.

– Чертовски похоже, – сказал Уилл Граймз, разливая джин по кофейным чашкам. – Вот только какие-то вы черно-белые, как в тех древних коротеньких фильмах. Цвета вам не хватает.

– Всего-то и делов? – просиял Стэн.

В разговор вмешался Олли:

– Заткнись, Стэнли. Видите ли, сэр, вначале мы, конечно же, были цветными, но народу это почему-то не понравилось. Мол, это вовсе не Стэн и Олли! Вот нас и отправили отбеливаться в лабораторию и перекрасили...

– В славный черно-белый, – подмигнул Стэн.

– А кожа? Кожа-то ваша почему так светится? – спросил я.

– Самая заурядная компьютерная косметика...

– Но простите, как вы могли попасть сюда примерно через двести лет после своей... кончины?

– Мы и не думали умирать! – пискнул Стэн.

– Благодарю тебя, Стэнли! Мы никогда не жили и потому попросту не могли умереть. Мы двоюродные братья электрической лампы, телефона, игровых автоматов, беспроводного телеграфа, радиоламп, транзисторов, вакцины Солка^[33], расщепленных атомов, моделей ДНК, факсов, электронной почты и Интернета! Эдакий Шалтай-Болтай, который сидит на стене научной лаборатории! Короче говоря, вы можете считать нас детищем тех безумных ученых, которые не изобретали заново динозавров, а вместо этого...

- ...вспомнили о двух болванах, убегающих от ящика с роялем?
- *Touché!*^[34]
- О двух торговцах елками, которые полностью разрушили чей-то там дом?
- Точно!
- И увидели возле своих кроватей гориллу, вальсировавшую в балетной пачке?
- И такое с нами бывало! – пискнул Стэн.
- И вы еще утверждаете, что вы настоящие? – возразил я.
- Мы рождены необходимостью. Сэр, вы когда-нибудь слышали о такой вещи, как Одиночество?
- Давным-давно. Эту болезнь удалось излечить.
- Мы-то и стали лекарством от Одиночества! – воскликнул Лорел. – Стэнли! Еще по чашечке бомбейского снадобья, сэр! С вашего позволения, я продолжу. В ту пору люди страдали от болезни, появления которой никто не предвидел, которую они называли Одиночеством. В лабораториях изучали влияние нулевой гравитации на кровообращение, но никто не задумывался о том, как действуют на человеческий организм время, пространство и расстояние. Как могут выжить люди вдали от Земли, в десяти или ста световых годах от нее, потеряв все свои корни, все свое привычное окружение? Чем станет для них космос – родным домом или сумасшедшим домом? Никто не знал... Осознание пришло позже, в одно сумрачное утро на планете в девяноста годах от Земли. Какой-то молодой человек расплакался так, что уже ничто не могло его остановить. Почему? – спросите вы. А просто Земля была очень далеко. Скрылась, исчезла, невозможно даже представить!.. Такой реакции не ожидал никто. Что-то вроде удара в душу под ложечку. Плач и стенания распространялись с невероятной скоростью. Это ведь заразно, как возбудитель и смех. После Первой мировой войны выпускали пластинки с записью хохота, люди слушали и начинали смеяться! Точно так же дело обстоит и с печалью. Эпидемия Одиночества распространялась все шире. Люди оплакивали ночь напролет кончину своих надежд. Плач слышался повсюду!.. Начались поиски лекарства. Вскоре обнаружилось, что старые фильмы способны облегчить течение болезни, однако их просмотр больше походил на спиритические сеансы. Все участвовавшие в них актеры умерли задолго до того, как первая ракета достигла Плутона. Нужны были не призраки, а настоящие человеческие существа!..
- Тогда-то мы и родились, – подытожил Оливер Гардн. – Не возродились, а именно родились, по-настоящему, в первый и единственный

раз. Для нас это вовсе не Второе Пришествие, а самое что ни на есть Явление Первое! Они собирали нас по отдельным волокнам, нервным окончаниям и ганглиям. Они нашли нужные хромосомы на кладбищах в Глендейле и в Санта-Монике, снабдили кожей – даже подкожный жир есть, – оснастили электрической дыхательной системой и – *voilà!*^[35]

– Лорел и Гарди! – воскликнул я.

– Вот именно! – рассмеялся Гарди. – После первого же нашего появления на Луне и водевильного турне по лучшим сценам Марса слезы высохли, а рыдания смолкли. Люди стали смеяться! Мало того что мы со Стэном сумели справиться с этим опасным утренним и ночным заболеванием, мы буквально озолотили Франкенштейнов из Калтеха, поскольку смеющиеся люди решили продолжить Освоение Мира и тем обеспечить бессмертие человечества! Лорел и Гарди? Бис! Простите мне мою нескромность.

Уилл уже приготовил очередную порцию пойла.

– Угощаю всех! – возгласил он. – Ребята, скажите мне честно – вы живые или нет?

– Нет.

– Выходит, вы мертвые?

– Не-а, – сказал Стэн.

– Мы – Невозможные, – провозгласил Гарди.

– Стоп, – возразил я. – Пожмите мне руку. Видите? Какие же вы невозможные!

– Вы не правы, – с деланной скромностью возразил Гарди. – Невозможна и эта Вселенная. Мы же в каком-то смысле являемся ее продолжением.

– Олли, скажи им всю правду, – прочирикал Стэн.

– Спасибо, Стэнли. – Олли принял донельзя важный вид. – Вы верите Дарвину^[36]? Да. А Ламарку^[37]? Тоже да. А Ветхому Завету? Разумеется! Но как можете вы верить и Дарвину, и Ламарку, и Богу, сказавшему: «Да будет свет», всем троим? – Оливер Гарди поднял три толстых пальца. – Вся беда в том, что вы ничего не можете доказать! Дарвин, Ламарк, Ветхий Завет – все они недоказуемы! И потому мы склонны верить всему. Можем ли мы говорить о сотворении Вселенной? Произошел ли Большой Взрыв на самом деле? Нет. Творения не было. Вселенная, хоть это и невозможно, существовала всегда – она бесконечна как во времени, так и в пространстве! О господи, рыдаете вы, должна же она была когда-то начаться! Нет, – отвечаю я на это. Она существовала всегда. Вы скажете,

что это невозможно? С этим я спорить не стану. Мы – все мы – живем в невозможном мире и являем собой такую же невозможность. Что из того, что мы черно-белые?

– Лично у меня, – сказал мой бармен Уилл, – это вызывает изумление.

– Именно изумление и стало подлинным творцом этого мира. Произошло это миллиард миллиардов несуществующих лет тому назад. Советую вам повесить этот календарь на стену там, где стен нет.

– И что же дальше? – поинтересовался я.

– Дальше? – Оливер Гарди вновь приосанился. – А дальше то, что Стэн и я никогда не рождались и никогда не умирали, и все-таки мы здесь, рядом с вами. В этом смысле мы ничем не отличаемся от Вселенной!

– Лучше не скажешь! – пискнул Стэн.

В этот самый момент стоявший в дальнем углу паба телевизор испуганно взвизгнул и экран ожил.

– Актуальные неприятности, – сообщил похоронный голос. – Прибыли Истребители.

– Истребители? – удивился я. – И что же они истребляют?

– Нас, – ответил Олли, постучав себя по груди.

– Но почему кому-то понадобилось вас истреблять?

Мы не сводили глаз с экрана телевизора, показывавшего собравшуюся возле нашего отеля молчаливую толпу, которая к этой минуте уже вошла в вестибюль и стала подниматься по лестнице.

Они вошли в бар, не издав ни звука. В их глазах горел огонь, но пока они выжидали, надеясь отыскать у нас кинематографических язычников, апокалиптических дегенератов и антихристов. Эти и многие другие имена Врага значились на карточках, передававшихся ими из рук в руки.

На мгновение меня охватила паника. Я решил, что они тотчас разорвут наших целлулоидных знакомых.

Но... Лорел и Гарди растворились в воздухе.

– Что за бред?! – изумленно воскликнул Уилл.

Я все еще ошарашенно вглядывался в пустоту, когда Истребители прошли вдоль стойки бара, оставив на ней не меньше сотни брошюрки специфического содержания («Нет цифровым духам!», «Пусть мертвые хоронят своих мертвецов», «Сгинь, нечистая сила!» и «Второе Пришествие – только Иисус!»), после чего так же молча удалились.

В следующее мгновение возле стойки бара вновь появились комичные фигуры Лорела и Гарди.

– Как вам эти фрукты? – усмехнулся Оливер Гарди.

– Где вы были?

– Там же, где и сейчас! – ответил Стэн, потрянув хохолком. Он исчез и тут же появился вновь, снова растворился в воздухе и вновь вернулся.

– Цифровые жалюзи? – поинтересовался я.

– Почти, – ответил Стэн.

– Стэнли! – одернул его Гарди. – Уважаемый сэр, скажите мне, не было ли у вас в детстве пластиковой линейки, в которую были впечатаны фигурки динозавров?

– Была, конечно.

– Что происходило в том случае, когда вы слегка поворачивали линейку?

– Динозавры тут же исчезали... Вы хотите сказать, что и с вами произошло нечто подобное?

– Примерно, – уточнил Гарди. – В известном смысле, мы отпечатаны на атмосферных двояковыпуклых жалюзи. Так видно, а так – не видно. *Voilà!*

Гарди проиллюстрировал сказанное, пару раз исчезнув и появившись вновь.

– Ни хрена себе! – ахнул Уилл.

– Выходит, мы смотрели на вас под правильным углом, а Истребители – под неправильным?

– Совершенно верно! Мы не появлялись и не исчезали. Не рождались и не умирали. А известно ли вам, почему нас так ненавидят Истребители?

– Нет, неизвестно.

– Эти религиозные мстители не могут простить нам того, что мы считаем Вселенную невозможной. – Олли окунул палец в джин. – Они уверены в том, что Творец все начал с Большого Взрыва. Должен заметить, что мы проехали не меньше миллиарда световых лет и не увидели ни малейших его следов...

– Вот поэтому они хотят истребить нас. – Стэн носом написал в воздухе свое имя и перечеркнул его.

– И не только нас, – подхватил Олли, – но и Джина Келли^[38], Гарбо...

– Джин Келли! – вскричал Уилл. – Грета Гарбо? Ниночка?!^[39]

– Как над ними смеется Гарбо! Скоро и она здесь появится.

– А много ли... – смутившись, я остановился.

– Вы хотите узнать, есть ли еще в других местах другие Лорелы и Гарди? И да и нет.

– Разве такое возможно?

– Почему бы и нет? Разве Стэны и Олли хоть кому-то мешают?

– Но, но...

– Никаких «но», сэр. – Олли пристально всматривался в свой котелок, как будто это был хрустальный шар ясновидца. – Мир так поражен меланхолией, что без нескольких десятков Стэнов и Олли ему просто не обойтись. Неужели вы хотите, чтобы Одиночество вновь погрузило миллионы душ в бездну отчаяния?

– Я знаю, – пробормотал Уилл. – Я знаю, что...

– Нет, сэр, вы не знаете, поэтому слушайте дальше. Для скептиков мы не настаиваем на нашей генетической сущности. Можете считать нас всего лишь черно-белыми привидениями, воскрешенными подобно Лазарю и вывалившимися из Интернета. Но это...

– Как две горошины в одном стручке! – пискнул Стэн.

– И все-таки, – не выдержал я, – мне трудно поверить...

– Сэр, следует не верить, а знать! Разве гусеницы хоть чем-то похожи на бабочек? А как вообще на Земле возникла жизнь? Разве мог ожить камень, в который ударила молния? Почему это электрические бури в облаках над первозданным океаном привели к возникновению жизни, суевающейся и пытающейся познать самое себя? Этого мы не знаем, разводят руками ученые. Так уж вышло. Вот вам и вся наука, ребята! Так уж вышло, что мы появились на свет. Без начала и без конца. Полугусеница-полубабочка.

– Мало того, – прошептал Стэн. – Олли и я, я и Олли будем жить вечно.

– Вечно? – изумился я.

– Разве не об этом когда-то мечтали все вы? В ту пору, когда мы ставили водевили в Лондоне и Дублине, зрители дружно кричали: «Стэн? Олли? Умоляем вас, никогда не умирайте!» – При этом воспоминании Стэн даже прослезился. – Их желание исполнилось. Мы никогда не умрем, но так и будем разъезжать по миру с нашим прощальным турне. И в нашем контракте сказано: оно будет длиться... – Голос его сорвался, и он закончил фальцетом: – Вечно!

– Вечно... – прошептал кто-то.

– И куда же вы отправитесь теперь? – спросил я.

– В системе Альфы существует еще восемь обитаемых планет, у семи из них свои колонии. Только смехом можно победить болезнь Одиночества и спасти цивилизацию! И мы приходим.

– Выходит, – тихо сказал Уилл, – вы что-то вроде Спасителей. Возлюбленные космические сыновья Господа. Только без распятия, без

слез.

– Продолжайте, продолжайте! – восторженно прочирикал Стэн. – Если бы мы знали всю правду о себе, я стал бы дурачиться еще больше, а Олли – пыжиться еще сильнее!

– Я бы не стал! – закричал Олли.

– А я стал бы, – сказал Стэн.

– Ладно тебе, – буркнул Олли. – Идем. Местным сиротам нужно подкрепиться, нам же пора заняться делом. Верно, Стэнли?

– Вы что, никогда не отдыхаете и не спите? – спросил я.

– У нас слишком много дел.

– Пойдите! – воскликнул я.

Я вышел из-за стойки, чтобы обменяться с ними рукопожатиями. Как ни странно, но их черно-белые руки оказались теплыми.

Они направились к выходу, выкидывая на ходу уморительные коленца.

Остаток ночи они провели более чем своеобразно.

1. Встретили на шатком мостике огромную гориллу.

2. Сначала увязли в цементе, потом едва не утонули в глубокой яме.

3. Какой-то лунатик пообещал поотрывать им головы и завязать им ноги узлом.

4. Лорел перескочил через частокол, а Гарди, не сумев перепрыгнуть, смел всю изгородь.

В финале Оливер Гарди появился на верхних ступенях ярко освещенной парадной лестницы, держа в руках огромный торт, утыканный горящими свечками. С чрезвычайно важным видом, воплощенное достоинство, он начал спускаться, но тут же оступился и с воплем отчаяния заскользил вниз, пока все они, и торт, и свечки, и сам Олли с перепачканным в креме лицом, не приземлились на уставленном яствами обеденном столе, который, разумеется, тут же рухнул, торт и Олли свалились на пол, а на них посыпались со стен картины, с потолка на все это упала люстра, а на самом верху оказались горящие свечки. Затем – внимание! – картины взмыли обратно на стены, люстра вознеслась к потолку, торт – целехонький, а Олли, пятясь задом, вновь оказался на вершине лестницы с тем же тортом в руках и, окинув публику деланно скромным взглядом – вот он я, видите, сейчас я пойду снова, на этот раз я не упаду, не бойтесь, смотрите! – стал спускаться по ступеням – черно-белый, самоуверенный, как всегда, и, как всегда, оступающийся, вечно натыкающийся на хлипкие столы, на доверчивые картины, на гильотину

люстры... Аплодисментам обезумевших обитателей Альфы Центавра не было конца.

– Ну когда же, когда же вы к нам вернетесь? – спросил я.

– Как только в этом возникнет необходимость, – ответил Олли. – Когда у вас случится беда или в ваших сердцах поселится Одиночество. Осталось произнести волшебные слова. Что сказал полисмен, когда мы так и не смогли завести нашу колымагу?

Стэн и Олли взяли свои котелки наизготовку.

– Олли, начинай теревить галстук, – сказал я.

Олли послушно схватился за галстук.

– Стэн, поправь волосы.

Стэн затряс головой.

Я набрал в легкие побольше воздуха и что было сил заорал:

– А ну-ка пшли вон, а не то я сдеру с вас штраф за блокировку движения!

Они бросились наутек.

Единственным лекарством от слез на сей раз оказался все тот же бомбейский джин.

Объедки

Ральф Фентрисс нахмурился и повесил трубку.

Его жена Эмили, все еще сидевшая за столом, оторвалась от утренней газеты и отставила в сторону кофейную чашку.

– И с кем же ты говорил? – поинтересовалась она.

– С Берил, – ответил он все так же хмуро.

– С Берил?

– Ты ее знаешь. Это подруга Сэма, почти что его жена. Чего не помню, так это ее фамилию.

– Ах да! – оживилась Эмили Фентрисс, намазывая масло на гренки. – Берил Вероника Глас – вот ее полное имя. Голова разболелась?

Ральф Фентрисс коснулся рукой лба.

– Какого черта! Как она добралась до нас?

– И чего же хочет Берил Вероника Глас, Ральф?

– Нас, – ответил он, потирая рукою лоб.

– Нас? – Эмили отложила гренки.

– Она пригласила нас на обед.

– Какой кошмар!

– Можешь повторить еще раз.

– Сколько лет прошло после смерти Сэма?

– Три или четыре. Пожалуй, четыре.

– Мы можем на него не пойти? Я имею в виду обед.

– И как ты это себе представляешь?

– Какой кошмар! – повторила еще раз Эмили Фентрисс.

– Ну почему, – сказал Ральф Фентрисс, усаживаясь за ресторанный столик, – почему они продолжают меня приглашать? Старые друзья наших дочек, бывшие любовники, чокнутые поклонники, неблизкие подруги, знакомые знакомых и близкие родственники дальних знакомых... Скажи на милость, что мы здесь забыли? И кстати, она-то где?

– Если не ошибаюсь, – ответила Эмили Фентрисс, выпивая второй бокал шампанского, – она никогда не приходила вовремя. Я могу ответить и на первый твой вопрос. Они приглашают тебя именно потому, что ты всегда принимаешь подобные приглашения.

– Я боюсь их обидеть.

– Брось. Благодарись за приглашение и не приходишь – только и

всего.

– Я так не умею.

– В том-то все и дело.

– Можно подумать, ты поступаешь иначе.

– Я отношусь к происходящему легко. За шелком платья ты не найдешь обливающегося кровью сердца.

– Обливающегося кровью сердца?

– Каждый пьянчужка, сидящий в баре, почитает тебя за спасителя, каждый бродяга полагает, что ты можешь спасти его заблудшую душу, каждая проститутка уверена, что именно ты и есть тот самый адвокат, который займется ее делом, каждый политик, понимая, что под бумажником у тебя находится сердце, всячески пытается его умаслить, каждый бармен норовит рассказать тебе историю своей жизни, вместо того чтобы выслушать твою, полицейские только взглянут на твою физиономию и не желают тебя штрафовать, а раввины приглашают тебя на пятничные собрания, хотя прежде тебя считали чем-то вроде баптиста, каждая...

– Ладно тебе. Хватит.

– Должна же я была спустить пар! Лучше назови свой новый титул.

– Лауреат ежегодной премии Отзывчивого Сердца, учрежденной Обществом Красного Креста.

– На твоём месте, я не забывала бы об этом ни на минуту! Кстати говоря, вот и она.

– Берил Вероника! – воскликнул Ральф Фентрисс с напускной радостью в голосе.

– Можно просто Берил, – ответила подошедшая к столику молодая красавица.

– Садись же!

– Неужели ты думаешь, что я так и буду стоять? Это что – шампанское? Господи, этот бокал для меня слишком мал. Чего же ты ждешь?

Он наполнил ее бокал до краев.

Она мгновенно опорожнила его и прошептала:

– Пожалуйста, налей еще.

– Похоже, вечеринка будет долгой, – процедила Эмили Фентрисс сквозь зубы.

– Прости меня, бога ради, – извинилась Берил Вероника Глас.

– Налей уж тогда и мне.

Мрачно усмехнувшись, Ральф Фентрисс наполнил оба бокала.

– Как хорошо, что мы снова все вместе, – сказал он.

- Не все, – поправила его Берил Вероника Глас.
 - Сколько прошло с тех пор?
 - Четыре года один месяц и три дня, – ответила молодая женщина.
 - Со времени нашей последней встречи?
 - С момента его смерти.
 - Ты о Сэме?
 - О ком же еще? Что-то ты мне мало шампанского наливаешь.
- Он вновь наполнил ее бокал до краев.
- Действует по-прежнему? Я имею в виду Сэма.
 - Он и не думал прекращать.
 - Но ведь прошло уже столько времени...
 - А что здесь может поделаться смерть? Хотела бы я знать, не мог бы ты привлечь покойника за приставание?
- Не знаю, не думал об этом. Сэм был упорным при жизни и не изменил своим привычкам и после смерти... – Фентрисс посмотрел на часы. – Прости, но почему ты пригласила сюда не кого-нибудь, а именно нас?
- Потому что у меня появился новый парень.
 - Очень рад за тебя!
 - Радоваться тут особенно нечему. Мы нравимся друг другу, но это ни к чему не приводит. И так уже больше года. Год и два месяца. Каждый раз я начинаю рыдать. Это все Сэм. Его штучки.
- Сделав большой глоток шампанского, Ральф Фентрисс осторожно заметил:
- Мне кажется, тебе следует позволить твоему новому другу взойти на ложе твое. Только после этого крышка гроба закроется.
 - Прости?
 - Только после того, как ты позволишь твоему другу взойти на ложе твое в самом библейском смысле, займешься любовью с другим, только тогда Самуил, Сэмми, Сэм умрет окончательно.
- Берил Вероника Глас смерила покрасневшего от смущения Ральфа Фентрисса долгим взглядом и зарыдала.
- Пожалуйста, не надо плакать! – принялся утешать ее он.
 - Я ничего не могу с собой поделаться! – Слезы лились ручьем. Успокоившись наконец, она заглянула в тарелку. – Что я наделала со своим салатом!
 - Его так и так нужно было чуточку подсолить, – с нервной улыбкой сказал Фентрисс.
 - Да, нужно было. А он никогда этого не делал...

– Ты о чем?

– О моем новом приятеле. Он никогда не восходил на мое ложе. Фентрисс заказал еще бутылку вина и, дождавшись, пока ее откроют и разольют, добавил:

– Вот время и пришло.

– Выходит, что так.

– Ты и сама это знаешь. Опустит крышку гроба и закрой склеп. Из глаз Берил вновь потекли слезы.

– Прости, я вовсе не хотел тебя обидеть.

– Ты меня несколько не обидел. Именно это я и должна была услышать. Ты действительно считаешь, что это нормально?

– Ты о чем?

– Если он взойдет? Я решила поговорить на эту тему с тобой именно потому, что ты был его лучшим другом. Я должна была попросить у тебя разрешения...

– Разрешения?! Ну, вперед!

– Нет-нет, я так не могу, ты же видишь! Ведь вы были так дружны, вас так много связывало, вы все друг о друге знали, с детских лет, со школы! Учеба, работа, все эти ваши любовные похождения. Ты в буквальном смысле заменял Сэму семью! И потому сегодня я пришла сюда за разводом!

Фентрисс откинулся на спинку стула.

– Вон оно в чем дело! Не расставание, не отделение, но именно развод! Но в каком же смысле – в юридическом или в церковном?

– Скорее в церковном. Вы оба вызывали у него восхищение. Нечего и говорить, он восхищался и мною. А такие вещи, как ты понимаешь, так просто не проходят... Порою часа в три ночи у меня звонит телефон, но я к нему никогда не подхожу. Я боюсь услышать его голос.

– Он этого больше не может.

– Кто его знает... Нет, он все может. И за завтраком я тоже боюсь снимать трубку. Помнишь, какие у нас были замечательные завтраки и обеды? Мы шли куда-нибудь в «Grand Cascade» или ехали за город, в «Hotellerie du Basbreau» или к «Pierrefonds», чтобы съесть по сэндвичу, и он всегда заказывал к сэндвичам самое лучшее вино, отчего они казались вкусными, словно манна небесная. Еще мне вспоминается «Hotel de la Poste» в Авиньоне... Интересно, сколько во Франции таких отелей?

– Я... – пробормотал Ральф Фентрисс. – Я...

– А какой там подавали невероятный томатный суп! Как-то раз мы заказали его три раза подряд и выпили за обедом несколько бутылок «Le

Corton». И нам потом повезло, что нашелся свободный номер, возвращаться в Париж на машине мы уже не могли, и тебе пришлось спать в ванной.

– Я не хотел вам мешать.

– Сэм тогда сказал, ты можешь лечь с нами, только отвернись лицом к стенке...

– Старик Сэм...

– Он ведь не шутил.

– Не удивляйся, Эмили, это было еще до тебя.

– Как же, как же... – усмехнулась его жена. – Это было шесть лет назад, Уилме тогда исполнилось уже четырнадцать.

– Ахда...

– Ничего страшного. Если ты помнишь, я сама тебя туда отпустила. Я привыкла доверять Сэму.

– Старик Сэм... И тем не менее я предпочел остаться в ванной и даже заткнул уши салфетками.

– Надеюсь, мы тебя не обидели?

– Несколько стонов и криков радости никого не обидят.

Он вновь наполнил вином бокалы.

– А помнишь, как Сэм попросил мэра Парижа перекрасить Эйфелеву башню в другой цвет? И ее перекрасили в мягкий оранжевый и теплый коричневатый цвета, как у большинства парижских зданий... Еще он боролся за то, чтобы сохранить старые автобусы с открытыми задними площадками, на которых так любили разъезжать по Парижу молодые люди, окликавая встречных девушек...

– Да, так оно и было!

– И именно он, а не Общество любителей Хемингуэя включил в список журнала «Уикли тур» бар Гарри на маленькой аллейке возле «L'Орега», где можно было съесть вкусную сосиску, запив ее дешевым пивом, и послушать рассказы бармена, который помнил Папу. И тут же, за углом, на *Place Vendôme* управляющий отеля «Ритц» открыл по совету Сэма бар «Хемингуэй» – с приятной подсветкой, с большим портретом Папы и с множеством его книг, которые стояли на развешанных повсюду книжных полках; здесь можно купить граппу, которая, в общем, никому особо не нужна, но ее любил Папа! Именно Сэм выиграл проводившийся «Интернэшнл геральд трибьюн» конкурс «Кто в действительности похоронен в могиле Наполеона», доказав, что это был генерал Грант! А разве не он...

– Остановись! – прервал ее Ральф Фентрисс. – Горло пересохнет. На,

промочи.

Она посмотрела на бутылку и удивленно пробормотала:

– Это же «Le Corton»! Вино, которое мы пили в Авиньоне!

Он часто заморгал.

– И как же это я его заказал?

С ее щеки сбежала слеза.

– Знаешь что? – спросил он.

– Что?

– Мне кажется, ты действительно любила Сэма.

– Да! Именно поэтому я и обратилась к тебе за помощью! Расскажи мне о нем что-нибудь мерзкое, что-нибудь по-настоящему ужасное, чтобы я перестала его уважать, потом он перестал бы мне нравиться и, может быть, в конце концов я бы возненавидела его и сумела бы от него избавиться!

– Дай подумать... Так сразу ничего такого и не припомнишь...

– Давай-давай, говори!

– Мне нечего тебе сказать! Да, Сэм, конечно же, был первостатейным хамом, грубияном и бабником. Но все это ему было – как если надеть гетры или охотничью шапочку или не того цвета туфли к строгому темному костюму, не более. Все сходило ему с рук. Ох уж этот Сэм, этот ужасный мальчишка, звучало отовсюду, вы слышали, что он опять отмочил? Он ведь так и не вырос. Поймаешь его за тем, как он плачет с крыши, а он, оказывается, таким способом определяет, какая будет завтра погода. Застукаешь его в постели со своей любовницей, а он посмотрит на тебя глазами невинного четырнадцатилетнего и объяснит, что ему стало любопытно, что ты в ней нашел. Ты помнишь, как он отправился во Францию в дни празднования двухсотлетия Французской революции и известил своих парижских друзей о том, что революция не удалась? И прежде чем его собрались прикончить, он успел перечислить все неудачи. Революция закончилась террором и Наполеоном. Монархия пришла и ушла. В тысяча восемьсот семидесятом парижские коммунары, с одной стороны, сражались с пруссаками, с другой – расправлялись друг с другом. Тысяча девятьсот четырнадцатый? Поражение! Францию нам пришлось спасать. Сороковой, сорок четвертый? Мы воевали и привели де Голля^[40] в Париж. Провал за провалом! И что же случилось со страной? (При этих словах его парижские приятели вытащили ножи.) Франция стала самой удивительной страной, а Париж – самым прекрасным городом на свете! Услышав это, друзья попрятали свои ножики и расцеловали Сэма!

Теперь слезы бежали уже по его щекам. И была уже ее очередь сказать:

– Знаешь что? Я смотрю, ты тоже его любил!
– Да. Я даже ревновал его к тебе. Только никому об этом не говори.
– Не знаю, как она, а уж я об этом точно никому не скажу, – сказала Эмили Фентрисс, наливая еще вина.

Берил Вероника Глас допила свой бокал, чмокнула Ральфа в щеку и встала.

– Спасибо за вечер.

Она потянулась за кошельком.

– Брось ты! – остановил ее Ральф. – Лучше скажи, что ты сейчас намерена делать?

– Пойду позвоню моему приятелю.

– И дальше что?

– Попрошу его сделать то, о чем мы сегодня говорили. Взойти.

– А если и на сей раз ничего не выйдет?

– Это ты о ночных звонках?

– Хотя бы.

– Тогда... Тогда мне придется попросить вас о новой встрече. Еще такой же обед. Или, может, это требует слишком много времени? Тогда ленч. Или просто выпьем?

– Непременно выпьем, – вздохнул Ральф Фентрисс, – за обедом. А сейчас брысь.

– До встречи!

Она поцеловала Ральфа и его супругу и скрылась за дверью.

– Ты еще здесь? – обратился Ральф к женщине, сидевшей с ним за одним столиком.

– Здесь, хотя и чувствую себя пустым местом, – ответила Эмили Фентрисс.

На ступеньках их дома сидел какой-то совсем еще молодой человек. Он даже не шелохнулся, когда Ральф и Эмили Фентрисс остановились возле крыльца. Они долго стояли, глядя на него, прежде чем он почувствовал их присутствие и поднял на них заплаканные глаза.

– Господи, – сказал Фентрисс. – Ты ли это, Уилли Армстронг?

Уилли горестно покачал головой.

– Теперь уже, наверное, нет.

– Говори погромче. Я тебя плохо слышу.

– Я и сам не знаю, кто я теперь! – произнес молодой человек тоном обиженного маленького мальчика. – Уилма даже разговаривать со мной не хочет.

– Если не ошибаюсь, ты не видел ее уже с полгода.

– Да, – подтвердил Уилли Армстронг, понурив голову и закрыв лицо ладонями, так что голос его звучал глухо. – Она все еще не хочет со мной говорить. Я звоню каждый день, но она вешает трубку!

Фентрисс поразмыслил.

– Не значит ли это, что она...

– Да-а, – прозвучал приглушенный ответ, – что она не хочет со мной разговаривать! – Но тут в голову Уилли пришла счастливая мысль, и он несколько приободрился. – Может быть, хотя бы вы со мною поговорите? Можно, я к вам на минутку зайду?

– Уилли, ты знаешь, который час?

– Я потерял свои часы. Я потерял все! Пожалуйста, я пробуду у вас только пять минут, я вам обещаю!

– Уилли, уже первый час ночи. Ты можешь поговорить со мною прямо здесь, на этом самом месте. Мы готовы тебя выслушать.

– Понимаете, – начал Уилли и вытер нос тыльной стороной ладони, – дело в том...

– Не буду вмешиваться в мужской разговор, – сказала Эмили Фентрисс, обходя мужа. – Спокойной ночи, Уилли. Ральф, только недолго.

Ральф Фентрисс протянул было руку, чтобы задержать ее, но дверь уже закрылась за ней, и он остался наедине с Уилли.

– Присаживайтесь, господин Фентрисс, – предложил Уилли, похлопав по ступеньке рядом с собой.

– Если речь идет всего о пяти минутах, я лучше постою.

– Ну, может, не пять, а десять, – всхлипнул Уилли Армстронг.

Фентрисс взглянул на ступеньку.

– Пожалуй, я действительно сяду.

И сел.

– Сейчас я вам всю расскажу, – начал Уилли. – Все началось с того, что Уилма...

Ральф Фентрисс вошел в спальню, волоча за собою пальто и распуская на ходу галстук.

– Вот я и протрезвел, – сказал он.

Жена подняла глаза от книги.

– Отчего такой похоронный вид?

– Я пообещал, что Уилма поговорит с ним еще раз. Что ты читаешь?

– Один из этих дурацких романов. Все прямо как в жизни.

– А это еще что?

Кивком головы он указал на клочки почтовой бумаги, лежавшие на бюро.

– Телефонные сообщения. Я их даже не смотрела. Решила предоставить это право тебе.

Он кивнул головой и взял одну из бумажек.

– «Срочно. Боско». Кто такой этот Боско?

– Я не знаю его фамилии. Это один из воздыхателей Тайны, который постоянно торчит у телевизора и в скором времени выживет нас из дома.

– Все понятно... – Он взял другую бумажку. – А это уже Арни Эймз. «Немедленно! Срочно! Не то я покончу с собой!» Как ты думаешь, он действительно может это сделать?

– Почему бы и нет? Он хороший парень, болтал бы только поменьше.

– Да, болтун каких поискать... Третье послание. Бад интересуется, что случилось с Эмили-младшей. А что, черт побери, случилось с Эмили-младшей?

– Это же твоя собственная дочка, которая живет в Нью-Йорке и пишет мыльные оперы! Припоминаешь?

– Все правильно. Да-да. Эмили-младшая... Она уехала из города, потому что за подобную писанину платили совсем недурные деньги. Господи, как пить хочется! Ты не знаешь, осталось ли в леднике пиво?

– Мы выбросили этот самый ледник много лет назад. У нас теперь холодильник.

– Да-да. – Он бросил бумажки. – Как мне надоело с ними разбираться! Может быть, ты все-таки мне поможешь? Половину мне, половину тебе – идет?

– Ну уж нет.

– А мне казалось, что супруги должны все делить, как это там – и в радости, и в горе.

– Ха-ха! – Она вновь вернулась к книге. – Где же я остановилась...

Ральф Фентрисс поворошил бумажки, потом жестом крупье сгреб их все вместе и, слегка пошатываясь, направился в дальний конец коридора, оставляя позади пустые спальни Эмили-младшей, Тайны и Уилмы. Оказавшись на кухне, он взял с полки маленькие магнитики с нарисованными на них Микки-Маусами и прикрепил записки к дверце холодильника, после чего открыл ее и с радостью воскликнул:

– Две банки пива! Нет, даже не две, а три!

Холодильник оставался открытым не меньше четверти часа, свет его лампочки играл на счастливом лице мужчины лет сорока с небольшим, державшего в каждой руке по банке пива.

Послышалось шарканье домашних туфель, и на пороге кухни появилась Эмили Фентрисс.

Она долго смотрела на своего мужа, который занимался весьма странным делом: доставал из холодильника банку за банкой, коробку за коробкой и после непродолжительного изучения бросал их в мешок для мусора.

Зеленый горошек в маленькой чашке. Полчашки кукурузы. Кусок ветчины и тарелка с мелко нарезанной солониной. Холодное картофельное пюре. Луковый соус.

Мусорный мешок быстро наполнялся.

– Позволь спросить, чем это ты здесь занимаешься? – не выдержала наконец Эмили Фентрисс.

– Сама видишь. Очищаю наш лёдник... вернее, наш холодильник.

– Ты выбрасываешь совершенно нормальные продукты!

– Нет, – ответил он, обнюхивая пучок зеленого лука, и бросил его в мешок. – Я не назвал бы эти продукты нормальными.

– Ну а как бы, интересно, ты их назвал?

Он заглянул в мусорный мешок.

– Объедки, вот что это такое, – хмыкнул он и, захлопнув дверцу холодильника, повторил еще раз: – Самые настоящие объедки.

Пора в путь-дорогу

Секретарша просунула голову в дверь и, обратившись к высившейся на столе баррикаде писем и книг, спросила:

– Вы у себя?

– Да, и по уши в работе. Что там?

– Какой-то маньяк хочет, чтобы мы издали его труды, и утверждает, что он написал или напишет самый длинный роман в истории!

– Мне казалось, что Томас Вулф^[41] уже умер, – заметил я.

– Этот тип принес с собой четыре хозяйственные сумки, набитые чем-то вроде дров, – сказала Эльза, – только на каждом полене что-то написано. «Ночь выдалась темная и ненастная» – на одном^[42], «Повсюду, насколько хватало глаз, лежали трупы» – на другом.

Это решило дело. Я покинул свою бумажную крепость и подошел к двери, чтобы взглянуть на столь редкостного маньяка. Тот сидел в приемной, не выпуская из рук набитых доверху огромных белых сумок. Надписи были видны.

– Пусть войдет, – услышал я собственный голос.

– Не собираетесь же вы...

– Собираюсь, – отрезал я. – Вы забыли о такой вещи, как нарративная затравка!

– Затравка?

– Роман нужно начинать так, чтобы читатель с первого же момента оказался у вас на крючке! Ну что же вы, Эльза!

Эльза завела в мой кабинет маленького человечка ростом не выше пяти футов, который в два приема затащил в мой кабинет свои огромные, наполненные словами сумки и спокойно уселся в ожидании, пока Эльза с чрезвычайно недовольным видом не закрыла за собой дверь.

– Итак, господин...

– Дж. Ф. Бредли, автор опуса, называемого иными людьми бредом Бредли. Этот потрясающий роман лежит здесь. – Он пнул сумку ногой.

– Читайте, что вы меня заинтриговали, господин Бред, – сказал я.

Он игнорировал мою оплошность, любовно разглядывая свое творение.

– Благодарю вас. Обычно редакторы либо отказываются меня принять, либо скрываются от меня бегством. Я пришел сюда не случайно... – Он смерил меня взглядом. – Мы примерно одного возраста, и вы,

соответственно, должны помнить славные тридцатые, когда туристы колесили на автомобилях по всей Америке...

Он выдержал паузу, дав мне возможность вспомнить то далекое время. Я действительно вспомнил его и согласно кивнул головой.

– Такие дела. – Он вновь пнул ногой сумки, нашпигованные словами. – Настало время возродить одну старую идею. Вы, наверное, помните трассу номер шестьдесят шесть, по которой вы с родителями путешествовали на запад? Вот и прекрасно. Тогда скажите, как вы боролись с дорожной скукой?

– Боролись со скукой? – повторил я машинально, пытаюсь собраться с мыслями.

И тут меня осенило.

– «Бирма шейв»! – вскричал я и, сбавив тон (редактору лучше вообще не восторгаться, а то придется платить автору дорожке), повторил: – «Бирма шейв».

– Прямо в точку! – возрадовался Бред. – Хотя в то время вы наверняка еще не брились! «Бирма шейв»! По всем дорогам Америки стояли рекламные щиты «Б. Ш.», вы могли распевать куплеты, короткая путь от Падуки до Потаватоми, от Тонопы до Томстоуна, от Хила-Галч до Грасс.

– Да-да, я помню, – сказал я нетерпеливо.

Ищешь бритву всех лучшей?
Значит, купишь «Бирма шейв»!
Раб! Свобода наконец!
С «Бирма шейв» ты на коне!

– Помню! – радостно воскликнул я.

– Конечно помните, – кивнул Бред.

– А вот и другой стишок:

В бороде разводишь вшей!
Вжик – и нет их. «Бирма шейв»!

– Ну у вас и память! – восхитился Бред.

Я уставился на его таинственные сумки.

– Но какое отношение все это имеет...

– Хорошо, что вы задали этот вопрос. – Он потряс двумя сумками,

откуда посыпались прилагательные, существительные и глаголы, сопровождаемые его комментарием: – «Бирма шейв» тысяча девятьсот девяносто девятого года. Диккенс двухтысячного. Шекспир две тысячи первого.

– Вы хотите сказать, что все они тут, на этих деревяшках?

– Нет, никаких давно умерших авторов. Автор – я! – Он опустился на колени и задвигал фразами по ковру. – Не хотите ли вы опубликовать самый первый и самый длинный трансконтинентальный роман, читатель которого сможет посетить разные штаты, огибая маленькие городки и проезжая по окраинам мегаполисов, чтобы в конце концов очутиться в Сиэтле, куда он вообще-то не собирался, но надо же было узнать, чем же закончится Роман века. Ну? Я жду вашего ответа!

Я посмотрел на пол, силясь прочесть выложенную им цепочку фраз, начинавшуюся возле моего письменного стола и заканчивавшуюся у самой стены.

– Моя секретарша что-то говорила о темной и ненастной ночи...

– Вон вы о чем! – рассмеялся Бред. – Это была обычная нарративная заправка! Знаете, что это такое?

Я прикусил язык.

– Здесь – блистательное начало моего магнум опуса!^[43]

На первой дощечке значилось «Мир подходил к концу...»; на второй: «У Алека Джонса оставалось всего шесть часов на то, чтобы спасти Землю!»

– Вы собираетесь начать этими словами свой эпохальный роман?

– Вы можете предложить что-то другое?

– Ну...

– Погодите! – перебил он меня. – Сейчас будет еще лучше!

Он доставал из сумки все новые дощечки, пока штук шестьдесят слов, уместившихся на полу, полностью не перегородили проход к двери.

– Вы спросите, с чего я взял, что пришло время для этой книги? После того как рекламные щиты «Бирма шейв» выпали, подобно зубам, из пасти американских дорог, она, эта пасть, стала зиять пустотами.

– Да, нам этих щитов явно не хватает.

– Что можно увидеть на дороге в наш век безумных скоростей? Ровным счетом ничего, тем более что рекламные щиты теперь находятся под запретом! Как же бороться с дорожной скукой? Мы начнем с маленьких, второстепенных дорог с грунтовыми обочинами, ведущих из Мейна в Миссулу или из Де-Плейна в Денвер. Там мы насажаем наши мини-метафоры, и они пустят корни в американской душе. Появятся

сообщения в телевизионных новостях. Туристы прочитают начало где-нибудь в Канкаки, Кеноше или Канзасе и будут как сумасшедшие ездить, пока не доберутся до финала в Сок-Сентре или в Сиэтле. В конце концов, сэр, наш роман назовут книгой месяца, и мы издадим его в кожаном переплете, которому не страшна будет дорожная непогода! Подумайте об этом!

– Признаться, вы меня ошеломили!

– Иначе и быть не могло! Мое революционное произведение донесет грамотность до последнего болвана в самом замшелом уголке Америки! Решайте быстрее, не то я отправлюсь к другому издателю!

– Вы полагаете, что учителя...

– Они будут проглатывать нашу книгу за завтраком, обедом и ужином! Они будут читать ее на экранах своих компьютеров! Мы превратим дороги между штатами в библиотеку на открытом воздухе, интеллектуальный источник для каждого проезжающего. Профессора станут умолять нас расставить наши щитки у их кафедр английского. Рекламные агентства будут предлагать бешеные деньги, чтобы примазаться к успеху нашей песни дальних странствий – но нет! Мой роман помчится сумасшедшими зигзагами, разбрасывая буквы направо и налево. Да, сэр, его время пришло! Новое – это хорошо забытое старое! Прощайте!

Поднявшись на ноги, он принялся сгребать свои существительные и глаголы.

– Пойдите! – воскликнул я, не отрывая от них глаз. – Эти фразы, так сказать, затравка, но... Что будет дальше?

– Дальше все будет как в сказке! Единожды отправившись в это путешествие, они уже не смогут остановиться. Это как орешки. Хотел бы я посмотреть, как вы сумеете остановиться после того, как разгрызете один!

– Но откуда мне знать...

– В Бога мы веруем, сэр, поверьте и в интуицию его представителя Бредли. Я взвешу сюжетные повороты всех дорог от Скенектеди до Саскачевана, час за часом, день за днем. Мой внутренний голос подскажет мне, где ставить щиты и какие на них выводить буквы, до последней точки над «i», до последней черточки над «t»! Я испытаю, как сейчас испытываете вы, это страстное желание выяснить, что же, черт возьми, будет дальше, там, за поворотом магистрали шестьдесят шесть, превращенной в улей для слов, жужжавших в моих сновидениях! Ну как? Что вы решили?

Он достал из сумки еще дюжину дощечек и с удовольствием осмотрел их.

– По рукам! – воскликнул он.

Это решило дело.

– Эльза! – позвал я.

– Сэр? – Она просунула в дверь голову и оглядела деревяшки на полу.

– Да поможет мне Бог! – прошептал я. – Принесите мне бланки контрактов на... на книги, да, на книги!

И пока она несла контракт, а Бред расписывался, я взял его за пуговицу:

– Почему вы пришли именно ко мне?

– Сэр, – сказал Бред, – у вас выражение лица, как у юного победителя библиотечного конкурса на лучшее правописание, в двенадцать лет получившего в подарок десять взрослых книг и пришедшего на следующий день за десятью новыми!

– Откуда вы это знаете?!

– Если бы у меня о вас были другие сведения, я не сделал бы вас литературным редактором моего праздника на колесах! Осталось обговорить финансовые аспекты этого достойного пера Толстого путешествия!

– Я не сомневаюсь, что...

– Вы и не должны ни в чем сомневаться! Лесопилки начнут изготавливать для нас дощечки и колышки совершенно бесплатно. Для них это будет лучшая реклама их товаров! Библиотекарей мы купим возможностью сфотографироваться с молотком в руках, забивая эти колышки или расписывая дощечки. На нас будут работать все бойскауты страны! Наши издержки? Ноль!

– Замечательно!

– Замечательно? Ха, то ли еще будет! Вдоль Кингз-хайвей мы понаставим, как бывало, множество киосков, которые будут торговать открытками на все случаи жизни, от рождения и свадьбы до похорон, и станут последним прибежищем подрастающему поколению литературных критиков, дозревшему до участия в этой безумной гонке!

– Шах и мат!

– Проигрыш исключен, хотя университетская публика то и дело будет ставить нам палки в колеса!

– Но почему?

– Да это же сплошь теплые местечки для непубликуемых авторов! У каждого на столе – неоконченный роман! Каждый будет лезть с советами по поводу пунктуации, персонажей или сюжетных линий!

– И что же...

– Из края в край, Филадельфия, Сан-Франциско, Лос-Анджелес! Впереди – парад старинных машин, они проведут нас через предместья. В арьергарде – современные автомобили. Губернаторы будут встречать нас на границах штатов, шампанское будет литься рекой!

– Гениально!

– Это еще не конец телячьим восторгам, сэр. Хотите дополнительные подробности? Всего понадобится двадцать тысяч колышков, двадцать тысяч гадательных табличек с нашими полухокку, через каждые сто ярдов на скоростных и через каждые пятьдесят ярдов на обычных магистралях. Вот так, вкратце. Один экземпляр контракта я забираю себе. Как насчет наличных?

– Возьмите это!

– Пачка президентов. Генералы Гранты? Приятель Линкольна, отлично! Я отправляюсь в малярный цех при складе лесоматериалов. Премьера книги состоится завтра в полдень на федеральной трассе номер шестьдесят шесть. Честь забить первый колышек будет доверена вам!

– Я не заслужил...

– Не опоздайте!

И вытянув из меня наличные, как пылесос из ковра пыль, он исчез за дверью, громыхая своими легковоспламеняющимися творениями.

– Зачем вы это сделали? – изумленно спросила Эльза.

– Вспомнил детство. – Я принялся ощупывать свои бока, руки и лицо, желая убедиться в реальности происходящего. – На какой-то момент я почувствовал себя тринадцати-, нет, двенадцати-, десятилетним мальчишкой... Мы несемся по дороге, в ушах свистит, мимо пролетают куплеты «Бирма шейв», я распеваю эти стишки, брат эхом вторит мне, а отец мчит как сумасшедший под гору. И вдруг страна опустела! Придорожные щиты исчезли подчистую, словно их повыкорчевали и повырубали безумные дантисты из местных мэрий. Дорога из Туляремии в Таос стала сущей мукой... Кстати сказать, когда мы останавливались, переполненные лимонадом, я всегда орошал слово «Бирма», а мой брат – «Шейв».

– Фи!

– Да. – Я прислушался к затихающему грохоту слов в сумках. – И теперь я с трудом могу дождаться, – прошептал я, – когда же начнется эта темная и ненастная ночь, понимаете?

– Ну, если так... – сказала Эльза.

Все кончилось, как говорится, не взрывом, а всхлипом. На старте –

громовой рокот ракеты в стиле Сесила Б. де Милля^[44], на финише – шипение и пшик отсыревшей шутихи.

Разумеется, я запустил этот масштабный дорожный проект Бреда, который получил название «Отсюда и всюду». Я действительно забил первый кол, ознаменовавший начало самого длинного романа со времен Аппоматокса^[45]. Следующие главы должны были появиться на дороге в Кансил-Блаффс и Хила-Бенд! Повествование прервалось на чрезвычайно интригующем эпизоде! Сюжет дошел до точки кипения. Восклицательный знак.

Какое-то время на нас никто не обращал внимания. Но скоро обратили внимание сразу все!

Толпы почитателей таланта Бреда хлынули, как цунами, на дороги Америки вдогонку за ним, декламируя фразы, разыгрывая сцены, едва успевала осесть пыль с дощечек, которые все множились и множились, неся гибель одним персонажам и успехи другим.

Критик из «Чикаго таймз» взял интервью у Бреда, зарубленное, впрочем, его редактором, исследователем творчества Йейтса^[46] и Поупа^[47]. Автострада номер шестьдесят шесть вновь обрела свою былую славу. Люди перестали летать на самолетах и пересели на автобусы. Автозаправочные станции множились как грибы. Мотели день ото дня повышали цены. Вереница автофургонов, битком набитых ненасытными читателями поздравительных открыток, тянулась змеей от Омахи до Угалуги. Повсеместно расплодились дайджесты сего беспримерного повествования – для особо нетерпеливых.

И вдруг – вдруг о нас совершенно забыли! Где-то на полпути между перевалом Доннера и Долиной смерти литературный поток иссяк.

Каскад струй превратился в едкую пыль.

Белые дощечки с существительными, глаголами и прилагательными более никого не интересовали.

Я уже хотел было купить билет на самолет или угнать чей-нибудь фургон, как тут двери моего кабинета распахнулись. На пороге возник Бред, вернее, его брэнное тело, начисто утратившее боевой дух, с бледным лицом, сжатыми зубами, с двумя огромными сумками, оттягивающими ему руки.

– Бред! – воскликнул я.

– В точку. Можете повторить, – ответил он.

– Входите же поскорее! Что с вами стряслось?

– Вы только что сами сказали.

– Вы принесли продолжение романа?
– Скорее, его остаток, – пробормотал он, высыпая на пол содержимое сумок. Тридцать фунтов мелких опилок. – Написать продолжение я так и не смог.

– Неужели вас покинуло вдохновение? Затор в мозгах?
– Дорожный затор! – сказал он.

Он собрал оставшиеся в сумке щепки и высыпал на мой стол. Некоторые мелкие частички осели на мое кресло. Я разглядел фрагменты букв, а иногда и целые буквы и даже слоги.

– Затор на дороге? – проблеял я.

– Мне никогда и в голову не приходило, что части наших сограждан мои придорожные цветочки могут прийтись не по нутру, – вздохнул Бред. – Мне то и дело приходилось пропускать участки, граничащие с чьими-то фермами, а то и целые округа! Шерифы приказывали мне убрать щиты, старые девы считали мой опус ипсо факто^[48] апофеозом бесстыдства. Доморощенные цензоры выдергивали мои колышки, как сорняки, воруя части романа, то же самое делали и плагиаторы!

– Плагиаторы?!

– Воришки, крадущие замысел! Грабители, растаскивающие роман по кускам! Пятимильный эпизод, исчезнувший в Талсе однажды ночью, всплыл на следующий день в Талахасси, к радости местных аллигаторов! Умыкнувший этот эпизод шериф Талахасси прогремел на всю страну, его книжку раскрутила Опра^[49]! Но разве я смогу это доказать? Я пытался вернуть похищенное, но эти вандалы тут же прострелили покрышки моей машины!

Голос его прервался. Переведя дыхание, он добавил шепотом:

– Наезд со смертельным исходом...

– Со смертельным? – воскликнул я.

– И что самое подлое, при помощи интернета. Сколь быстро я бы ни возвращал свой сад, урожай доставался им, они воровали мои слова и тиражировали, это они мчались впереди, как Роудраннер, а я плелся в хвосте, как койот^[50], дыша выхлопными газами электроники! Днем и ночью высвечивают они мои творения на миллионах экранов. Разве мог бы Каспаров обыграть «Биг-Блю»? «Компьютер поборол чемпиона мира по шахматам!» – вопили они со всех углов. Да эта айбиэмовская машина была набита десятками мозгов высочайшего уровня! Осиное гнездо гениев против одного несчастного русского! То же самое произошло и со мною. Хемингуевый недоучка против Всемирной паутины. Тогда-то я и удрал...

Ну вот, собственно, – закончил он. – Может, вы еще найдете кого-нибудь, кто допишет финал. Прикончит плохих, достойно похоронит хороших. Я – пас. Мне больше нечего сказать.

– Надеюсь, вы сумеете найти себе новое занятие, – сказал я.

– Помощником плотника? Годилось для Иисуса, а мне нет. Деньги я вам верну.

– А что прикажете делать с этим? – спросил я, указав на грудку опилок.

– Набейте ими подушку или устройте в них муравейник.

– Захватывающий был романище! – сказал я.

– Да. Интересно, чем бы он все-таки закончился?

– Если вы когда-нибудь придумаете концовку, сообщите и мне, хорошо?

– Не рассчитывайте на это. Всего хорошего.

Он вышел, оставив у меня в кабинете два мешка гранулированного опус-магнума.

– И что же мы с этим будем делать? – поинтересовалась появившаяся в дверях Эльза.

Я чихнул, потом еще и еще раз. Стол опустел, а воздух наполнился мелкими опилками.

– «Унесенные ветром»^[51]? – спросила она.

– Нет. Джек Керуак, «На дороге»^[52]. Принесите, пожалуйста, веник.

Мандарин

Как-то поздним вечером, примерно с год тому назад, я ужинал в дорогом ресторане, испытывая довольство самим собой и своим местом в этом мире (совсем недурное чувство для человека, которому уже перевалило за семьдесят). Потягивая второй бокал вина, я взглянул на официанта – до этого его присутствие оставалось незамеченным, так как он был все время далеко или находился у меня за спиной.

Это было как в кино, когда пленка внезапно стопорится в проекторе и изображение застывает. У меня захватило дух.

Я знал его когда-то. И не виделся с ним целую вечность. Он был моих лет, и все же его можно было узнать. Поэтому, когда он подошел к столику, чтобы долить в мой бокал вина, я рискнул обратиться к нему со словами:

– Мне кажется, мы с вами знакомы.

Официант посмотрел мне в лицо и отрицательно покачал головой.

– Не думаю. Вероятно, вы обознались...

Тот же лоб, та же стрижка, те же глаза, что и полвека назад.

– В последний раз мы встречались еще до войны, пятьдесят семь лет назад.

Официант отвел глаза в сторону и на мгновение задумался.

– Нет, мне кажется...

– Тридцать девятый год, – сказал я. – Мне было тогда девятнадцать. Мы были сверстниками.

– Тридцать девятый? – Он принялся изучать мое лицо. – Честно говоря, я вас не помню...

– Тогда у меня еще были светлые волосы, да и весил я фунтов на сорок меньше. Денег на приличную одежду у меня тогда не было, и я появлялся в центре только субботними вечерами, чтобы послушать выступавших в парке уличных ораторов. Мне нравилось следить за их бесконечными прениями.

– Першинг-Сквер, – едва заметно улыбнулся официант. – Да, точно. Я туда тоже любил похаживать. Лето тридцать девятого. Першинг-Сквер...

– В ту пору все мы были совсем еще детьми – одинокими, никому не нужными детьми.

– Девятнадцатилетние всегда одиноки. Чего только мы не делали, чтобы развеять чувство одиночества!

Мне все-таки удалось задеть его за живое.

– В нашей компании было пять-шесть молодых ребят. Денег у нас не было, и мы просто шлялись по городу, заглядывая иногда в пивнушки. Пиво тогда продавали только тем, кто показывал удостоверение личности, и поэтому мы ограничивались колой. Заплатишь двадцать пять центов и целый час сидишь в баре, разглядывая посетителей...

– «Петрелли»... – мечтательно произнес официант. – Сто лет не вспоминал этот бар. А вот вас я что-то не припомню... Звать-то вас как?

– Мое имя вам ничего не скажет. Да мы и не называли друг друга по именам – «привет», и только. Впрочем, у нас были клички. Карл, Дуг, Малыш... Если не ошибаюсь, вас мы называли Рамоном.

Официант скомкал полотенце.

– Откуда вам это известно? Должно быть, вы слышали...

– Ничего я не слышал – просто вспомнил. Вас ведь называли Рамоном, не так ли?

– Говорите потише.

– Да или нет? – спросил я тихо.

Он коротко кивнул.

– Мне было очень приятно с вами поговорить, но я...

Он явно тяготился этим разговором, но тут мне на ум пришло еще одно воспоминание.

– Мы впятером или вшестером бродили по городу и как-то зашли поесть сэндвичей в закусочную «Френч Дип» возле мэрии. Парень, который нас угощал, то и дело смеялся и пел. Вы не помните, как его звали?

– Сонни, – сказал внезапно официант. – Сонни. В то лето он постоянно пел одну и ту же песенку!

– «Мандарин»!

– Ну у вас и память!

– Мандарин...

Написал эту песенку Джонни Мерсер^[53], а пел ее Сонни.

В ту ночь именно он водил нас по улицам ночного города.

– Мандарин...

Мы стали называть его Мандарином, потому что это была его любимая песенка, он пел ее все лето. А осенью все мы отправились на войну. Никто не знал ни его настоящего имени, ни того, где он жил или откуда он был родом. Мы видели его только по пятницам и субботам, когда он важно, словно вельможная дама, сходил с трамвая, напевая свою обычную песенку.

Мандарин. Сонни. Имя неизвестно. Он был довольно высоким – около

шести футов – и очень худым (сам он называл себя не иначе как стройным). Спустившись, он попал в наше окружение, и был теплый летний вечер – погода, казалось, изменялась по мановению его изящных рук с тонкими пальцами, сжимающими длинный мундштук, которым он, смеясь, указывал на силуэты зданий, на деревья или, скажем, на нас. Он смеялся решительно над всем, и мы смеялись вместе с ним, ибо жизнь в ту пору казалась нам чем-то чертовски забавным.

Мандарин. Сонни. Да, как графиня, выходил он из ставшего неожиданно королевским экипажем трамвая и шествовал по парку, притягивая к себе одиноких юнцов, которые следовали за ним, почти не разговаривая, не сводя с него глаз.

Нам казалось в то лето, что еще немного – и произойдет нечто очень важное и нам скажут не только, где мы и кто мы, но и куда нам следует идти. Сонни устраивался в самом центре выложенной красным кирпичом площади, принимая это за свое естественное право, и, надменно оглядевшись по сторонам, тыкал мундштуком в ораторов, перевозносивших добродетели Сталина или Гитлера, – чума, мол, на оба ваших дома.

Когда Сонни прибывал на эти ристалища, его сопровождало не меньше полдюжины молчаливых спутников, шедших ему в кильватер. Он не смотрел на них, но принимал их присутствие как некий наряд, который полагается носить на этом забавном представлении. Он слушал речи, закрыв глаза. Они делали то же самое.

К их числу принадлежал и я.

Имен друг друга мы не знали. Конечно же, кто-то звался Питом, кто-то Томом, а кто-то и Джимом. Лишь однажды какой-то молокосос назвался Г. Бедфордом Джонсом^[54], но он наверняка врал, поскольку в десять лет мне доводилось читать в «Аргози» романы писателя, носившего точно такое же имя.

Да и кому были нужны все эти имена, если по выходным Сонни давал нам все новые клички? Один из нас получал прозвище Шприц, другой – Крошка, третий – Старейшина, еще один – я – был Инопланетянин, а иногда он и вовсе обращался к своему ночному дозору «шайка» или «кадеты», а то и просто «парни» или «одинокое сердца».

Я практически ничего не знал о своих приятелях, которые вообще-то и приятелями не были – просто загулявшие допоздна туристы из разных городов. Спустя много лет я описывал Лос-Анджелес и восемьдесят или девяносто маленьких окрестных городков как восемьдесят пять апельсинов, стремящихся к обретению некоего общего центра тяжести. Тогда же, в конце 1939 года, мне было известно всего два места, которые

могли стать таким центром: раскаленная от бесконечных политических баталий площадь Першинг-Сквер и Голливуд с эктоплазмой его слоняющихся с места на место в поисках любовных связей обитателей.

Бродившие по предвоенному Лос-Анджелесу молодые люди пребывали в уверенности, что все окрестные красотки мечтают единственно о том, чтобы затащить их в постель (чего, с другой стороны, никогда не происходило), и поэтому в преддверии уикенда подолгу изучали свое отражение в зеркале. Компанию объединяли именно инстинкты, но не интеллект. И Сонни.

Вероятно, его зеркало показывало, в точности как и наши, тщетные надежды на идеально завязанный галстук и чистый воротничок. Впрочем, зеркальные отражения мало чем отличаются от тестов Роршаха – разглядывая их, мы становимся жертвой собственной близорукости или наших страхов.

Долгими субботними вечерами Сонни водил нас по городу и угощал сосисками и кока-колой в барах, наполненных весьма странными мужчинами и женщинами. У мужчин, казалось, были сломаны руки. Женщины поигрывали мускулами. Мы потягивали колу часами, пораженные зрелищем, пока хозяин попросту не выгонял нас из своего заведения.

– Ладно! – кричал Сонни, стоя уже в дверях. – Если уж вы на этом настаиваете, мы уйдем!

– Да, я на этом настаиваю, – спокойно говорил ему в ответ хозяин заведения.

– Пойдемте прочь, девочки! – кричал Сонни.

– Зачем ты так? – вступал я.

– Ну ладно, айда домой, парни.

Иногда наши субботние прогулки заканчивались достаточно рано. Сонни куда-то исчезал, а без него наша компания тут же распадалась. Без него нам не о чем было говорить. Мы не имели ни малейшего понятия о том, куда мог уходить наш друг, хотя однажды, как нам показалось, мы видели его входящим в компании пожилого седовласого джентльмена в здание дешевого отеля на Мейн-стрит, но когда мы заглянули следом, холл был пуст. В другой раз мы видели его в обществе стройного цветного парня – в автобусе, проезд на котором стоил десять центов, хотя на троллейбусе можно было проехать за семь. Потом троллейбус ушел, что нас и подкосило. Мы распрощались и разошлись по домам, не обменявшись, как всегда, адресами.

В один из субботних вечеров зарядил сильнейший дождь, и так как у

большинства наших ребят не было денег, чтобы отсидеться в баре, они разошлись по домам, и мы с Сонни остались одни.

– Ну что, Питер Пен, – обратился он ко мне, – ты когда-нибудь пробовал настоящую выпивку? Самогон, виски, вино, наконец?

– Не-а.

– Пора восполнить этот пробел в образовании!

Он затащил меня в ближайший бар и заказал кока-колу и двойной «Дюбонне». Получив заказ, он передал мне бокал.

– Попробуй.

Сделав несколько маленьких глотков, я заулыбался.

– Совсем недурно!

– Еще бы!

– Когда мне было девять лет, мы с папой делали сок из такого винограда и добавляли много сахара. «Дюбонне»!

– Восторг ребенка, впервые отведавшего вина! Когда ты перестанешь корчить из себя Орлеанскую девственницу?

– Я вовсе не Жанна д'Арк! Я всего лишь кузнец, ковавший ее доспехи!

– Бокал-то верни. – Сонни, не переводя дыхания, допил «Дюбонне». – Кузнец Жанны д'Арк, говоришь? Ну, ты даешь! Идем!

Сонни расплатился, и мы вышли на улицу. Однако не успели мы сделать и пары шагов, как он застыл, глядя куда-то в сторону.

Проследив за его взглядом, я увидел женщину. Она была, как мне показалось, средних лет, довольно миловидная, с аккуратно зачесанными назад и собранными в узел волосами. Она стояла под дождем без шляпы, скрестив руки на груди, струйки стекали с ее лица на черный плащ. Завидев нас, она подняла было руку, как бы собираясь позвать, но тут же испуганно отступила назад.

– О господи, – пробормотал Сонни. Он вздохнул, но не ответил на жест даже кивком. – Подожди меня здесь! – Он поспешил вернуться в бар, однако уже через минуту снова вышел, вытирая губы. – Пришлось принять еще одну для смелости!

Сонни все еще ничем не показывал, что узнает женщину, и не двигался ей навстречу. Она стояла на том же месте, то и дело отирая глаза платком.

– Она тебя знает, – сказал я.

– Не твое дело.

– Но ведь и ты вот-вот заплачешь!

– Неужели? – Он коснулся уголка глаза и, заметив на пальце слезинку, чертыхнулся.

– Она плачет, ты плачешь. У вас кто-то умер?

- Если и умер, то не сегодня.
 - Она приходится тебе родственницей?
 - Нет. Глупая баба. Совсем из ума выжила!
 - Чего же она хочет?
- Сонни рассмеялся странным срывающимся смехом.
- Меня.
 - Прости, не понял?
 - Меня! Меня! Меня! Понятней не скажешь! Она хотела меня. Прошедшее время. Она хочет меня. Настоящее время. Она будет хотеть меня и завтра. Шутка!
 - Ты ведь не настолько плох, – сказал я, запинаясь.
 - В каком смысле? – насторожился Сонни.
 - Ты не настолько плох, как думаешь, – ответил я, отвернувшись в сторону.
 - Много ты обо мне знаешь!
 - Я знаю, что без тебя команда наша мгновенно разваливается.
 - Команда? Толпа полунищих одиноких умников, которым в этой жизни решительно нечего делать! Вот они и бродят за мной, как собачонки, и за компанию ссут на гидранты!
 - У нас появляется хоть какое-то дело. Ты дал нам его.
 - А что это дало мне?
 - Лидерство.
 - Как ты сказал?
 - Лидер. Ты наш лидер.
 - Дай-ка я осмотрю твою голову. – Он схватил ее так, что едва не вывернул мне шею. – Похоже, с ней что-то не так.
 - Может, мы и психи, – продолжил я, хотя он все еще держал меня за голову. – Но, если бы тебя не было, мы бы так и сидели по домам. Если же ты смог увлечь за собой нас, значит, ты мог бы командовать и другими. С тобой весело. Ты хороший актер. Ты просто скрываешь, какой ты на самом деле яркий!
 - Я – яркий?
 - Наверное, ты учился в колледже и вылетел. Может быть, выперли тебя оттуда из-за какой-нибудь гимнастики! Я прав?
 - И откуда только ты такой взялся...
 - Почему же ты не продолжил учебу?
 - Меня уже не принимали...
 - Ну а если пойти в другой колледж?
 - Не будь ребенком. Сейчас тридцать девятый год. Вот-вот начнется

война. Меня выпрут и из армии. Им не понравится, что я пользуюсь духами и выбриваю подмышки! Нет-нет, скажут они, такие гномики-гомики не для наших садиков.

– Не говори так!

– Они так говорят, почему бы и мне не сказать?

Я бросил взгляд на противоположную сторону улицы. Заметив это, женщина в черном плаще махнула мне рукой и улыбнулась, словно понимала смысл нашего разговора. «Да! – было написано у нее на лице. – Скажи ему!»

– А что ты хотел сказать словами «она меня хочет»?

– Она хочет за меня замуж, неужели не понятно?

– А чего бы тебе не ответить «да»?

– Это что, допрос? Детектор лжи у тебя с собой?

– Уже включен. Мне ты солгать не сможешь!

– Это еще почему?

– Потому что мы друзья. – Я перевел дух и продолжил: – Боишься, если перейдешь улицу, она затащит тебя домой и заставит на себе жениться?

– С нее станется, с этой дуры несчастной!

– Нет, это ты дурак несчастный!

Сонни вытер глаза тыльной стороной ладони.

– А я-то привык считать тебя своим другом...

– Я и есть твой друг!

– Если я перейду на ту сторону, ты меня больше не увидишь. И команды никакой у вас уже не будет.

– Да пропади она пропадом! Иди!

– Слишком поздно! – Сонни подался назад, не отводя от нее взгляда. – Тону. Нет! Третий раз погрузился.

– Ничего подобного.

– К тому же если я женюсь на ней, она замерзнет. Я уже много лет не могу согреться.

– Хочешь, я поговорю с ней сам?

– Вот псих, тебе-то это зачем?

– А затем, что мне на тебя не наплевать. Мне не нравится, как ты сейчас живешь!

– Тогда почему ты водишь со мной компанию?

– От нечего делать. Но долго это все равно не продлится. Через год я уеду.

– Собираешься заделаться знаменитым писателем?

– Что-нибудь в этом роде.
Я поймал на себе его оценивающий взгляд.
– Ах ты, сукин сын! Думаю, так оно и будет.
– Тогда идем! Я пойду вместе с тобой!
– Слепец ведет слепого? Почему ты всегда оказываешься прав?
– Не знаю. Я пытаюсь оставаться искренним и только...
– Ты веришь этой дряни?
– Разве можно жить, никому не веря?
– Ну, так иди же к ней сам! Отведи ее домой! Я уже слишком стар для нее, и для тебя тоже, и для всех остальных.
– Сколько тебе лет?
– Двадцать шесть.
– Это не старость.
– Старость, если ты – это я и в твоей биографии – тысяча мужчин. Поживу еще годика четыре, и хватит.
– Тебе будет всего тридцать!
– Очнись! Кому нужны тридцатилетние гомики?
– Но что же с тобой произойдет через четыре года?
Сонни замер и, глядя куда-то в сторону, холодно ответил:
– Ненавижу, когда мне задают такие вопросы!
– Я спрашиваю тебя как друг!
– Дай-ка я на тебя посмотрю повнимательнее... Да, ты действительно считаешь себя моим другом... – Он отвернулся. – Когда мне стукнет тридцать, тройка и нолик, я куплю крысиного яда...
– Нет!
– Или пистолет. Впрочем, быть может, я прибегну к дефенестрации. Интересное слово, правда? А знаешь, что оно означает? Дефенестрация – это прыжок из окна!
– Но почему ты так решил?
– Глупый мальчик! Таким, как я, после тридцати лет нечего делать в этой жизни! Все. Финиш. Помнишь песенку: «Кому ты нужен, старый и седой»?
– Тридцать лет – это вовсе не старость!
– Тебе это бабушка сказала? В тридцать лет человеку приходится платить по счетам. За все, что раньше ты получал за так, теперь нужно лезть в кошелек. И будь я проклят, если я стану расплачиваться за то, что принадлежит мне по божественному праву.
– Бьюсь об заклад, точно так же ты говорил и в пять лет.
– Да, таким уж говорливым я уродился. И чтоб остановить меня,

существует только один путь. В окошко.

– Но у тебя еще вся жизнь впереди!

– Это у тебя, дружок. А вот у той девицы за роялем в баре, поющей блюз, уже нет. Что до меня, то на всем моем теле не найдешь и дюйма, на котором не было бы отпечатков пальцев из фэбээровских досье на хулиганов, жуликов и опасных психопатов!

– Я тебе не верю!

– Глупый, наивный мальчик! – сказал он с грустной усмешкой. – Тебя когда-нибудь целовали мужчины?

– Нет.

– Я бы тебя поцеловал, но не стану...

Я вновь посмотрел на женщину в черном плаще.

– И давно ты ее знаешь?

– Еще с института. Она была одним из моих преподавателей...

– Ах так!

– Только не надо ахать! Я был ее любимчиком. Она пророчила мне блестящую будущность... Я же брожу вечерами по центральным улочкам в компании юных бездельников...

– Но разве ты пытался хоть что-нибудь изменить?

– Оставь меня в покое!

– Пытался или нет?

– Что я должен был для этого сделать? Стать актером, писателем, художником или танцовщиком?

– Ты мог стать кем угодно!

– То же самое говорила мне и она. Меня же в ту пору привлекали только дикие вечеринки где-нибудь в Малибу или в Лагуне. А она, похоже, все еще на что-то надеется. Стоит как побитая дворняжка.

– Зря ты о ней так.

– Ты думаешь? Подожди меня здесь.

Я видел через окно бара, как он заказал еще один «Дюбонне» и позвонил куда-то по телефону. Вернувшись назад, он сказал с усмешкой:

– Только что беседовал с Лоренцо Медичи. Слышал что-нибудь о Медичи?

– Они жили, кажется, в Венеции, да?^[55] Основали там первую банковскую компанию. Друзья Боттиччели и враги Савонаролы, так?

– Извини, что спросил. Я говорил с их прапраправнуком, который предлагал мне пожить в сентябре в его манхэттенском пентхаусе. Секретарская работа. Ведение домашнего хозяйства. Четверг – выходной. Уикенды на Файер-Айленде.

– Ну и как, ты примешь это предложение?

– Там она меня точно не достанет. Идем!

Сонни решительно зашагал прочь.

Я вновь посмотрел на женщину, стоявшую на другой стороне улицы. Простояв полчаса под дождем, она стала выглядеть куда старше.

Немного подумав, я сошел с бордюра. Заметив это, она отвернулась и поспешила скрыться за ближайшим поворотом.

Лето кончилось.

Разумеется, в Лос-Анджелесе никогда нельзя говорить об этом с уверенностью. Едва успеешь подумать, что оно кончилось, как оно уже возвращается иссушающим зноем на День благодарения, или портит Хэллоуин сорокаградусной жарой вместо дождя, или жарким утром под Рождество растопит снег, превратив Новый год в День независимости.

И тем не менее оно кончилось. Народ разъехался, паковал вещи и прятал фотографии, готовясь исчезнуть в жерле войны, начавшейся по ту сторону океана. Лето кончилось. Когда вы прощались с друзьями на остановке, в горле у вас начинало першить. Никто не говорил «до свидания» или «прощай» – просто «пока» или «увидимся», правда, довольно грустным тоном. Все понимали, что, куда бы мы ни отправились, мы можем никогда не вернуться.

Поздним субботним вечером я провожал Сонни по пустынному парку к трамвайной остановке. Не глядя на меня, Сонни спросил:

– Поедешь со мной?

– Куда? – удивился я.

– Ко мне домой, глупыш.

– Ты никогда не приглашал меня к себе...

– А теперь приглашаю. Ну так что – едешь или нет?

Я стал рассматривать его бледный, освещенный светом луны профиль. Почувствовав мой взгляд, он повернулся ко мне, чтобы как следует рассмотреть меня, как будто видел впервые.

– Спасибо за приглашение, – ответил я, отводя взгляд, – но не стоит, Сонни.

Сонни вздохнул.

– Пропади я пропадом, но теперь меня отверг даже Марсианин!

– Это ты обо мне?

– Разумеется! – рассмеялся Сонни. – В один прекрасный день ты женишься на такой же, как ты, Марсианке, и она нарожает тебе дюжину детей, которые будут верой и правдой служить повелителю Марса Джону

Картеру^[56].

Я неуверенно кивнул.

– Думаю, так оно и будет.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь. Ну, я поехал в свое одинокое логово и завтра утром отправлюсь к Медичи... Ты не передумал?

– Нет, спасибо.

Подъехавший к остановке трамвай раскрыл двери. Сонни взобрался на подножку и обвел взглядом остановку, пустынный парк и крыши окрестных зданий так, словно пытался навсегда сохранить их в памяти.

– Сонни! – окликнул я его.

Он посмотрел мне в глаза.

– Храни тебя Бог! – пробормотал я.

– Только на это я и надеюсь...

Трамвай тронулся, и Сонни, стоя в его открытых дверях, помахал мне на прощание своим мундштуком.

– Как там в песне, помнишь? – прокричал он.

Трамвай прогрохотал и скрылся.

– «Мандарин»? Эту песню написал Джонни Мерсер. Самая популярная вещица того года, «Мандарин», – откликнулся старый официант совсем из другого времени. – Станный он был какой-то, этот Сонни... Приятный голос – мягкое такое сопрано. Я и сейчас слышу его. И смех. Думаю, поэтому мы все и тянулись за ним. У нас в ту пору ничего не было: ни денег, ни работы, ни девушек... Слонялись от нечего делать по городу, и только. А он пел и смеялся, вот мы и шли за ним. Сонни и «Мандарин». «Мандарин» и Сонни...

Официант остановился, смутившись.

Допив вино, я спросил:

– Вы не знаете, что с ним случилось?

Официант покачал головой, но потом, немного поколебавшись, сказал:

– Пойдите! Вскоре после войны, году эдак в сорок седьмом, я случайно столкнулся с одним из тех психов – я говорю о ребятах из нашей компании. Ну так вот, он сказал мне, что Сонни – по слухам, точно он не знает – покончил с собой.

Я пожалел о том, что мой бокал пуст.

– В свой день рождения?

– Как вы сказали?

– Он покончил с собой в день своего тридцатилетия?

– Откуда вам это известно? Вроде так. Он застрелился.

– Слава богу, что это был всего лишь пистолет.

– Простите?

– Нет-нет, ничего, Рамон, ничего.

Официант принялся выписывать мне счет, но внезапно остановился и спросил:

– Вы не помните, какие в той песенке были слова?

Я немного подождал, чтобы посмотреть, не вспомнит ли он сам. По его лицу было не похоже, что он вспоминает.

Мелодия зазвучала в моей голове. И все слова, от первого до последнего.

– Нет, не спрашивайте, – сказал я.

С улыбкой щедрою, как лето

– Эге-гей! Подождите меня!

Зов. Эхо. Зов. Эхо. Все тише и тише.

Топот босых мальчишеских ног, похожий на стук падающих яблок.

Уильям Смит продолжал бежать. Не потому, что он мог бы угнаться за остальными, – просто он не хотел признаваться самому себе, что его маленькие ножки отстают от его желаний.

Пронзительно крича, он сбегал по склону оврага, находившегося в самом центре Гринтауна, и, выискивая спрятавшихся мальчишек, заглядывал в пустые шалаши с болтающимся на ветру пологом из мешковины. Он исследовал вырытые в склоне пещеры, но находил в них только остывшие угли. Он бродил по ручью, распугивая обитавших в нем раков, спешивших вернуться в свои норы.

– Погодите! Скоро я стану старше, чем вы, тогда посмотрим!

– Посмотрим, – вторил ему бездонный туннель под улицей Вязов.

Уилл рухнул наземь. Каждое лето одно и то же. Он бежит что есть сил, но не может угнаться за другими. Во всем городке не было ни одного мальчишки, чья тень была бы такой же длины, как и его собственная. Ему было шесть, знакомым его либо всего три (смотреть не на что), либо целых девять (на такой головокружительной высоте снег не тает даже летом). Пытаясь нагнать девятилетних, нужно было еще постараться не попасться трехлеткам. Он уселся на камень и заплакал.

– Ну и ладно! Мне до них и дела нет!

И тут знойную тишь нарушил донесшийся откуда-то издалека шум игры и веселых проказ. Он осторожно встал и, прячась в тени, прошел немного по берегу ручья, взобрался на соседний холмик, прополз под кустами и посмотрел вниз.

На маленькой полянке, находившейся в самом центре оврага, играли девять мальчишек.

Они носились кругами, оглашая звонким криком всю округу, вертелись, кувыркались, скакали, гонялись друг за другом и плясали, радуясь летнему теплу и свету.

Они не видели Уильяма, и потому он успел вспомнить, где он мог видеть каждого из них. Вон тот жил в доме на улице Вязов, другого он видел в сапожной мастерской на Кленовой аллее, третьего – возле почтового ящика, висевшего рядом со зданием театра «Элита».

И, о чудо из чудес, всем им было по шесть лет! Поглощенные игрой, они не замечали его.

– Эй! – крикнул Уилл.

Беготня прекратилась. Мальчишки замерли и настороженно уставились на него. Боязливо моргая, они ожидали, пока он заговорит.

– Можно с вами поиграть? – спросил он тихо.

Они посмотрели на него блестящими и темными, как патока, глазами и заулыбались. И улыбки их были щедрыми, как лето.

Уилл подобрал с земли палку, бросил ее к дальнему концу оврага и закричал что было сил:

– Лови!

Мальчишки дружно ринулись за нею, поднимая клубы пыли.

Вскоре один из них вернулся назад с палкой в зубах. Он поклонился и бросил палку к ногам Уилла.

– Спасибо, – сказал Уилл.

Все мальчишки уже стояли возле него, приплясывая, в ожидании нового броска. Глядя на них, Уилл подумал, что кошки – это, конечно, девочки, он всегда это знал, а вот собаки – ты только посмотри, все лето впереди, и мы будем здесь вместе, ведь собаки – это, конечно, мальчишки!

Они звонко лаяли. Они улыбались.

– Вы – мои друзья, верно? Мы будем встречаться каждый день, правда?

Они помахивали хвостами. Они скулили.

– А теперь – призовая кость!

Мальчишки задрожали мелкой дрожью.

– Призовая кость!

Он зашвырнул палку на десять миллионов миль. Мальчишки бросились за ней, и он подумал, не важно, может, это взрослые собаки, может, у них уже есть щенки, все равно все собаки – мальчишки, никакой другой зверь на свете так не похож на меня, на папу, на деда! И вдруг он сорвался с места и с тявканьем, с лаем побежал вслед за всеми, громко шлепая ногами по земле, перепрыгивая через мокрые пни, и вот уже вся стая, все десять, с воем мчится в неведомые дали.

Под деревянной железнодорожной эстакадой они застыли. Над ними, сверкая, как стальной бог в гневе своем, пронесся поезд, дальше, дальше, и исчез, мерцая вдали. Его голос долго еще отдавался сладким шумом у них в костях. Потом они стояли на опустевших путях, разглядывая черные лужицы расплавившейся от полуденного жара смолы. Глаза их были полны света. Его летние друзья показывали друг другу свои розовые языки,

висящие свободно, как распущенные галстуки.

Они услышали странный гул, похожий на жужжание огромного пчелиного роя, и увидели прямо над собой огромную опору линии электропередач, голубоватые провода которой уходили далеко на юг и на север.

Уилл взобрался на основание вышки и посмотрел вниз.

Ребята исчезли.

– Эгей! – крикнул он.

Мальчишки откликнулись:

– Гав!

Они купались в прохладной тени огромного, лениво шелестевшего листвой дерева. Прячась в зеленой тени, ползли они, широко раскинув ноги и прижимаясь животом к земле, поливая друг друга очередями заливистого лая из своих глоток-автоматов.

– Хватит! – крикнул Уилл.

Мальчишки выбрались из озера тени, подбежали к телеграфному столбу и оросили его желтым, отсалютовав ногами, после чего помчались, продолжая салютовать всю дорогу, к настоящему озеру. Там они долго плавали, молча плавали по-собачьи.

Какая-то тайна была разлита на этом берегу в шепоте волн, в цвете неба, в которое они всматривались, обсыхая на раскаленном песке.

И Уилл понял, что это самое лучшее лето в его жизни. Подобное просто не могло повториться. Для этих его летних друзей – да, и следующее лето, и еще одно будут точно такими же, так же будут они валяться здесь на песке, и вода будет такой же прохладной, а солнце таким же жарким. Но он, Уилл, станет через год старше и обзаведется, наверное, настоящими друзьями, которые удержат его, отвлекут от этого блаженного ничегонеделанья, бесцельного, безоблачного времени, без начала и конца, на этом пустынном берегу с этими необученными и без слов принимающими его друзьями. Эти мальчишки, эти вечные мальчишки, вечно будут бежать по краю земли, пока земля вертится. Но себя, бегущего вместе с ними, он не видел по крайней мере дальше чем послезавтра.

Наконец Уилли встал. И пока его команда салютовала деревьям, он, подражая приятелям во всех отношениях, написал желтым на песке свое имя. Не повезло девчонкам, подумал он, старательно выводя завитушки букв.

Мальчишки залаяли и набросали причудливыми узорами песок на влажный автограф. Затем, гордые своими успехами в области каллиграфии, все вместе понесли к городу. К тому времени, когда они оказались возле

его дома, солнце уже начинало клониться к горизонту. Он поднялся на крыльцо и сказал, обращаясь к стоявшим на лужайке своим независимым спутникам, этим бродягам:

– Это мой дом, видите? Завтра поиграем снова!

Уилл стоял в дверях, на душе было тепло. В одной руке он держал легкие туфли, другой рукой он мог бы удержать всю свою жизнь, чувствовал он, она была тоже легкой, он бы не вывихнул руку и даже не оттянул бы пальцев. Он знал, что от него пахнет псиной. Но от них пахло мальчишками.

– Пока! До завтра!

Собачья стая дружно залаяла и бросилась в погоню за воображаемым кроликом.

– Завтра! – крикнул он им вслед.

И послезавтра, и еще день.

Он видел их улыбки, щедрые, как лето, светящиеся в тени деревьев.

Наконец, удерживая на собственном лице улыбку так же легко, как он удерживал в одной руке туфли, а в другой – всю жизнь, он пробрался в самом счастливом настроении в темную холодную кладовку со съестным и, пробуя то одно, то другое, не дал счастью угаснуть.

Переходный период

Поздно за полночь старик вышел из дома с фонариком в руках и спросил у мальчишек, что их так развеселило. Мальчишки, не отвечая, продолжали кататься по кучам опавшей листвы.

Старик вернулся в дом и устало опустился на стул. Часы показывали три. Он видел свои бледные трясущиеся руки. Тело его состояло из сплошных углов. Из зеркала над каминной полкой смотрело на него лицо, больше похожее на след, оставляемый дыханием на стекле.

С улицы вновь послышался смех игравших с опавшими листьями детей.

Он выключил фонарь и теперь сидел в темноте. Какое ему дело до этих мальчишек – пусть себе играют. Конечно же, три часа ночи не самое лучшее время для игр, но тут уж ничего не поделаешь. Старика стало познбливать.

Он услышал, как в дверном замке повернулся ключ, и поспешил подняться со стула, чтобы увидеть, кто же пожаловал в его дом. Дверь отворилась, и на пороге появились молодые мужчина и женщина, которые держались за руки и нежно смотрели друг на друга.

– Что вам нужно в моем доме?! – возмутился старик.

– Что вы делаете в нашем доме? – раздалось в ответ. – А ну-ка прочь отсюда!

Молодой человек схватил старика под локоть, обыскал – не стащил ли тот чего – и, вытолкав за порог, запер за ним дверь.

– Это мой дом! Вы не имеете права выгонять меня на улицу!

Устав стучать в дверь, старик отступил назад и увидел залитые теплым светом окна второго этажа. Вскоре за окном появилась чья-то тень, и свет тут же погас. Старик дошел до конца улицы и вернулся назад. Мальчишки продолжали кататься по заиндевевшим от утреннего холода листьям, не обращая на него ни малейшего внимания.

Он недвижно стоял перед домом, глядя, как в его окнах то загораются, то гаснут огни, и так несколько тысяч раз, он считал.

К дому подбежал мальчик лет четырнадцати с футбольным мячом в руках. Открыв без ключа дверь, он вошел в дом. Дверь снова закрылась.

Через полчаса, когда уже подул утренний ветерок, возле дома остановился автомобиль. Вышедшая из него полная женщина, ведя за руку маленького мальчика, которому было никак не больше трех лет,

направилась по мокрой от росы лужайке к дому. Заметив старика, она спросила:

– Это вы, господин Терл?

– Да, – ответил старик машинально, ему почему-то не хотелось испугать ее.

Конечно же, он солгал. К мистеру Терлу, жившему в другом конце улицы, он не имел никакого отношения.

Огни мигнули еще тысячу раз.

Дети все не унимались.

Семнадцатилетний юноша со следами помады на щеке проскочил мимо старика, едва не сбив его с ног.

– Простите! – успел крикнуть он, взбегая по ступеням крыльца, и скрылся в доме.

Со всех сторон старика окружал объятый сном город: темные окна, дышащие теплом комнаты, поблескивающие над голыми ветвями зимних деревьев звезды.

– Это мой дом, и я не понимаю, что здесь делают все эти люди! – крикнул старик, обращаясь к катавшимся по земле детям.

Деревья покачивали голыми ветвями.

Шел 1923 год, и в доме было темно. Из машины вышла полная женщина с трехлетним сыном, носившим имя Уильям. Уильям посмотрел на залитый сумеречным утренним светом мир и увидел свой дом, к которому его вела мама.

– Это вы, господин Терл? – спросила она у старика, стоявшего возле старого, поскрипывавшего на ветру дуба.

– Да, – ответил старик.

Дверь закрылась.

Шел 1934 год, летней ночью Уильям бежал к дому с футбольным мячом в руках, и темная мостовая бежала у него под ногами. Он скорее почувствовал, чем увидел, старика, стоящего у крыльца. Молча пробежав мимо, Уильям скрылся в доме.

В 1937 году Уильям несся по ночной улице с прытью антилопы, со следами помады на щеке и с мыслями единственно о любви. Он едва не сбил с ног стоявшего возле дома старика, выкрикнул «Простите!» и открыл входную дверь.

В 1947 году возле дома остановился автомобиль, в котором сидели Уильям и его жена. На нем был дорогой костюм из твида, он устал, от обоих слегка пахло спиртным. Они немного посидели, прислушиваясь к шуму ветра, потом вышли из машины и открыли ключом

входную дверь. Внезапно из гостиной вышел старик, который прокричал им:

– Что вам нужно в моем доме?!

– Что вы делаете в нашем доме? – возмутился Уильям. – А ну-ка прочь отсюда!

Что-то было в облике старика такое, от чего у Уильяма засосало под ложечкой, но все же он обыскал его и, вытолкав из дома, запер за ним дверь. С улицы послышалось:

– Это мой дом! Вы не имеете права выгонять меня на улицу!

Они легли спать и выключили свет.

В 1928 году Уильям и другие ребята боролись друг с другом на лужайке перед домом, дожидаясь рассвета, чтобы побежать на станцию и посмотреть, как подходит, пыхтя, состав с ярко-синими цирковыми вагонами. Они, смеясь, катались по кучам опавшей листвы, когда к ним подошел старик с фонариком в руках.

– Вам не кажется, что для игр сейчас не самое лучшее время? – сказал старик.

– Кто вы? – спросил Уильям, выглядывая из-под кучи навалившихся на него ребят.

Старик немного постоял, глядя на них сверху. Потом он выронил фонарик из рук и, опустившись на колени, дотронулся до Уилла и пробормотал:

– Мальчик мой, кажется, я все понял! Я – это ты, а ты – это я! Мой мальчик, я люблю тебя всем сердцем! Давай я расскажу тебе, что произойдет с тобой, когда ты станешь взрослым! Если б ты знал это! И у тебя, и у меня одно и то же имя – Уильям! И все эти люди, которые заходили в дом, у всех у них имя – Уильям, это тоже ты и тоже я! – Его била дрожь. – О, все долгие годы, все время прошло сейчас здесь!

– Уходи! – сказал мальчик. – Ты сошел с ума!

– Но...

– Уходи! Я позову папу!

Старик попятился назад и исчез во тьме.

Огни дома то зажигались, то гасли. Мальчишки молча боролись, катаясь по опавшей листве. Старик стоял в тени.

Шел 1947 год. Уильям Лэттинг никак не мог заснуть. Наконец он поднялся с постели, закурил сигарету и подошел к окну.

– Что с тобой? – спросила его жена.

– Мне кажется, этот старик так и стоит под нашим дубом.

– Тебе, наверное, это почудилось.

Уильям сделал глубокую затяжку и кивнул.

– Да, наверное. А что это за дети?

– Дети?!

– Тут, на лужайке. Чертовски подходящее время играть в куче листьев!

– Наверное, это Мораны.

– Не может быть. В такое-то время? Нет-нет.

Он прикрыл глаза.

– Слышишь?

– Это ты о чем?

– Ребенок где-то плачет...

– Тебе кажется...

Она прислушалась. Кто-то подбежал к дому и повернул дверную ручку. Уильям Лэттинг вышел в коридор и посмотрел вниз. В прихожей не было ни души.

В 1937 году Уильям открыл входную дверь и увидел наверху лестницы курившего сигарету мужчину в халате.

– Это ты, папа?

Молчание. Мужчина вздохнул и исчез. Уильям направился на кухню, чтобы произвести ревизию содержимого ледника.

Мальчишки продолжали возиться в мягкой жухлой листве.

Уильям Лэттинг насторожился.

– Ты слышишь?

Они прислушались.

– Кажется, это старик плачет.

– Почему?

– Почему люди плачут? Наверное, ему плохо.

– Если он не уйдет до утра, – сказала жена, – нужно будет вызвать полицию.

Уильям Лэттинг отвернулся от окна, затушил сигарету и лег в постель, молча уставившись в потолок, на котором то появлялись, то исчезали тени.

– Нет, – сказал он наконец. – Полицию вызывать я не стану.

– Почему?

– Мне бы не хотелось. – Его голос упал почти до шепота. – Я просто не могу.

Они лежали, вслушиваясь в шум ветра и доносившийся неведь откуда плач. Уильям Лэттинг знал, что где-то там, на лужайке, борются среди жухлых заиндевевших листьев мальчишки.

Как ему хотелось поваляться в листве вместе с ними! Для этого ему достаточно было спуститься вниз и выйти на лужайку...

Вместо этого он повернулся на бок и до самого утра пролежал не смыкая глаз.

Враг в пшеничном поле

Все спали, когда на поле, принадлежавшем семье, появился враг.

В сорока милях от этого поля земля дрожала от взрывов. Два небольших государства воевали друг с другом не год и не два, но сейчас война почти что кончилась, обе стороны решили: ах, оставим эти глупости и снова станем людьми.

Тем не менее поздней ночью семья проснулась от знакомого воя и свиста падающей бомбы, все сели, испуганно держась друг за друга. Они услышали, как что-то тяжелое упало на их пшеничное поле.

И тишина.

Отец привстал и выговорил:

– Господи, почему же бомба не разорвалась? Прислушайтесь! Тик-тик! Вы слышите, как она тикает? Уж лучше бы она разорвала нас на миллион кусков, чем так! Тик-тик-тик!

– Ничего я не слышу. Лучше ляг и поспи, – сказала жена. – Бомбу ты сможешь поискать и завтра, тем более что она упала где-то в сторонке. Если она и взорвется, ну, может быть, картина свалится со стены.

– Нет-нет! Тогда она нас всех поубивает!

Отец набросил на себя халат и, выйдя на пшеничное поле, стал принюхиваться.

– Говорят, раскаленный металл издает сильный запах! Нам нужно отыскать ее, пока она не остыла! О боже, какое несчастье!

– Это ты о бомбе, папа? – спросил его младший сын Тони, который держал в руках электрический фонарик.

Отец покосился на фонарь.

– Это еще зачем?

– Я не хочу, чтобы ты споткнулся о бомбу.

– Да мой нос лучше, чем десять тысяч фонариков! – И прежде чем сын успел удрать, отец отобрал фонарик. – Ты слышал, как бабахнуло о землю? Наверное вырвало с корнем тысячу деревьев!

– Ну, одно дерево как раз стоит перед тобой, – сказал Тони.

Отец гневно завращал глазами.

– Ступай домой, простудишься!

– Сегодня тепло.

– Лето еще не кончилось! – подхватили другие дети, высыпав на поле.

– А ну-ка вернитесь назад! Если кому-то из нас и суждено взорваться,

то пусть уж это буду я!

Дети вернулись в дом, но оставили дверь кухни открытой.

– Сейчас же закройте дверь! – рявкнул отец и принялся, энергично вода фонариком и принохиваясь, расхаживать по полю.

Когда он вернулся, халат его был весь простеган колосками.

– Как?! Вы до сих пор не спите? – завопил он.

– О чем ты говоришь? Ты топал по полю, словно бешеный бык, и наверняка переломал всю пшеницу!

– Бешеный бык? Переломал пшеницу?

– Смотрите, – сказал Тони, указывая за дверь. – Папа протоптал на поле штук сто тропинок!

– Когда же ты наконец вырастешь и станешь писателем? – сказал отец.

Как только небо чуть посветлело, он отправился на пшеничное поле и вновь, с горящими глазами и открытым ртом, принялся отважно ходить по нему из конца в конец, иногда настораживаясь и раздвигая мягко шелестевшие на ветру колосья трясущимися руками. Где же она? Где?

Голод заставил его вернуться к полудню домой, но, схватив бутерброд, он тут же вернулся на поле. На его покрытом испариной лице отражались одновременно страх и довольство, возбуждение и разочарование. Иногда он останавливался и бормотал, обращаясь то к небу, то к полю, а то и к собственным рукам:

– Вы слышали? Бабах! Прежде снаряды даже близко не подлетали к нашим фермам! Женщина! Принеси мне супа!

– Зайди в дом, получишь! – ответила жена.

– Господи, да у меня же времени в обрез, – продолжал бормотать он. – Где же воронка? Снаряд должен был войти в землю. Лет через тридцать на него сядет муха или заберется муравей, и тогда... Нет-нет, я не могу оставлять детям подобное наследство. Поселившийся на нашем поле враг будет таиться до тех пор, пока кого-нибудь не убьет. Вы только представьте себе! Война окончится. Герои вернутся домой. Пролетят годы. И однажды герой решит вспахать поле и... И тут взорвется эта треклятая бомба!

– Ты уверен в том, что она упала именно на наше поле? – поинтересовался Тони, почесывая в затылке и пряча улыбку.

– Разве ты не видел вспышки? Трава вон как пожелтела!

– Она уже и вчера была желтой.

– Она упала с неба подобно раскаленному болиду! Я видел...

– Окна нашей спальни выходят на другую сторону, – сказала мать, входя с тарелкой горячего супа.

– Ну и что из того? Она упала в самый центр моего пшеничного поля! Храни нас Бог!

– Мы тоже будем ее искать! – закричали дети.

Он посмотрел на свою жену.

– Поздравляю. Твои наследники сошли с ума. – Собрав детей, точно цыплят, он повел их к краю поля. – Послушайте меня, дети. Вы не будете подходить к нашему полю, даже если понадобится сорок лет, чтоб найти эту бомбу! Кто знает, когда она взорвется? Это может произойти в любой момент, понятно?

Они смотрели на залитое солнцем пшеничное поле.

– Тик-тик-тик! – сказал Тони.

Отец грозно посмотрел на него.

– А ну сбегай к соседям и расскажи им о бомбе! Живо!

Тони понесся к соседям.

– Самое лучшее, что мы можем сделать в этой ситуации, так это уехать отсюда и попросить правительственных чиновников заняться поисками бомбы, – спокойно сказала мать.

– Правительственных чиновников?! Едва они подойдут к нашему полю, как вся пшеница поляжет на корню! – Отец на минуту задумался. – Впрочем, в чем-то ты права. Бери детей и бабушку и езжай в деревню. Столоваться я буду у соседей. Я бомбы не боюсь.

– Я тоже ее не боюсь.

– Но ты же понимаешь, что кто-то из нас все равно должен будет остаться!

– Тогда останусь и я. Главное, чтобы ты к своей бомбе детей не пускал.

– К моей бомбе?

– Кажется, соседи пришли, – сказала она, прислушиваясь. – Схожу-ка я за вином...

– Я же говорил тебе, принеси побольше вина!

Он выглянул за дверь и увидел идущих по лугу и по дороге людей, спешивших на помощь.

– Почти одни мужчины, – покачала головой жена. – Один другого умнее!

Собравшийся народ, в основном мужчины, провел все утро на краю пшеничного поля, внимая своему соседу, урожай которого мог оказаться ужасным.

– Судя по всему, враг стрельнул сюда из той огромной пушки, – предположил отец.

– «Длинный Том», – добавил маленький Тони.

Рука отца замерла в воздухе, и лицо его побагровело.

– Она может стрелять на сорок миль! – продолжил он.

– «Длинный Том» называется, – повторил Тони.

– Слушай, – обратился к нему отец, – почему ты не в школе?

– Ты просил всех остаться дома, – ответил Тони. – Иначе мы не увидим этого страшного взрыва, который поубивает всех наших коров.

– Тогда принеси нам еще пару бутылочек вина! самого лучшего! – Отец вновь повернулся к гостям. – Вы помните, что после Первой мировой десять тысяч фермеров пали смертью храбрых, подорвавшись на старых минах и бомбах?

Соседи дружно закивали.

– Малейший шорох – и крышка! – прошептал отец.

– Один удар сердца? – осторожно предположил один из соседей.

– Вот именно!

Разговор был прерван приходом Тони.

– Вот ваше вино!

– Не ори ты так!

– Вот! – повторил Тони, протягивая две большие бутылки.

Отец, прищурившись, посмотрел на этикетки.

– Что ты принес?! – взревел он. – Я просил тебя принести самое лучшее вино!

– Мама сказала, что на халяву и не самое лучшее в самый раз, – охотно объяснил Тони.

Бутылки были откупорены в сердитом молчании, но после того, как тепло не самого лучшего вина стало разливаться по жилам, мужчины повеселели.

– У меня не жена, а сплошное недоразумение, – сказал отец. – Да и дети сегодня явно не выпалились.

Соседи дружно обернулись и посмотрели на дом. Супруга хозяина как ни в чем не бывало помешивала суп, напевая при этом какую-то легкомысленную песенку.

– Закрой дверь! – заорал отец и, вновь обратившись к друзьям, перешел на шепот: – Это не просто бомба, а...

– Хватит тебе, – перебил его Питер, живший неподалеку. – Сейчас мы обыщем все поле.

– Я не пущу вас туда! – воскликнул отец.

– Не бросать же ее там! – резонно заметил Питер.

– Бомба может взорваться в любую минуту, – гордо заявил отец. – Я не хочу, чтобы моих дражайших соседей разнесло в клочья! К тому же я уже

разработал собственную стратегию. В конце концов я одолею это адское устройство. Но действовать нужно не спеша.

– А вон и Джозеф со своим металлоискателем, – сказал Питер.

Отец в ужасе отшатнулся.

– Нет-нет! Унеси его обратно!

Джозеф поднял металлоискатель.

– Я разом пройду по полю и...

– Бабах! – воскликнул кто-то.

– При желании ты можешь воспользоваться им и сам, – предложил Джозеф.

– Ты его не торопи, – вмешался в разговор Питер. – Он должен это дело обдумать.

– Главное – осторожность, – сказал другой сосед.

– А когда же нам подадут лучшее вино? – спросил третий.

Вино искрилось на солнце. Прохладный ветерок волновал ниву. Они стояли плотным кругом, плечо к плечу, локоть к локтю, на губах улыбка, глаза сияют, голоса слегка заплетаются. И, стоя среди них, отец представлял, что так же чудесно будет отныне начинаться каждый новый день его жизни, так же будет вышагивать он по полю, созерцая изумительный, таинственный урожай, смакуя прохладный утренний воздух в ожидании прибытия новообретенных друзей, с которыми он обсудит стратегию и мельчайшие детали своего предприятия. И каждый день будут приходить все новые и новые люди и говорить: «Я слышал, ваша ферма вот-вот превратится в кладбище!» или «А вы застрахованы? Когда вы намерены бежать отсюда? Правда ли, что эта бомба размером с силосную яму?» А он ответит: «Больше! О друзья, мы дрожим от страха, ложась в постель, мы трепещем в ожидании, когда же она рванет к дьяволу и отправит нас в Царствие Небесное!» – «Какой ужас!» – скажут они, и он согласится с ними. Он улыбнется, и они обойдут поле, делая зарисовки местности, и он пошлет в город за хлебом и сыром, поскольку все больше проезжих будет останавливаться и привязывать своих лошадей у дороги, чтобы поглядеть на его ферму...

Из мира грез его вырвал детский крик. Посреди поля стоял малыш Тони.

– Папа!

– Тони! – вскричал отец.

Тони принялся кувыркаться и прыгать с места на место.

– Бабах! – выкрикивал он время от времени. – Бабах! Бабах!

– Уйди оттуда, адское отродье! Сейчас тебя разорвет на куски!

Слова отца, похоже, только подзадорили Тони, который начал скакать с утроенной силой.

Фермеры недоуменно переглянулись.

– Погоди, – сказали они. – Может быть, там и бомбы никакой нет? Вон как твой сынишка скачет!

– Бог обделил его разумом, – ответил им отец и, вновь повернувшись к полю, проревел: – Уйди оттуда, идиотина!

Тони, смеясь, подбежал к отцу.

– Зачем ты там скакал? – спросил его отец.

– Хотел взорваться, папа.

На четвертый вечер после падения бомбы мать подошла к окну и долго смотрела на волнующуюся осеннюю ниву.

– Ты собираешься оставить пшеницу на поле? – спросила она.

– А кто будет платить за гробы и свечи для погибших жнецов?

– Еще день-другой – и убирать ее будет поздно. Теперь ты только и делаешь, что болтаешь и пьешь.

Она вышла из дома и направилась напрямиком к пшеничному полю.

– Вернись! – прокричал он.

Жена вернулась с поля примерно через час. Смерив его презрительным взглядом, она уверенно заявила:

– Завтра начинаем уборку урожая.

– А вдруг во время уборки...

– Да нет там никакой бомбы! Я обошла все закоулки нашего поля, и, как видишь, ничего страшного со мною не случилось! Убирать хлеб начнем прямо завтра – тянуть больше некуда!

В эту ночь отец спал плохо. Несколько раз он просыпался и мрачно поглядывал на спящую супругу. Выйдя в соседнюю комнату, он так же мрачно посмотрел на спящего Тони и пробормотал:

– Надо же быть таким дурачком, чтобы скакать по полю, на котором лежит страшная бомба!

Отец вернулся в спальню и лег, прислушиваясь к шелесту пшеницы и глядя в усеянное звездами небо. Сна не было ни в одном глазу. Там, за окном, шумела нива и беззвучно кружили звезды... И это называется жизнь? Если он прибежит в деревню и скажет, что жена родила ему дочь, кто-то тут же ответит: «Ну и что? А мне жена родила сына» или, того пуще, «А у жены Роберто родилась двойня!» «Моя жена заболела», – скажет он, и кто-то парирует: «А моя умерла». Ну никогда не отличиться! Хоть бы раз

для приличия сгнила, что ли, пшеница или развалился сарай! Вон у одного соседа весь силос сгорел, у другого – деда когда-то убило молнией, и разговоров об этом хватает на много лет. А у него что? И сказать толком нечего. Не скажешь же им, в самом деле: «Помните то лето, когда у меня ничего не сгорело?»

И пшеница у него была такая же, как и у всех остальных, не хуже и не лучше. Средняя такая пшеница.

Вроде бы все только наладилось – и тут на тебе, жена взялась за косу.

Ровно в шесть утра раздался взрыв.

Жена свесила ноги с кровати и сказала:

– Не больно-то и громкий.

– Ты ничего не понимаешь! Наш дом едва не смело ударной волной! – воскликнул он.

В небе все еще виднелся дым. К дому уже сбегались люди.

– Взорвалось где-то там!

– Да нет же! Взрыв произошел с той стороны!

– Кому ты будешь говорить!

Они исходили пшеничное поле вдоль и поперек.

– Выходит, это произошло не на поле, – изрек Питер.

– Что ты понимаешь! Сказано тебе на поле, значит, на поле!

Из дома высыпали дети в ночных рубашках.

– Питер правильно сказал! – закричал Тони, указывая куда-то за забор. – Вон где взорвалось!

И действительно, в пятидесяти ярдах от пшеничного поля возле маленького ручейка появилась небольшая воронка, из которой поднимался сизый дымок.

– Маленькая она какая-то, – заметил Тони.

– Нет, большая, – отрезал отец.

– Не больше моей головы!

Соседи бросились к воронке, отец же продолжал стоять на прежнем месте.

– Она была с хорошую бочку, – пробормотал он еле слышно и тут же куда более уверенным голосом добавил: – В любом случае, это была не моя бомба!

– Как так? – изумились соседи.

– А вот так, – внушительно ответил отец. – Моя бомба упала в поле. Будто паровоз с неба свалился. Даже огонь был виден, и железные колеса, и пар шел – вот какая была бомба огромная!

– Но тогда, выходит, бомб было две!
– Одна, две – какая, к черту, разница? – взорвался отец. – Они упали на землю одновременно! Но моя бомба была гигантской! А это так – хлопушка, которая к тому же упала совсем не на моем участке!
– Пятьдесят футов не в счет! – сказал Тони.
– Какая разница – пятьдесят футов или миллион миль?
– Но разве возможны подобные совпадения? Нигде никогда ни одной бомбы, а тут – сразу две!
– И все-таки это так, враг все еще прячется в моей пшенице!
– Папа! – шепнул Тони, показывая куда-то рукой. – Смотри!
Все дружно повернулись в одну и ту же сторону.
По золотому пшеничному полю с косою в руках неспешно шла мама. Она вежливо поздоровалась с соседями, подошла к отцу и сунула косу ему в руки.

И еще много лет спустя, сидя за стаканчиком вина в баре деревенской гостиницы, отец, бывало, завидев в толпе посетителей незнакомое лицо, брал в руки стакан и, подойдя к приезжему, повздыхав, заговаривал наконец:

– Вы слышали когда-нибудь об огромной бомбе, которая упала на мое пшеничное поле и тикает там и по сей день?

После этого он вновь тяжело вздыхал и добавлял:

– Вы спросите – откуда у меня эти седины и эти морщины? А все оттого, что все эти годы мы живем словно на пороховой бочке... Ведь бомба эта может взорваться в любое мгновение!

– Но тогда, – говорил, бывало, собеседник, – почему бы вам не переехать в более безопасное место?

– Разве я похож на труса? – кричал он в ответ. – Нет, клянусь Богом, мы не уедем отсюда никогда! Слышите? Никогда! Мы будем пахать и сеять, как и прежде. Однажды утром вы раскроете газету и увидите в ней маленькую заметку, в которой будет говориться о последних жертвах давно закончившейся войны. Да, спасибо, я, пожалуй, не откажусь выпить еще стаканчик.

Кстати говоря, отец и по сей день недолюбливает Тони с его тонким лицом и маленькими белыми руками. Много раз в последующие годы приходили от него письма то из Лондона, то из Парижа или Будапешта, и сквозь строчки, написанные изящным почерком, проглядывала его улыбка Мадонны. И всегда, как прощальное приветствие, в конце писем стояло одно слово: «Бабах!»

Поберегись!

Как только солнце стало садиться, из-под деревьев вышли тени, которые с каждой минутой становились все длиннее и длиннее. Игроки в гольф уложили свои клюшки в сумки, собрали мячи, сняли темные очки и направились к автостоянке. Когда солнце совсем скрылось за горизонтом, вместе с ним скрылись и машины. Стоянка опустела, на площадке для гольфа никого не осталось. Вернее, почти никого.

Гленн Форей сидел за компьютером в своей конторке, находившейся неподалеку от стартовой позиции, когда он услышал звуки ударов по мячу. Удар, второй, третий.

Хорошие такие удары. Не совсем обычно для этого времени.

Гленн Форей выглянул в окно.

Возле крайней слева стартовой метки он разглядел знакомую фигуру в шапочке, надвинутой по самые брови, со старомодной металлической клюшкой в руках. В последние годы этот человек заглядывал на площадку не слишком часто, но сейчас как будто вознамерился наверстать упущенное. Вот он положил на траву три мяча, выпрямился, взял клюшку поудобнее и произвел еще три сильных удара.

Гленн Форей посмотрел в сторону стоянки и увидел, что на ней осталось всего две машины: одна из них принадлежала ему, вторая – одинокому игроку в гольф. Он поднялся из-за стола и встал у открытой двери, наблюдая.

Процедура повторилась. Три новых мяча. Три удара. Мужчина собирался все повторить еще раз, когда Гленн Форей приблизился к меткам и встал рядом. Ничем не выдав, что присутствие наблюдателя замечено, тремя сильными ударами мужчина послал и эти мячи далеко вдоль зеленой трассы.

Проводив мячи взглядом, Форей повернулся к игроку и сказал:

– Добрый вечер, господин Гингрич. Удары один другого лучше.

– Вы полагаете? – отозвался Гингрич, которого, похоже, вообще не интересовало, куда падают его мячи. – Да, конечно. Вечер добрый. Пора кончать?

Гингрич положил на землю еще три мяча.

Форей помедлил с ответом. Было в выражении лица мужчины и в том, как он двигал руками, как сжимал клюшку, что-то такое, что удержало Форей от утвердительной реплики.

– Пора кончать? Пока еще нет.

Гингрич не отводил от мячей глаз.

– Рад слышать. Стало быть, у меня еще есть время?

– Да сколько угодно, – ответил Форей. – Можете особенно не спешить.

Мне нужно закончить расчеты. Я пробуду здесь не меньше получаса.

– Отличная новость. – Гингрич вновь взял клюшку наизготовку. Первый, второй, третий. Три удара подряд. – Я знаю, что это не входит в круг ваших обязанностей, но все же... Не могли бы вы принести мне еще две-три корзинки?

– Нет проблем, – отозвался Форей и принес три наполненных мячами контейнера. – Возьмите.

– Благодарю вас, – сказал Гингрич, не поднимая на него глаз. Он готовил метки для очередных мячей, щеки его покраснелись. – Вы очень любезны.

Форей проводил взглядом еще три белых мяча и вернулся в свой кабинет.

Гингрич как одержимый совершал удар за ударом, словно пытался выместить на мячах смертельную обиду. Неприятности на работе? Соперничество? Обман? Форей фыркнул: вот уже и собственные мысли о неприятностях приходят серией по три, как три удара по мячам!

Повторяющиеся раз за разом удары не давали ему сосредоточиться на расчетах. За окном уже горели фонари, заливавшие светом пустую площадку. Был поздний воскресный вечер, единственный вечер, когда площадка для гольфа закрывается рано, а человек со злыми глазами и пылающим лицом все бил по мячам, готовя метку для следующего, пока предыдущий еще не упал.

Форей принес на поле еще два контейнера. Гингрич, воспринявший этот поступок как проявление дружелюбия, кивнул головой в знак благодарности, продолжая махать клюшкой как робот. Раз, два, три; раз, два, три; раз, два, три. Некоторое время Форей стоял молча. Наконец он спросил:

– Все ли у вас в порядке, господин Гингрич?

Гингрич послал в воздух еще три мяча и только после этого поднял на него глаза, в которых стояли слезы.

– Что у меня может быть не в порядке?

Глядя на его покрытое пятнами румянца лицо и горящие глаза, Форей не сразу нашелся что сказать. Проглотив подступивший к горлу ком, он пробормотал:

– Ну, если все в порядке, тогда, конечно...

Гингрич резко кивнул и вновь опустил голову. На траву упало несколько слезинок.

– Знаете что, – сказал Форей. – Работы у меня еще минут на сорок, даже, пожалуй, на час. Вы можете продолжать, пока я не кончу.

– Отлично! – отозвался Гингрич, не поднимая головы.

Раз, два, три.

В воздух полетели не только мячи, но и комья земли вместе с травой. У Форей возникло ощущение, будто он получил под дых, – такой силы были удары. И будто в кино быстрее закрутилась пленка – теперь новый мяч взлетал раньше, чем предыдущий успевал подняться до высшей точки. Воздух, казалось, наполнился белыми птицами, порхающими на фоне ночных деревьев.

Форей вернулся в свою конторку, но в дверях вновь оглянулся, озадаченный развитием событий на площадке.

– В конце концов, какое мне до этого дело? – проворчал он, но все же, сев за компьютер, начал просматривать списки завсегдатаев площадки: Гален, Галледжер, Гарнс... А вот и он. Раз, два, три, в полутьме.

«Гингрич, Уильям. 2344 Патриция-авеню, Лос-Анджелес, 90064. Женат (Элеонора). Занятия с инструктором. Повторный курс. Постоянный игрок».

Всю эту информацию забивал в компьютер он сам.

Форей выглянул в окно. Может, принести ему новые корзины? Он вынес на поле еще несколько контейнеров с мячами. На сей раз Гингрич даже не посмотрел в его сторону.

Преодолевая не вполне понятное ему самому сопротивление, как будто он двигался под водой, Форей направился к своему открытому спортивному автомобилю и отъехал, провожаемый звуками ударов и зрелищем белых объектов, проносящихся по небу, на котором уже медленно поднималась луна.

И что же я ей скажу? Госпожа Гингрич, заберите своего мужа с площадки для гольфа?

Он припарковал машину возле большого, выстроенного в георгианском стиле дома 2344 на Патриция-авеню. В некоторых окнах горел свет. Оттуда слышались музыка и чей-то смех.

А ну его к черту, подумал он, и что это я, идиот!

Он вновь завел двигатель и начал уже отъезжать, но тут в его голове опять зазвучали удары. Раз, два, три. Раз, два, три. Раз, два, три. Форей припарковался снова. Некоторое время он сидел в машине, прикусив нижнюю губу, потом выругался и, заставив себя покинуть машину,

направился к парадному входу. Перед дверью он постоял еще минуту-другую, прислушиваясь к доносившимся из дома голосам и звукам музыки, потом нажал на кнопку звонка почти с такой же силой, с какой тот одинокий игрок лупил по мячам. Молчание. Он позвонил еще. Никакого ответа. Он нажал три раза подряд. Прозвучали три звонка, один громче другого.

Он долго стоял у двери и ждал.

Дверь наконец отворилась. Он увидел перед собой женщину с покрытым испариной лицом и растрепанными волосами.

– Я вас слушаю.

– Госпожа Гингрич? – спросил Форей.

– Да-да. Кто вы и что вам нужно?

Она оглянулась. В дальнем конце коридора Форей увидел чью-то неясную тень, которая, судя по всему, принадлежала мужчине.

– Так что вам угодно?

Раз, два, три. Удар, удар, удар. Раз, два, три. Форей облизнул внезапно пересохшие губы, прикрыл глаза, вновь открыл их и тихо сказал:

– Я – Гингрич.

– Как вы сказали? – испуганно пробормотала женщина.

– Гингрич. Уильям Гингрич, – произнес он уже громче.

– Вы вовсе не мой муж!

– Вы ошибаетесь.

Он размахнулся и ударил ее кулаком в лицо. Прижимая ладони к разбитым губам, она упала навзничь, а он крикнул: «Выходите! Получите то же самое!»

Тень в конце коридора не пошевелилась. Форей повернулся и, двигаясь как под водой, дошел до своей машины и уехал.

На площадке для гольфа Гингрич все еще запускал в небо белые объекты, механически орудуя клюшкой. Замах – удар, замах – удар, замах – удар.

На сей раз Форей вышел на поле с сумкой для клюшек.

Гингрич прервал свое занятие и взглянул на его сумку:

– Что это вы на ночь глядя?

– Не хотите ли партию напоследок? – предложил Форей.

Гингрич повернулся налево и посмотрел на огороженную проволочной сеткой площадку.

– А не слишком ли поздно?

– Никогда не бывает слишком. Клюшки я понесу сам.

– Чтоб мне провалиться! – сказал Гингрич.

- Все будет в порядке, – заверил его Форей.
- Мы ничего не увидим, – заметил Гингрич.
- Увидим! – ответил Форей, указывая кивком головы на небо.

Из-за горизонта уже вышел полный диск луны, осветившей открытые просторы, холмы и маленькое озерцо. В верхушках дубов шумел ветер.

- Чтоб мне провалиться! – прошептал Гингрич.

Они подошли к первой метке.

– Начинать вам, – сказал Форей, выставив для него мяч и метку. Застыв неподвижно, Гингрич наблюдал за ним.

Когда Форей отошел, Гингрич изготовился, поднял клюшку и нанес удар со стремительностью летней молнии.

Мяч взмыл в небо белой птицей и упал далеко-далеко впереди.

- Ах ты, сукин сын! – воскликнул Гингрич. – Сукин сын!
- Поберегись! – крикнул Форей, хотя впереди не было никого, кому следовало побережиться. А может, и было кому – неясной тени. – Поберегись!

Мой сын Макс

Я умею читать по губам. Этому «языку» я научился в детстве от двоюродных братьев, у которых были серьезные проблемы со слухом. Вот это здорово, думал я, когда мне было девять, если вы окажетесь поблизости от таких ребят, как мы, считайте, что все ваши секреты пропали. Через всю комнату, через весь коридор я настроюсь на вас, а вы об этом сроду не догадаетесь! Свое умение я держал в тайне и никогда никому не рассказывал, что любой слог, сорвавшийся с губ в сорока, а то и восьмидесяти ярдах от меня, становился моим достоянием. Ни одно слово, произнесенное тихо, не было достаточно тихим, чтобы я не мог разобрать его и посмеяться.

Вооруженный такой способностью, я частенько ходил в ресторан один, но всегда чувствовал себя, как будто обедаю в кругу семьи. Любой посетитель, на рот которого падал мой взгляд, становился моим братом или сестрой, отцом, матерью или пожилой незамужней тетушкой. Если же мне надоедало их «слушать», я мог просто перевести взгляд на вино или на бифштекс, разглядывать столовые приборы или любоваться люстрой.

Впрочем, в тот вечер, о котором пойдет речь, мне было, прямо скажем, не до люстры.

Я только успел сделать заказ, когда та семейка уселась за столик прямо напротив меня, так что, если бы я даже не успел прочитать какую-нибудь сладкую или ядовитую реплику по их губам, я все равно бы ее просто услышал. Красивые родители лет по сорок с чем-то и их двадцатилетний сын совершенно уж неземной красоты. Он был настолько прекрасен, что было ясно: всякий раз, когда он спускается на грешную землю, появляется женщина, страстно желающая заполучить его, но очень скоро разочаровывающаяся, или же мужчина, еще сильнее рвущийся завладеть им.

Грустно было наблюдать за мужчиной, его женой и этим эфирным созданием, их сыном. Они изучали меню так, как будто вся жизнь их была расписана на этих страничках, женщина – спокойно, а мужчина – с видом человека, получившего от судьбы сокрушительный удар. Во взглядах, которые он бросал на сына, не было упрека, только горечь. Сын был, по-видимому, единственный, женитьбы не будет, не будет детей, не будет внуков. В этот вечер за этим столом было покончено со всеми надеждами на этого ребенка, обожаемого, но совершенно не приспособленного к

жизни. Отец был явно не из тех, кто мог бы ополчиться на судьбу и, прокляв, выгнать сына. Пучина его отчаяния была беспредельна. А он так мечтал о продолжении рода.

Они заказали вино, наполнили бокалы, и, пока они пили, не нарушая молчания, в моей памяти что-то щелкнуло. Боже правый, подумал я, да я же видел их здесь с год назад! Начинается вторая часть той истории, и я смогу узнать, что с тех пор произошло! Действительно, это было все то же несчастное семейство, хотя на сей раз оно не производило того тягостного впечатления.

Я сосредоточился и уже вскоре, прислушиваясь к их речам и наблюдая за движениями их губ, смог восстановить всю картину.

Год назад обед закончился катастрофой. С багровым лицом, в самом дурном расположении духа глава семейства, не доев, выскочил из-за стола, мать бросилась за ним вдогонку, умоляя вернуться, а сын не торопясь допил вино в полном одиночестве, заплатил по счету и незаметно удалился.

Мне показалось, что по сравнению с прошлым январем все Робинсоны (так называл главу семейства метрдотель) несколько помолодели. Год назад я наблюдал, как сменяли друг друга потрясение, ужас, неверие и, наконец, злость, переходящая в бешенство. По крайней мере, так было с отцом. Его лицо багровело все сильнее, в то время как жена его все больше бледнела, а лицо их сына, позаимствовав, видимо, красок у каждого из родителей, пошло от смущения пятнами.

Слишком поздно, только увидев, как подавлены родители его правдивым повествованием, сын понял тогда, что исповедь не всегда приносит пользу душе.

А сейчас я сидел в ожидании и подсчитывал количество бокалов вина, выпитых отцом для укрепления воли и раскрепощения речи. К тому моменту, когда он, подавшись вперед, заговорил, он уже почти сиял и выговаривал слова так тщательно, что мне очень легко было читать их по губам.

– Послушайте, что я вам скажу, – начал он. – Поверьте, мне есть что сказать. – Он добавил вина в их бокалы. – Вы помните, как мы обедали в этом же ресторане, это было на прошлый Новый год, а сейчас скоро Рождество, да? Ну так вот... В тот раз ты, Рональд, поведал нам с матерью правду о своей жизни. Сказать, что ты убил нас своим рассказом, – значит не сказать ничего! Конечно, мы и сами кое-что подозревали, но тут уж пытаешься оставаться в неведении. Надеешься все еще, что в нашей семье подобные вещи попросту невозможны! Однако когда мы познакомились с некоторыми из твоих друзей, мы были просто раздавлены, будто на нас

вдруг свалился тяжеленный сейф! Я нисколько не преувеличиваю. Мне понадобился месяц, чтобы прийти в себя, месяц ночей без сна и горьких размышлений. И тут в один прекрасный день, в конце марта, на меня упал еще один сейф. Но это был изумительный, невероятный удар. Вдохновляющий! Я ведь был как крыса в лабиринте, из которого нет выхода. Ведь ты наш единственный сын! Бесплезно было убеждать тебя жениться, завести детей. Не знаю, часто ли подобное случается в законных браках. Уверен, что случается, только мы никогда не знаем об этом или узнаем после развода. Во всяком случае, после нескольких неудачных попыток я понял, что торговаться с тобой насчет будущего бесполезно, ты просто не слушал.

Молодой человек поставил на стол пустой бокал.

– О господи, папа, переходи наконец к делу!

– А что, я говорю очень длинно? – удивился отец.

– Да, мой дорогой, немножко, – сказала его супруга. – К чему ты клонишь?

Отец опустил голову в некотором смущении, потом поднял ее и вновь наполнил вином бокалы.

– Сейчас ты все поймешь! Ты знакома с моей секретаршей мисс Гилхэм?

– Хорошенькая такая, с длинными ногами? – уточнила госпожа Робинсон.

– Заметила, значит.

Отец снова наклонил голову, краска залила его лицо.

– Кажется, я понял, куда ты клонишь! – сказал молодой человек.

– Ничегошеньки ты не понял!

– А вот я поняла! – вставила жена.

– И ты ничего понять не могла! Все не так просто, как вы думаете. Я предоставил ей годичный отпуск с сохранением содержания.

– Это еще зачем? – озадаченно спросила жена.

– По уходу за ребенком. Моим.

– Продолжай-ка! – воскликнула жена.

Но он был уже на ногах.

– Сейчас вернусь, – сказал он и двинулся в направлении туалета, оставив жену и сына в таком состоянии, как будто очередной огромный черный сейф должен был свалиться на этот раз на них.

– Господи! – воскликнул молодой человек. – Похоже, он спятил!

– Если бы так... – сказала мать.

Они молча сидели в ожидании, пока отец не вернулся, сел за стол,

выпил еще вина и сказал, не глядя на них:

– Ну?

– Что «ну»? – спросил сын. – Это же надо! Бросил бомбу и тут же скрылся в туалете! Ты что, решил нас разыграть? Рассказать такое нам по отдельности – и то было бы скверно. Но сразу мне и маме!

– Я просто не мог иначе – признался отец. – Смотреть вам в глаза один на один – это было бы для меня пыткой. А сейчас, прежде чем вы скажете что-нибудь еще...

– Пока что мы не сказали тебе ни слова, – горько усмехнулась жена.

– Я не собираюсь уходить из дома или брать развод. Я люблю тебя так же, как и прежде, и буду видеться со своей секретаршей не чаще раза в неделю и то лишь для того, чтобы передать ей чек...

– Я тебе не верю, – отрезала жена.

– Я больше и пальцем не коснусь этой женщины. Ребенок должен родиться вскоре после Рождества, прекрасное время. И всего прекраснее – это мальчик!

Улыбаясь, он откинулся на спинку стула, ожидая их реакции.

Жена только вздохнула и помрачнела, но не сказала ничего. Сын отодвинул стул от стола и швырнул салфетку в тарелку.

– Ты что, решил таким образом меня уязвить?

– Это только ответная мера. Я не могу жить без будущего. Я был чертовски несчастен. И потому я должен был как-то отреагировать на твое поведение! И тут меня осенило: нужно начать новую жизнь, найти подходящую женщину, пусть родит мне мальчика, я дам ему свое имя, и лет через двадцать – бессмертие! Новая семья, дети. О небо, с этим миром снова все будет в порядке!

– Неужели эта дура могла согласиться с твоей безумной идеей? – воскликнул сын.

– Она не дура, и она согласилась. Симпатяшка. Она сразу же осознала всю глубину моей депрессии, почувствовала, что, имея живого сына, я превратился в обитателя кладбища! И она знала, как нужно крикнуть: «Лазарь, иди вон!»^[57] И я покинул кладбище. Через двадцать лет мне будет под семьдесят, это совсем неплохо, в семьдесят быть счастливым! Разумеется, мальчик будет носить мою фамилию. Не бойся, встречаться с ним тебе не придется. Осталось прояснить всего несколько моментов. Сможем ли мы жить после этого так же, как жили прежде? Не разлюбит ли меня жена? Станет ли общаться со мною мой старший сын? Я очень надеюсь, что ваши ответы будут продиктованы пониманием и любовью. А вот и наш десерт.

И пока отец брал у официанта тарелочку с земляничным тортом, сын обратился к нему:

– И как же ты хочешь назвать этого... этого... – Он запнулся и покраснел.

– Ублюдка?

– Нет!

– Ты хотел сказать «этого ублюдка». Говори, не стесняйся.

– Ублюдка!

– Полегчало? Не стану скрывать, я уже нашел для него подходящее имя. Я назову его Максимилианом!

– Максимилианом?

– Или просто Максом. Мой сын Макс. Звучит, на мой взгляд, совсем неплохо. В этом имени есть что-то царственное. Макс. Мой сын Макс.

– И что же – после того как я выеду из своей комнаты, в ней поселится он?

– Ты собираешься выезжать из своей комнаты? В этом нет особой нужды. Чего я не хочу, так это лишний раз обременять твою мать. К тому же моя секретарша всегда мечтала о радостях материнства и согласна просидеть с Максом хоть двадцать лет. Конечно, я буду приходить к нему шесть-семь раз в неделю и гулять с ним, ведь у ребенка должен быть отец.

Официант поставил на стол три чашечки кофе.

– Мама, – сказал Рональд после долгого молчания, – неужели ты так ничего и не скажешь?

Мать хмуро выдавила:

– Будь оно проклято...

На сей раз первым из ресторана выскочил уже не отец, а сын. Он несся, как корабль на всех парусах, разрезая носом воздух. Мать бросилась вдогонку.

Отец не спеша допил вино, оплатил счет и направился к выходу. Проходя мимо меня, он остановился спиной ко мне и негромко спросил:

– Вы что, умеете читать по губам?

Сначала я не понял, что он обращается ко мне, но он повторил вопрос и обернулся. Я встретил уверенный взгляд его серых глаз.

– Наверное, выросли в семье глухонемых?

– В некотором роде, – ответил я.

– Все понятно. А вы, случаем, не писатель?

– Как вы угадали?

– Ну, не просто же так вы не сводили с нас глаз. Неплохой сюжет для рассказа, а?

– Я не очень следил, – солгал я.

Отец усмехнулся и покачал головой.

– Так я вам и поверил! Впрочем, это не так уж и важно. Здесь нет ни капли правды.

Я чуть не выронил десертную ложечку.

– Как так?!

– Видите ли, мне нужно было придумать что-нибудь эдакое. Я собирался с мыслями, наверное, год. И сегодня, абсолютно внезапно, как выстрелил! Ну как, напишете об этом рассказ?

– Нет... А может быть, и да... Пока не знаю. Жаль, конечно...

– Что же вы замолчали? Договаривайте, раз уж начали.

– Жаль, что все это неправда...

Он вытянул из нагрудного кармана сигару, поискал зажигалку, закурил и, выпустив колечки дыма, долго наблюдал, как они, меняя форму, превращаются постепенно в ничто. Глаза его увлажнились.

– И не говори, сынок, – сказал он и двинулся к выходу. – Еще как жаль...

Я подозвал официанта и заказал еще одну бутылку вина. Откупорив бутылку, тот участливо спросил:

– Вы полагаете, вам удастся ее выпить?

– По крайней мере, я постараюсь, – ответил я.

Аккумулятор Скотта Фицджеральда/ Толстого/Ахава

– Объясни, зачем ты хочешь перебрать и перестроить свою Машину Времени? – спросил мой приятель Билли Барлоу.

– Одно дело вернуться в прошлое и показать умирающему Мелвиллу, По или Уайльду последние издания их книг, и совсем другое... – Я на мгновение задумался. – И совсем другое – сделать несчастных людей счастливыми. Ты только подумай обо всех этих пропавших писателях, которые творили великолепные вещи и прозябали в убожестве!

– Все писатели пропащие, – ответил Билли. – И все прозябали.

– Я изменю его! – воскликнул я.

– Вздор, – усмехнулся Билли. – Как ты собираешься это сделать? Сотворишь чудо подобно Господу Богу? Или прикажешь джинну из лампы выполнить три твоих желания? Или...

– Заткнись. Ты видел мою машину, которая стоит в библиотеке?

– Эту гигантскую бабочку? Может быть, она и крыльями размахивать умеет?

– Сначала она жужжит, потом исчезает.

– И чем громче жужжит, тем дальше летит в прошлое?

– Именно так. А это мой список потерянных душ.

Билли нахмурился.

– Хемингуэй? Мелвилл? Несчастнее некуда. Толстой? А этот-то как сюда попал? Фрэнсис Скотт Фицджеральд и Зельда? Пить меньше надо!

– Отдай! – Я выхватил список у него из рук, сел в свою машину и, отжав рычаг, прошептал: – Я уже не здесь.

Машина зажужжала.

И здесь меня не стало.

Похожая на гигантскую целлофановую бабочку машина села возле дома Папы в Айдахо. Бог ты мой, подумал я, и что же я теперь ему скажу?

Я выбрался из-под ее дрожащих крыл и поднялся по ступеням дома. Прежде чем я успел постучать в дверь, она распахнулась, и на пороге показался Хемингуэй, который, судя по всему, не спал всю ночь. Он как будто ждал меня.

Вернувшись в холл, он уселся за стол и указал мне кивком головы на

соседнее кресло. Приблизившись, я разглядел то, что лежало, отливая стальным блеском, на столе. Это было охотничье ружье, которым Папа когда-то будил эхо на склонах Килиманджаро и однажды подстрелил белого, как кенийская пыль, слона. Рядом с ружьем лежал обычный двуствольный дробовик.

На столе стояли два стакана с неразбавленной граппой. Я взял один из них, Папа опрокинул свой, не запивая.

– Ну? – спросил Папа.

– Не делайте этого, – сказал я, отвернувшись от стола.

– Чего «этого»?

– Того, что вы собрались сделать.

– Я не собирался делать ничего определенного, – покачал головой Папа.

– Вы об этом думали.

– Вы что, умеете читать мысли?

– Нет. Просто я читал ваши рассказы. Доктор, изображенный в одном из них, был вашим отцом, не так ли? Все мы знаем, как закончилась его жизнь.

– Все знают.

– Говорят, вы храните у себя его ружье.

– Да, где-то лежит.

– Если вы сделаете эту глупость, не будем смягчать выражений, каких только идиотских причин не придумают люди!

– Не бывает идиотских причин, чтобы уйти, если уходить пора.

– Нет, это не то, что вы думаете. Это то, что они напишут. Сначала они изгадят вашу могилу, потом изменят название вашей вещи на «Не восходит солнце».

– Они не смогут этого сделать. То, что я сделал, останется. Не хочется хвастать, но...

– Вам есть чем. Вы же Папа.

Папа едва заметно улыбнулся и закурил сигарету.

– И давно ли вы меня читаете?

– С восьмого класса. Я прятал вашу книгу под учебником алгебры.

– Подходящее место, ничего не скажешь! И чем же стала для вас моя книга «И восходит солнце»?

– Открытой дверью, нет, широкими воротами, ведущими в удивительный мир, полный дворцов, красавиц и тореадоров, все с изумительными спинами, и как выжить в нем, уже перестав быть мужчиной...

– Многовато для ребенка.

– Я проглатывал ваши книги одну за другой! Но не отклоняйтесь от темы разговора. Если вы уйдете...

– Я еще не ушел.

– Если вы уйдете, они съедят вас с потрохами!

– Ну, сначала нужно суметь до них добраться.

– Они выпотрошат ваш мозг и будут пожирать его снова и снова.

– Но мужество хотя бы останется при мне?

– Погибнет в первую очередь, вы даже не сможете бороться: они представят вас безвольным трусом...

– Они что, гиены?

– А также дикие собаки, грифы и акулы!

– Весь Гарвард?

– И университет штата Огайо в придачу!

– Неплохая компания, ничего не скажешь! – Папа испытующе посмотрел мне в лицо. – А вы-то что здесь делаете? Вы такой же псих?

– Я – поклонник.

– А почему вы покраснели?

– Я сказал чистую правду.

– Мой верный поклонник, значит.

– Нет, поклонник хороших книг. Не обязательно шедевров, просто хороших.

– Да, это я умел...

– Вы и сейчас в прекрасной форме!

– С никуда не годной селезенкой, с двумя сломанными ребрами, с раздробленной берцовой костью и с проломленным черепом?

– Они вам несколько не помешают. Вашими ребрами, ногой и головой должны заниматься врачи, а не критики. Как только они подлатают ваше тело, перестанут шалить и ваши нервы. Боль уйдет, и...

– Я снова смогу писать?

– Ну конечно!

– Не знаю, хватит ли у меня терпения... – сказал он. – Я встаю ни свет ни заря и заставляю себя работать до тех пор, пока не замечаю, что у меня ничего не выходит... И тогда я, конечно же, откупориваю новую бутылку... Да и кому все это нужно?

– Вам! Нет, к черту, мне!

– Только о себе и думаете.

– Это вы точно сказали.

Он вновь внимательно заглянул мне в лицо.

- Вам бы философские трактаты писать.
- Что вы! Речь идет о самой банальной гигиене.

Папа посмотрел на дверь.

- Ну ладно, катитесь отсюда.
- Только если вы отдадите мне свои ружья.
- Вы что, спятили?

– Нет, это вы спятили. Постоянная боль свела вас с ума, а с талантом вашим все в порядке! Небольшой перерыв в творчестве, невозможно думать, когда все болит. Вы когда-нибудь пытались писать в состоянии тяжелого похмелья? То-то и оно, что сделать это невозможно! Критики, которые ругают ваши последние вещи, и думать забыли о той авиакатастрофе в Африке, которая привела ко всему этому. Но, может, уже через неделю вы проснетесь, а в груди ничего не колет, ноги в полном порядке, головной боли как не бывало, и вы поймете, какого дурака чуть не сваляли!

- А сейчас я готов свалять дурака?
- Да, но для того я и здесь, чтобы предупредить вас!
- Вы все сказали?

– Почти. Папа, если вас не станет, они назовут ваш рассказ «Недолгим несчастьем Френсиса Макомбера», а ваш роман получит название «По ком не звонит колокол»! Вы можете себе это представить?

- Третья катастрофа мне не нужна.
- Ну, тогда... – Я потянулся за ружьями.
- Не стоит, – сказал Папа. – Я найду другой способ.
- Примите четыре таблетки аспирина. Боль пройдет. Я позвоню вам

завтра.

Я направился к входной двери.

- Как вас зовут? – спросил он.

Я назвал ему свое имя.

- Живите долго и счастливо.
- Нет, Папа, это вы должны долго жить!

Я успел отойти от дома футов на пятьдесят, не больше. Услышав выстрел, я зажмурился и бросился бежать.

Огромные крылья бабочки, зашелестев, сложились и замерли.

Я посмотрел за дверь и увидел будочку нантакетской таможни, а в ней старика, который ставил, и ставил, и ставил печати на бланках.

Подойдя поближе, я спросил:

- Господин Мелвилл?

Он взглянул на меня подслеповатыми глазами старой морской черепахи.

– Что вам угодно, сэр? – спросил он.

– Сэр, не хотите ли немного перекусить?

Старик задумался, оценивая уровень своего аппетита.

– Заодно мы могли бы немного пройтись по причалу. – В одной руке я держал мешочек с яблоками и апельсинами, а в другой – некую книгу.

Он долго изучал книгу, затем, пожав плечами, облачился в пальто, на что потребовалось тоже изрядно времени, и наконец мы вышли на свет, тусклый свет сумрачного дня. Повернувшись спиной к морю, он спросил:

– Вероятно, вы литературный критик и приехали сюда откуда-нибудь из Бостона?

– Нет, – ответил я. – Вы имеете дело с обыкновенным читателем.

– Обыкновенных читателей не бывает! – возразил старик. – Либо вы пребываете вне библиотеки, либо находите прибежище в ее стенах. Воздух библиотеки наполнен книжной пылью, которая укрепляет кости, просветляет взор и прочищает уши! Поэтому каждый вдох приносит обновление читателю, пока он плавает по библиотечным глубям, населенным бесчисленными слепыми созданиями. Скорее наверх, подсказывает разум, не то они схватят тебя, утопят, поглотят целиком! Да, ты тонешь, но остаешься живым, ты теперь как остров в этом безбрежном море. Таким образом, ты вовсе не простой читатель, ты уцелел в волнах прибоя, разбивающихся о берега Шекспира, Поупа и Мольера, истинных маяков этого мира. Иди же, борись с бурями и побеждай!.. То есть, конечно, – перебил он сам себя, – если я заткнусь и дам вам возможность читать. – Слабая улыбка мелькнула на его губах. – А теперь скажите, зачем вы привели меня на причал?

– Сэр, – ответил я, – вы должны жить в море, а не на суше!

– Обойти мыс Доброй Надежды? Поразить своим появлением китайцев?

– Почему бы и нет?

– Вы видите, как трясутся мои старые руки, которые не смогут удержать теперь ничего, кроме этой треклятой печати!

– Нет, я вижу морского волка, стоящего рядом с татуированным темнокожим островитянином, и первого помощника безумного капитана, вздумавшего тягаться с самим Богом! Дорогой Мелвилл! Прошу вас, держитесь подальше от суши! Вам принадлежит море! Вы подобны тому древнему богу: поверженный, коснувшись земли, он вновь обретал мощь, а если его поднять в воздух, оторвать от земли, он слабел. Только его сила

шла от земли, а ваша – от моря! Так сбросьте оковы, станьте вновь морским волком, бороздящим океаны во всех концах света, усмиряющим мановением руки ураганы, вздымаемые могучим хвостом белого кита! Брейтесь при свете огней святого Эльма! Суша, берег, город, пристань должны стать для вас синонимом могилы и смерти! Живя здесь, вы роете себе могилу! Расстаньтесь же с землей и с таможенной печатью, станьте снова молодым, лазайте на мачту, чтобы нырять с нее и плавать, вас ждут сказочные острова! Я кончил.

– Вы начитались Шекспира.

– Извините.

– Вы тоже должны простить меня за Белого Кита, жир которого горит в рассеивающих тьму здешних городов фонарях! Вы христианин?

– По Божьей милости, да.

– Тогда покой храните, судить покуда буду корабли и время назначать приливам и отливам...

Старый Мелвилл долго смотрел вдаль, затем обвел взглядом пропитанные солью стены таможни, никогда не слыхавшей иных звуков, кроме стука печати о бесчисленные формуляры уплывающих и приплывающих кораблей.

– Джек! – прошептал я еле слышно.

Мелвилл вздрогнул. Я затаил дыхание. Джек, набожный парень, прекрасный душой и телом, верный товарищ, с которым можно смело пускаться в любое плавание... А Готорн^[58]? Что, если прихватить с собою и его? Каких бы разговорчиков мы наслушались! Он сделает нашу жизнь праздником, а Джек будет трогать сердца и услаждать взоры. Готорн – для шумной дневной суеты, Джек – для безмолвия ночи и бесконечных рассветов.

– Джек, – прошептал Герман Мелвилл. – Разве он живой?

– Я мог бы дать ему жизнь.

– Так что же оно такое, эта ваша машина, Божье благословение или проклятие? Творение Бога или языческие штучки Времени?

– Словами это не выразить, сэр. Это как центрифуга, которая отшвыривает годы, возвращая нам молодость.

– И вы действительно можете все это?

– И получить корону короля Ричарда? Да!

Мелвилл попытался встать на ноги.

– О боже... – Голос его упал. – Я не могу идти...

– Попробуйте еще раз!

– Слишком поздно, – сказал он. – Я уже ни рыба и ни мясо... На суше

– Стоунхендж, на море же – разверстая пучина. Но что же между ними? И где оно – это «между»?

– Здесь, – ответил я, коснувшись своей головы. – И здесь, – добавил я, коснувшись сердца.

Глаза старика наполнились слезами.

– О, если бы я действительно мог поселиться в этой голове и в этом сердце!

– Вы уже там.

– Я готов провести у вас день. – Он продолжал рыдать.

– Нет, капитан «Пекода», – сказал я. – Тысячу дней!

– Какая радость! Но постойте...

Я подхватил его под локоть.

– Вы открыли двери библиотеки и даровали мне глоток прошлого! Но стал ли я выше? Выпрямился? И голос больше не дрожит?

– Почти не дрожит.

– Руки?

– Руки юнги.

– Значит, оставить сушу?

– Да, оставить.

– Посмотрите на мои ноги... Разве я смогу сняться с этих якорей? Но все равно спасибо за чудо ваших слов, огромное вам спасибо...

В тысяче миль от меня увидел я старика, его рука поднимала и опускала, поднимала и опускала штемпель, ставила, и ставила, и ставила печать на таможенные бланки. Закрыв глаза, я пятился вслепую, пока не почувствовал на шее прикосновение крыльев. Я повернулся, и огромная бабочка подобрала меня.

– Герман! – крикнул я что было сил, но нантакетская таможня и причал уже исчезли из виду.

Подхвативший вихрь вынес меня совсем в другом времени перед домом, дверь которого открылась и закрылась за мной, и я увидел прямо перед собой невысокого коренастого человека.

– Как вы здесь оказались? – спросил он.

– Спустился по трубе, просочился под дверь. Простите, кто вы?

– Граф Лев Толстой.

– Автор «Войны и мира»?

– А что, есть другой? – воскликнул он возмущенно. – Лучше ответьте, как вы сюда попали и что вам здесь нужно?

– Я хочу помочь вам бежать отсюда!

– Бежать?!

– Да, бежать из дома. Вам больше нельзя здесь оставаться. Вы сходите с ума, ваша жена не в себе от ревности.

Граф Лев Толстой окаменел.

– Откуда вам это?..

– Я читал об этом в книгах.

– Таких книг не существует!

– Скоро они появятся! Ваша супруга ревновала вас к горничным и кухаркам, к дочкам садовника и к любовнице вашего счетовода, к жене молочника и к вашей племяннице!

– Прекратите! – воскликнул граф Лев Толстой. – Я не хочу слушать этот вздор!

– Это неправда?

– Может быть, да, а может быть, и нет. Да как вы смеете!

– Ваша супруга грозилась порвать все простыни, поджечь кровать, запереть дверь и укоротить ваш модус операнди^[59].

– Сколько можно все это терпеть! То виновен, то невиновен! Ну что за жена! Повторите, чего вы хотели?

– Я предложил вам сбежать из дома.

– Так поступают дети.

– Да!

– Вы хотите, чтобы я уподобился подросткам? Решение помешанного.

– Это лучше, чем кара помешанной.

– Говорите потише! – прошептал граф. – Жена в соседней комнате!

– Ну так идем!

– Она спрятала мое белье!

– Постираем по дороге.

– По дороге куда?

– Куда угодно!

– И долго ли мне придется прятаться?

– Пока ее кондрашка не хватит!

– Отлично! Но кто вы?

– Единственный человек на свете, который не только прочел роман «Война и мир», но и запомнил имена всех персонажей! Хотите, перечислю?

В этот момент кто-то начал ломиться в дальнюю дверь.

– Слава богу, она заперта! – сказал я.

– Что я должен взять с собой?

– Зубную щетку! Быстро!

Я распахнул входную дверь. Граф Лев Толстой выглянул наружу.

– А что это тут туманное, с прозрачными листьями?

– Это ваше спасение!

– Замечательно!

Дверь сотрясалась так, словно в нее ломились слоны.

– Она совершенно обезумела! – воскликнул граф.

– Вы уже надели кроссовки?

– Я...

– Бегите!

Он ринулся к машине, и машина укрыла его.

Дверь библиотеки распахнулась широко, как врата ада, и на пороге возникла бешеная фурия.

– Где он? – крикнула она.

– Это вы о ком? – спросил я – и исчез.

Не знаю точно, то ли я материализовался перед Билли Барлоу, то ли он материализовался передо мной. Билли сидел в моей библиотеке, листая увесистые тома произведений Толстого, Мелвилла и Папы.

– Два поражения и одна победа! – сказал я.

Билли хлопнул Мелвилла, закрыл Папу и улыбнулся Толстому.

– Он все-таки оставил свою мадам, – сказал я.

– И что же – она последовала примеру Анны Карениной?

– Бросилась под поезд? Нет.

– А жаль. И куда же ты двинешься теперь? Может быть, стоит отправиться в Белый дом апреля тысяча восемьсот шестьдесят пятого и стащить у Мэри Тодд билеты в театр для Линкольна?^[60]

– Нет уж, уволь. Она мне за них глаза выцарапает. Отдать швартовы!

Золотые крылья затрепетали, коснувшись брызг из отделанного мрамором фонтана, находившегося вблизи отеля «Плаза». Струи фонтана били высоко в ночное летнее небо. По фонтану с хохотом, гиканьем и воплями расхаживали, пошатываясь, с бокалами мартини в руках красивый мужчина в промокшем насквозь смокинге и интересная женщина в серебристом вечернем платье.

– Эгей! – окликнул их я. – Зельда! Скотти! На выход!

Ну и что же ты можешь сказать в свое оправдание?

- Ну и что же ты можешь сказать в свое оправдание?
- Он взглянул на трубку и придвинул ее поближе к уху.
- Ты знаешь, который сейчас час?
- У тебя что, своих часов нет?
- Они остались на тумбочке возле кровати.
- Сейчас шесть тридцать пять.
- Господи, и в такую рань ты спрашиваешь меня, что я могу сказать в свое оправдание? Я еще и проснуться-то толком не успел.
- Сделай себе кофе. Скажи мне, как выглядит твой отель?
- В шесть тридцать пять все отели выглядят одинаково, дорогая. Я не люблю отели. Вот и сейчас – три скверные ночи без сна.
- Думаешь, я высыпаюсь?
- Послушай, – сказал он, – я только поднялся с постели, дай мне надеть очки, взглянуть на часы, а потом продолжим, а?
- О чем?
- Ты спросила, что я могу сказать, вот я и скажу.
- Ну так говори.
- Не по телефону. Понадобится какое-то время. Дай мне полчаса. Или хотя бы четверть часа. Ладно, десять минут.
- Тебе придется уложиться в пять минут, – сказала она и повесила трубку.
- В десять минут девятого она разлила кофе по чашкам. Он взял свою, а она, выжидая, скрестив руки на груди, уставилась в потолок.
- Пять минут уже прошло, а все, что мы успели, – это разлить кофе, – заметил он.
- Она молча посмотрела на часы.
- Все понял.
- Он глотнул горячий кофе и обжег губы, вытер рот, затем закрыл глаза и сложил руки так, словно собрался молиться.
- Ну? – не выдержала она.
- Не надо меня торопить, – сказал он. – Начнем. Тема – мужчины. Все мужчины одинаковы.
- Не буду спорить.

Не открывая глаз, он немного подождал, не скажет ли она еще что-нибудь.

– Значит, по крайней мере в одном вопросе у нас нет разногласий. Все мужчины одинаковы. Я похож на любого другого мужчину, и все остальные мужчины похожи на меня. Так всегда было, и так всегда будет. Закон природы. Базальный фундамент генетической истины.

– При чем здесь генетика?

– Создав Адама, Бог положил начало генетике. С твоего позволения, я продолжу?

Он расценил ее молчание как знак согласия.

– Я буду исходить из предположения – мы обсудим его как-нибудь в другой раз – о том, что все те миллиарды мужчин, которые когда-либо обитали на Земле, суетились, вопили, вели себя как сумасшедшие, все они отличались друг от друга разве что ростом и весом. И я один из них.

Он вновь подождал, не скажет ли она чего, но поскольку комментариев не последовало, снова прикрыл глаза, сплел пальцы и продолжил:

– Вместе с этими цирковыми животными на Земле появились и другие человеческие существа, несколько более достойные этого названия, которые должны были мириться с этим зверинцем, чистить клетки, приводить в порядок пещеры, гостинные, воспитывать детей, выходить из себя, приходить в себя, снова сходиться с ума и так далее.

– Уже поздно.

– Всего-то четверть девятого утра. Ради бога, дай мне время до половины девятого. Ну пожалуйста.

Она ничего не ответила, и он продолжил:

– Вот и прекрасно. На то, чтобы выйти из пещер, чтобы перейти от охоты к оседлой жизни, у людей ушло несколько сотен тысяч лет. По сути, все это произошло совсем недавно. Сейчас я пишу эссе под условным названием «Слишком рано вышли из пещер, слишком далеко еще до звезд». – Молчание. – Впрочем, не важно. После десятков тысяч лет трудного детства человечества женщины далеко ушли от тех существ, которых мужчины таскали за волосы и как только не лупили. Теперь они заявили мужчинам: «Ну-ка успокойтесь! Сядьте не горбясь, подтяните свои носки и слушайте!» И мужчины – тоже несколько изменившиеся к тому времени, уже не прежние немые дикари, обитатели пещер – успокоились, сели прямо, подтянули свои грязные носки и стали слушать. И знаешь, что они слышали?

Она так и сидела молча, скрестив на груди руки.

– Они слышали нечто поразительное. Это было описание свадебного

обряда. Да-да – я не шучу. Сначала примитивное, оно становилось все сложнее, изощреннее и завлекательнее. И мужчины немели и слушали, слушали... Сперва просто из любопытства, но постепенно, по непонятной им самим причине, загораясь все больше и больше. Было во всем этом нечто доходившее до этих неприрученных зверей. И вот один из них кивнул, соглашаясь, потом другой, и через некоторое время закивали все: а почему бы, черт побери, и не попробовать!.. И было там, наверное, что-то, заставившее нас успокоиться и вести себя надлежащим образом, на время, а то и навсегда, – продолжал он. – Все мы застыли в ожидании, пока не нашли первые смельчаки, готовые рискнуть. Их примеру последовали десятки, сотни, тысячи и миллионы брызжущих семенем юнцов. «Согласны ли вы?» – спрашивали у них, и они отвечали: «Да, согласны», хотя не имели ни малейшего понятия о том, на что же они согласились, и удивленно взирали на плачущих невест и держащихся позади них, подобно Великой Китайской стене, их отцов, исполненных не только сомнений, но и надежд. Помню, как, стоя рядом с тобою, я думал: это же смешно, ничего из этого не выйдет, долго это не протянется, я люблю ее, конечно, я очень люблю ее, но где-нибудь, неизвестно когда и почему, я, как и все на свете, сойду с рельсов, сделаю какую-нибудь чудовищную глупость, как последний осел, в надежде, что она не узнает, а если узнает, то не обратит внимания, а если и обратит внимание, то не придаст особого значения. И пока я давал все правильные ответы, черви сомнения нашептывали все новые вопросы, а следующее, что я помню, – мы уже выходим и нас осыпают рисом.

Он посмотрел на свои руки – пальцы больше не сцеплены, ладони обращены вверх, будто собираясь принять что-то.

– В общем, все. Добавлю только, в ближайшие пятьсот, тысячу или миллион лет люди начнут создавать колонии на Луне, на Марсе, на планетах Альфы Центавра, но как бы далеко мы ни забрались, как бы грандиозны ни были наши цели и устремления, мы никогда не изменимся. Мужчины всегда останутся мужчинами, глупыми, высокомерными, напористыми, упрямыми, безрассудными, агрессивными, но также книжниками и поэтами, пилотами воздушных змеев и мальчишками, способными разглядеть картины в очертаниях облаков, наследниками Роберта Фроста^[61] и Шекспира, с мягким сердцем под толстой кожей, способными заплакать при виде умирающего ребенка, всегда поглядывающими туда, где трава позеленее и молока побольше, добравшимися до кратеров Луны и до лун Сатурна, но оставшимися теми же животными, завывавшими в пещерах полмиллиона лет назад, без

существенных изменений, а другая половина человеческой расы все так же будет предлагать им послушать свадебную церемонию, вполуха, вполсердца, и иногда, иногда они будут слушать...

Ее молчание пугало его. Немного подождав, он продолжил:

– Знаешь, каждое утро, проезжая по дороге на работу мимо всех этих домов на склоне холма, я думаю о тех людях, кто в них живет, и надеюсь, что они счастливы, что в доме не пусто, что здесь не поселилась тишина, и, возвращаясь с работы мимо тех же домов, я думаю, по-прежнему ли счастливы они, есть ли здесь какое-нибудь движение или звуки. И заметив баскетбольный щит перед одним из домов, я думаю, что здесь растет сын, а на дорожке, ведущей к другому дому, я вижу горсти риса и понимаю, что здесь выросла дочь, и надеюсь, что она счастлива, хотя как знать. Но каждое утро я думаю одно и то же: надеюсь, они счастливы, о Господи, сделай, чтоб это было так, я очень надеюсь!

Сбившись с дыхания, он замолчал и, закрыв глаза, ждал ответа.

– Таким, значит, ты видишь себя? – сказала она.

– Приблизительно так.

– И другие мужчины тоже такие?

– Да, все и всегда.

– Ты хочешь заручиться их поддержкой?

– Нет, мы совершенно открыты и не прячемся.

– И даже не маскируетесь?

– Нисколько.

– Все одинаковы?

– Никаких отличий.

– Выходит, у нас, женщин, вообще нет никакого выбора?

– Есть, но очень небольшой. Принимайте нас такими, как мы есть, или не принимайте вообще. С вами другое дело. Мы видим в вас подруг, любовниц, жен, матерей, воспитательниц, сиделок. У вас столько самых разных сторон! У нас – только одна, и то если повезет. Это – наша работа.

Он сделал паузу.

– Ты закончил? – спросила она.

– Пожалуй что, да. Да. Я думаю, это все.

Помолчав, она спросила еще:

– Это что, попытка извинения?

– Нет.

– Рассудочная схема?

– Не думаю.

– Коллективное алиби?

- Нет!
- Ты ищешь понимания?
- Пожалуй что, да.
- Симпатии?
- Ни в коем случае.
- Сострадания?
- Конечно же нет!
- Сопереживания?
- Все эти слова кажутся мне излишне громкими.
- Так чего же ты хочешь?!
- Я хотел, чтобы ты выслушала меня!
- Я это уже сделала.
- Спасибо тебе за это.

Теперь уже она сидела с закрытыми глазами.

Он бесшумно поднялся со стула и вышел.

Когда он открывал дверь своего номера в отеле, зазвонил телефон. Он поднял трубку только после четвертого или пятого звонка.

- Ты – крыса, вот ты кто! – раздалось из трубки.
- Я это знаю, – спокойно ответил он.
- Ты – мерзавец!
- И это я знаю.
- А еще невежа и хам!
- Разумеется.
- И сукин сын!
- Это само собой.
- Но...

Он затаил дыхание.

- Но я люблю тебя!
- Слава богу! – прошептал он.
- Поскорее возвращайся домой!
- Я уже выезжаю!
- И не смей хныкать! Ненавижу, когда мужчины плачут!
- Хорошо, не буду...
- А когда придешь...
- Да?
- Когда придешь, не забудь запереть дверь на засов.
- Считай, что уже запер.

Диана де Форе

Осенью 1989 года, под вечер, в час, когда парижские кладбища уже закрывались, я, незамеченный охранниками, выведившими последних посетителей, недвижно стоял возле невысокого мраморного надгробия на могиле Дианы де Форе, то есть лесной девы, прислушиваясь к удаляющимся голосам охранников и скрипу запираемых кладбищенских ворот. Я даже не осознал перспективы заночевать на кладбище Пер-Лашез, настолько увлекся созерцанием одного из прекраснейших надгробий, которые я когда-либо видел, с совершенно блистательной резьбой по мрамору.

Надгробие представляло собой мраморную плиту шести футов длиной и дюймов восемнадцати высотой, на верхней грани которой в ажурных складках мрамора вырисовывалась фигура неземной красоты. Это была молодая женщина, не старше восемнадцати лет, со сложенными на груди изящными руками, с тонкими чертами лица и легкой улыбкой на губах, без всякого почтения к этому месту, времени и погоде.

Я стоял, боясь пошелохнуться, испытывая смешанное чувство трепета, радости и страха, которое нередко предшествует настоящей любви.

Все эти элементы, проникая в нашу душу, таинственным образом взаимодействуют друг с другом, образуя особые эмоции, не являющиеся ни суммой, ни смесью исходных, и самые разнообразные эмоции возникают из одних и тех же элементов, в зависимости от того, какие из них мы принимаем, а какие немедленно отбрасываем.

При свете последних лучей заходящего солнца я наклонился, чуть не падая, чтобы получше разглядеть это потрясшее меня, явившееся из прошлого воплощение юности и красоты. Когда головокружение унялось, я прочитал наверху надгробия:

Диана де Форе

1800–1818

Господи, прошептал я. Она умерла задолго до того, как я появился на свет.

Ниже были высеченные на мраморе слова:

*Как скор был бег ее!
Одна лишь только Смерть
Догнать ее смогла.
Мне счастье выпало узнать ее на час
И полюбить навек.*

Еще пониже виднелись инициалы Р. С. и приписка:

*Кто образ сей запечатлел на камне,
Чтоб памяти ее дать зримые черты.*

Господи, подумалось мне, здесь двое влюбленных, не только молодая девушка, но и ее возлюбленный, скульптор, создавший из камня этот поразительный образ! Как часто он возвращался сюда, сколько слез он пролил у ее могилы!

Я склонился еще ниже, запоминая каждую черточку – тонкие брови, изящный нос, полуулыбку на губах, которую не стерли ни непогода, ни время. Из глаз моих, мешая мне смотреть, потекли слезы, падая на мраморное лицо. Мне почудилось, что его черты стали расплываться, но прежде чем я отпрянул, пораженный, они застыли вновь.

Мои слезы коснулись ее век, и стало казаться, что она плачет. Это были уже не мои слезы, а ее, они катились по ее щекам, коснулись ее губ, и те шевельнулись, заставив меня усомниться в собственном рассудке.

– Что это? – слышался едва уловимый шепот.

Я замер.

– Кто здесь? – спросили каменные губы.

Нет-нет, пронеслось у меня в голове. Этого не может быть!

– Почему вы молчите? – слышался шепот.

Слезинки задрожали на холодных губах.

– Это всего лишь я, – вырвалось у меня.

– Это правда? Но где же ты был все это время?

– Я...

– Я тебя ждала...

– Я...

– О, как долго я ждала! – прошептала она. – Почему ты меня оставил?

Ты не поймешь меня, подумалось мне, ибо нас разлучила смерть. Сначала – твоя, потом – твоего возлюбленного.

– Что же я могу сказать? – пробормотал я.
– Скажи хоть что-нибудь.
– Я рядом с тобою.
– Боже, благодарю тебя!
– Ты можешь простить меня?
Упавший с ветки лист коснулся ее щеки.
– Конечно! Ты здесь, и всех этих лет нет и в помине. Пожалуйста, скажи что-нибудь еще!
Я перевел дыхание и тихо произнес:
– Я люблю тебя!
– О да! – воскликнула она. Казалось, мраморная плита сейчас расколется и женщина-ребенок вырвется из своего холодного кокона. – Теперь я понимаю, именно этих слов я и ждала! Повтори их еще раз!
– Я люблю тебя! – повторил я, и это была правда.
– Как я рада! – вновь зазвучал ее звонкий голосок. – Я знаю, что ты говоришь правду! Господи, теперь мне не страшно и умирать!
– Но ведь... – начал было я и остановился.
Ты же давно умерла, подумал я.
– О, есть ли что на свете прекраснее любви! – доносился захлебывающийся голос из глубины мрамора. – Любить – значит жить вечно, ибо любовь бессмертна! Слушать о любви никогда не в тягость, слышать признание в любви никогда не надоест! От этих слов человек воскресает снова и снова! Повтори их еще раз!
– Я люблю тебя!
Из глубины плиты донесся сердца стук, как будто Жизнь сама, стуча, рвалась наружу.
– И все-таки, – тихо сказала она, – нам нужно поговорить и о других вещах. Когда мы разговаривали с тобой последний раз?
Сто семьдесят один год тому назад, подумал я и сказал вслух:
– Очень давно. Прости меня...
– Ты исчез так неожиданно. Мне даже жить расхотелось... Наверное, ты объехал весь свет, многое повидал и забыл меня?
А вернувшись, подумал я, нашел тебя здесь и сделал этот памятник...
– Чем же ты теперь занимаешься?
– Я писатель, – ответил я. – Я хочу написать рассказ о старом кладбище, о прекрасной женщине и о возвращении пропавшего возлюбленного.
– Но при чем здесь кладбище? Пусть действие происходит в каком-то другом месте!

- Хорошо, я попробую написать иначе.
- Любимый, – спросила она тихо, – почему ты такой грустный?

Позволь мне тебя утешить.

Я сел на краешек могильной плиты.

– Вот так, – прошептала она. – Теперь возьми меня за руку.

Я коснулся ее мраморной руки.

– Какие у тебя холодные руки! – сказала она. – Как же мне их согреть?

– Скажи мне те же слова!

– Я тебя люблю?

– Да.

– Я тебя люблю!..Вот, уже теплее! И все-таки я чувствую, ты что-то от меня скрываешь... Пожалуйста, скажи мне всю правду!

– Когда-то тебе было восемнадцать, – ответил я. – Прошло больше ста лет, но тебе все те же восемнадцать!

– Но разве так бывает?

– Там, где ты находишься, нет ни возраста, ни времени. Ты навсегда останешься юной!

– Но где же я нахожусь? И что хранит меня от старости?

– Посмотри вокруг! Ты поймешь сама.

Мы молчали. Ни один луч солнца больше не освещал кладбище Пер-Лашез. Падали листья. Тихий стук сердца стал еще тише, как и ее голос, когда она заплакала.

– О нет! Неужели это правда?

– Да, это правда.

– Но ты пришел, чтобы спасти меня!

– Нет, милая Диана де Форе. Я хотел лишь повидаться с тобой.

– Ты говорил, что любишь меня!

– Видит Бог, это правда!

– Так в чем же дело?

– Ты так ничего и не поняла. Ты принимаешь меня за другого. А я мечтал встретиться с тобой всю свою жизнь!

– Это правда?

– Да!

– Выходит, ты ждал нашей встречи все эти годы, как ждала я?

– Выходит, так.

– Ты рад, что ждал?

– Теперь да. Хотя до этого мне было очень-очень одиноко...

– А теперь?

– Ты знаешь, сколько мне лет?

– Какое это имеет для нас значение?

– Мне уже семьдесят три.

– Так много?

– Увы...

– Но у тебя такой молодой голос!

– Это потому, что я говорю сейчас с тобой...

Я услышал какие-то странные звуки. Она плакала? Я ждал и слушал.

– Милый мой, хороший мой, – сказала она наконец, – как все это странно... Такое чувство, будто мы сидим на качелях. Если я поднимаюсь, ты опускаешься, если я опускаюсь, ты поднимаешься. Неужели мы так никогда и не встретимся?

– Разве что здесь, – ответил я.

– Значит, когда-нибудь ты сюда вернешься? Ты больше не исчезнешь?

– Нет. Я обещаю.

– Подойди поближе, – прошептала она. – Мне трудно говорить.

Я наклонил голову, и мои слезы вновь упали на ее мраморное лицо.

– Знаешь, – сказала она окрепшим голосом, – пока твои слезы дарят мне силы говорить, самое время...

– Проститься?

– Ты говоришь, тебе семьдесят три? А ждет ли тебя кто-нибудь там, за оградой?

– Нет. Меня давно уже никто не ждет.

– Значит, ты действительно вернешься и снова будешь плакать...

– Буду.

– Приходи поскорее. Нам нужно поговорить об очень многом.

– О смерти?

– Конечно нет. О Вечности, любимый мой. Ты тут же перестанешь плакать. Я расскажу тебе все-все. До встречи.

Я поднялся.

– Прощай, Диана де Форе.

Упавший лист заслонил ее лицо. Прощай.

Я поспешил к воротам и кликнул охранников, не зная, чего мне хочется больше: выйти за ограду кладбища или же остаться на нем навсегда.

Охранники появились вовремя. Они открыли мне ворота.

Сверчок на печи

Дверь захлопнулась, и Джон Мартин сбросил с себя пальто и шляпу, ловко, словно заправский иллюзионист, проскочил мимо жены и повесил пальто на вешалку, одновременно вынув из кармана хрустящую свежую газету, после чего направился в гостиную, на ходу знакомясь с новостями, определяя по запаху, что будет на ужин, и разговаривая с женой, следовавшей за ним по пятам. Он все еще чувствовал слабый запах вагона и морозной зимней ночи. Усевшись в кресло, он удивился необычной тишине, напоминавшей тишину гнезд, обитатели которых – малиновки, воробьи и пересмешники – неожиданно увидели над собой гигантскую тень ястреба. Его жена остановилась в дверях.

– Села бы лучше, – сказал Джон Мартин. – Что стряслось? Господи, не надо смотреть на меня так, словно я уже умер! Что у нас нового? Кстати, как ты относишься к последнему решению этих придурков из городского совета? Они опять повысили налоги и тарифы!

– Джон! – воскликнула жена. – Прошу тебя, не надо!

– О чем это ты?

– Не говори так! Это небезопасно!

– Небезопасно?! О чем ты говоришь? Мы не в России, а у себя дома!

– Ты не совсем прав.

– Как так?

– В нашем доме появился жучок! – прошептала она еле слышно.

– Жучок?!

Джон Мартин даже привстал от удивления.

– Ну, ты понимаешь... Подслушивающее устройство.

– Ты что, рехнулась?

– Почти что, когда госпожа Томас рассказала мне о том, что происходило здесь вчера вечером! Стоило нам уйти, как позвонили ей в дверь и взяли у нее ключи от гаража. Они поставили там какие-то приборы и подвели к нашему дому провода! Жучок в какой-то комнате, а может, и во всех комнатах.

Все это она прошептала ему на ухо.

Он откинулся на спинку кресла.

– Этого не может быть.

– А вот и может!

– Но ведь мы, кажется, не сделали ничего предосудительного?

– Говори потише!

– погоди! – сердито прошептал он. Его лицо то бледнело, то краснело. – Идем на веранду!

Выйдя на веранду, он посмотрел по сторонам и сказал, уже не таясь:

– Теперь расскажи мне всю эту дурацкую историю еще раз! Если я тебя правильно понял, ФБР решило использовать соседский гараж для слежки за нашим домом?

– Совершенно верно! Это ужасно! Боюсь, наш телефон тоже прослушивается!

– Ладно, мы еще посмотрим, кто кого!

– Что ты собираешься делать?

– Я переколочу все их приборы! Одного не пойму – чем мы их могли заинтересовать?

– Ломать ничего не надо! – воскликнула жена, схватив его за руку. – Тогда уж точно неприятностей не оберешься! Пусть послушают несколько дней, поймут, что мы в порядке, и уберутся.

– Я оскорблен, нет, я просто разъярен! Эти два слова не из моего лексикона, но, черт побери, сейчас они в самый раз. Что они о себе возомнили? И вообще, в чем здесь дело? Наши политики или наши друзья на студии? Мои рассказы или то, что я работаю продюсером? Да, мы дружим с Томом Ли, а он китаец, но это не делает опасным ни его, ни нас! Так в чем же дело?

– Может быть, они получили ложный сигнал и занялись проверкой? Если они всерьез подозревают, что мы опасны, их действия нельзя осуждать.

– Да-да, но речь-то идет о нас! Чертовски забавно, обхохочешься! Рассказать, что ли, друзьям? Найти микрофон и вырвать его с потрохами? Переехать в гостиницу? Уехать в другой город?

– Я думаю, нам следует оставить все на своих местах, ведь скрывать нам действительно нечего! Не будем обращать внимания, и только!

– Не обращать внимания? Как только я стал ругать муниципалов, ты тут же поспешила заткнуть мне рот!

– Идем в дом. Становится холодно. Успокойся. Пройдет всего несколько дней, и они в любом случае оставят нас в покое.

– Ну ладно, но лучше бы ты позволила мне расколошматить все это к чертовой матери!

Они вернулись в дом и немного постояли в прихожей, пытаюсь изобразить приличествующий случаю разговор. Они чувствовали себя так же неловко, как актеры-любители на сцене дешевого провинциального

театра: осветители уже включили юпитеры, недовольная публика ждет, вот-вот начнет разбегаться, а они забыли роли.

Он вернулся в гостиную и, усевшись в то же кресло, взял в руки газету, ожидая, пока жена накроет на стол. Дом тут же наполнился звуками. Шелест газеты походил на шум лесного пожара, раскуривание трубки звучало как завывание ветра в органной трубе. Он попытался сесть поудобнее, и кресло тут же зарычало, как собака во сне, а штанины, касаясь друг друга, скрипели, как наждак. С кухни слышался оглушительный лязг кастрюль, по которым безбожно колотили, звон падающих мисок, хлопанье открываемой печной заслонки, крушащей запор, шум рвущегося на свободу газа, вспыхивающего голубым пламенем и с шипением набрасывающегося на пищу, а затем все более и более громкое журчание и бульканье готовящейся еды. И он, и она хранили молчание. Они молчали. Жена вошла в гостиную и остановилась в дверях, посмотрела на мужа, оглядела стены, но ничего не сказала. Он перевернул футбольную страницу, открыл страницу, посвященную борьбе. Глаза его скользили между строчек, фиксируя пятнышки в бумажной массе.

Шум в комнате достиг уже силы прибоя в штормовую погоду, грохот дробящих скалы приливных волн обрушивался на его уши. О боже, подумал он, надеюсь, они не слышат, как бьется мое сердце!

Жена молча поманила его в столовую, и, пока он, оглушительно шурша, складывал газету, напоследок шмякнув ею о кресло, пока шел в столовую, громко топая по ковру, и отодвигал от стола по непокрытому полу столовой кресло, реагирующее возмущенным скрипом, она, бряцая серебром, разложила столовые приборы, принесла бурлящий, как извергающаяся лава, суп и поставила кофейник с фильтром. Некоторое время они поглядывали на этот агрегат, одобрительно прислушиваясь к бульканью в его стеклянном горле, звучащему как протест против молчания, как открытое высказывание на тему, чего же им не хватает. Затем они заскрежетали о тарелки ножами и вилками. Он попытался что-то сказать, но чуть не подавился. Наконец жена вышла на кухню и взяла листок бумаги и карандаш. Вернувшись, она вручила ему записку: *«Скажи хоть что-нибудь!»*

Он написал в ответ: *«Например?»*

Она вновь взяла в руки карандаш. *«Что угодно! Нельзя все время молчать! Иначе они могут подумать, будто с нами что-то не так!»*

Какое-то время они нервно созерцали исписанный листок. Наконец он улыбнулся, откинулся на спинку кресла и подмигнул жене. Она нахмурилась, а он сказал:

– Может быть, ты все-таки хоть что-нибудь скажешь?

– Что тебе сказать? – спросила она.

– Черт побери, ты молчишь весь вечер! Вечно у тебя настроения! Дуешься на меня за то, что я не хочу купить тебе эту шубку? Ты ее не получишь, и баста!

– Но я вовсе не хотела...

Жестом руки он остановил ее.

– Уж лучше молчи! Я не хочу ругаться из-за пустяков. Ты сама знаешь, норковые шубы нам не по карману. Не можешь сказать ничего умного, так не говори совсем!

До нее наконец дошло. Она улыбнулась и подмигнула в свою очередь.

– А что же я, по-твоему, должна носить? – взвизгнула она.

– Заткнись! – рявкнул он в ответ.

– Ты никогда мне ничего не покупаешь! – завопила она.

– Чушь, чушь и еще раз чушь! – заорал он.

Они настороженно прислушались. Казалось, эхо их воплей вернуло все к норме. Кофейник булькал не так громко, ножи стучали о тарелки помягче.

– Хватит, – подытожил он. – Сделай одолжение, помолчи хотя бы один вечер.

Она фыркнула в ответ.

– Плесни мне кофейку! – попросил он.

К половине девятого тишина вновь стала нестерпимой. Они сидели в гостиной. Она пыталась читать только что взятую в библиотеке книгу, он готовил к воскресной рыбалке искусственных мушек. Иногда они, переглянувшись, открывали было рот, но тут же закрывали его, озираясь, будто заметили тещу.

Без пяти девять он неожиданно произнес:

– Может, куда-нибудь сходим?

– А не поздно?

– Не так уж поздно.

– Смотри, если только ты не устал. Что до меня, то я весь день занималась уборкой и развеялась бы с превеликим удовольствием...

– Так идем же!

– Честно говоря, я думала, что ты на меня сердишься...

– Тебе придется смириться с тем, что норковой шубы у тебя пока не будет. Надевай пальто.

– Хорошо.

Через пару минут они уже вышли из дома и, усевшись в машину, обернулись на свой залитый светом фонарей дом.

– Прощай, домик! – усмехнулся он и, повернувшись к жене, предложил: – Давай уедем насовсем!

– На это мы не отважимся.

– Давай тогда переночуем в одном из тех мотелей, которые губят напрочь репутацию, – предложил он.

– Брось. Надо поворачивать назад. Если мы где-нибудь заночуем, они заподозрят неладное.

– Да пропади они пропадом! Я чувствую себя последним идиотом в собственном доме. А всё они и этот их сверчок!

– Жучок.

– Все равно сверчок. Помню, когда я был совсем еще мальчишкой, в нашем доме поселился сверчок. Днем он молчал, а ближе к вечеру начинал пронзительно стрекотать. Найти его мы так и не смогли. Скорее всего, он жил где-то в щели между половицами или за печкой. Первые ночи мы не могли заснуть, потом как-то привыкли. Он прожил у нас не меньше полугода. Однажды вечером мы уже собирались укладываться, когда кто-то спросил: «Что это за шум?» И все прислушались. «Я знаю, что это такое, – сказал отец. – Это тишина. Наш сверчок куда-то ушел». То ли ушел, то ли умер. И от этого нового звука в нашем доме стало грустно и одиноко.

Они ехали по ночному шоссе.

– И все-таки нужно что-то решать – сказала она.

– Давай снимем другое жилье.

– Нет, это не вариант.

– Тогда давай съездим на выходные в Энсенеду. Столько лет собирались, пусть из худа будет хоть какое-то добро.

– А вернувшись, столкнемся с той же проблемой. Нет, единственное решение – это вести точно такую жизнь, как за час до знакомства с этим микрофоном.

– Я уже успел забыть нашу прежнюю жизнь. Все было так привычно, так приятно, а подробностей не помню. Мы с тобой женаты вот уже десять лет. И все вечера похожи один на другой, все приятные, конечно. Я возвращаюсь домой с работы, мы обедаем, читаем или слушаем радио, не телевизор, конечно, и ложимся спать.

– Звучит довольно беспросветно.

– Ты это так и воспринимала? – спросил он вдруг.

Она взяла его за руку.

– Нет-нет. Только надо бы иногда выбираться куда-нибудь.

– Потом мы обязательно придумаем что-нибудь. А план на сейчас – возвращаемся в дом и разговариваем решительно обо всем. О политике, об

обществе, о морали. Скрывать нам нечего. В детстве и я и ты были скаутами, и то, что мы собираемся делать, ничуть не больший вызов обществу. Нечего держать язык за зубами. А вот уже и кинотеатр.

Они вернулись около полуночи и немного посидели в машине, глядя на ожидающие их пустые подмостки.

– Ну что ж, – сказал он. – Пойдем поздороваемся со сверчком.

Они поставили машину в гараж и рука об руку обошли вокруг дома, направляясь к парадной двери. Дом встретил их напряженным молчанием. Им казалось, что на них, затаив дыхание, смотрит тысячная аудитория.

– Вот мы и дома! – громко воскликнул муж.

– Да, чудесный был фильм! – сказала жена.

Фильм, увиденный ими в этот вечер, являл собою на редкость жалкое зрелище.

– Больше всего мне понравилась музыка!

Музыка была банальная и раздражительная.

– А как бесподобно танцевала эта девушка!

Оба улыбнулись. Речь шла о тринадцатилетнем косолапом существе с невероятно низким уровнем интеллекта.

– Дорогая! – воскликнул он. – Давай смотаемся на выходные в Сан-Диего!

– Ты это серьезно? Неужели из-за этого ты не поедешь со своими дружками на рыбалку?

– На этот раз обойдусь без рыбалки с дружками. Я люблю только тебя! – сказал он и горестно подумал: «Мы ведем себя как Галлахер и Шин [\[62\]](#), согревая холодный дом».

Они суетливо наводили порядок в доме, чистили пепельницы, открывали шкафы, хлопая дверцами, готовили постель. Он распевал, фальшивя, бодрым баритоном куплеты из скверного мюзикла, который они когда-то слушали, она подпевала.

В постели она прижалась к нему, и они поцеловались. Потом еще и еще. Их поцелуи становились все более страстными. Его рука заскользила по ее спине. И вдруг он почувствовал, как она напряглась. Господи, подумал он, а сейчас-то что не так? Она прижалась ртом к его уху.

– А что, если, – прошептала она, – сверчок у нас в кровати?

– Они не посмеют! – воскликнул он.

– Тсс!

– Они не посмеют! – сердито повторил он шепотом. – Все это просто нервы!

Она стала отодвигаться. Он попытался удержать ее, но она решительно отодвинулась и повернулась к нему спиной.

– Это было бы как раз в их стиле, – услышал он ее шепот. Волна отхлынула, оставив его на белом холодном берегу.

«Ну, сверчок, – подумал он, – этого я тебе не прощу никогда!»

На следующий день, во вторник, он отправился в студию, напряженно работал, вернулся, нигде не задерживаясь, и широко распахнул дверь с бодрым «Привет, моя дорогая!».

Когда жена вышла, он крепко поцеловал ее, похлопал пониже спины, пробежал рукой вверх-вниз по спине, поцеловал еще раз и вручил ей огромный букет розовых гвоздик.

– Это мне? – ахнула она.

– Тебе!

– Сегодня у нас какой-то юбилей?

– Вовсе нет. Просто купил их, и все.

– Как я рада! – К глазам ее подступили слезы. – Я даже не помню, когда ты дарил мне цветы...

– Неужели это правда? Да, наверное.

– Я тебя люблю, – сказала она.

– А я люблю тебя, – сказал он, и они поцеловались снова, а затем, взявшись за руки, направились в гостиную.

– Ты сегодня рано, – сказала она. – Обычно ты заезжал в бар, чтобы пропустить рюмочку с приятелями.

– Ну их, этих приятелей! Ты знаешь, куда мы пойдём в субботу, дорогая? Вместо того чтобы дремать в кресле на солнышке во дворе, я свожу тебя на показ мод!

– Мне всегда казалось, что ты терпеть не можешь...

– И еще, моя хорошая. Я сказал ребятам, что не смогу поехать на рыбалку в это воскресенье. Они решили, что я окончательно свихнулся. Что у нас сегодня на ужин?

Улыбаясь, он отправился на кухню и произвел полную инспекцию, помешивая половником или ложкой, принюхиваясь и пробуя все подряд.

– Пастуший пирог! – воскликнул он, открыв дверцу духовки и приглядевшись. – Мое любимое блюдо! Ты не делала его с июня!

– Я подумала, тебе понравится!

Он ел с удовольствием, много шутил. Они ужинали при свечах, гвоздики наполняли комнату пряным ароматом. Еда была великолепная, а венчал ужин черничный пирог, только из холодильника.

– Черничный пирог! Нужен талант и уйма времени, чтобы приготовить

действительно вкусный черничный пирог!

– Рада, что тебе понравилось, дорогой.

После ужина он помог ей убрать со стола и помыть посуду. Покончив с уборкой, они отправились в гостиную и, сев прямо на ковер, послушали симфоническую музыку и даже немного потанцевали под тему из «Кавалера роз» Штрауса. Он целовал ее, а в конце танца шепнул ей на ухо:

– Ночью, сверчок там или не сверчок!

Музыка зазвучала громче. Он наклонился к ней.

– Ну как, нашла ты его? – спросил он шепотом.

– По-моему, да. Он между камином и окном.

Супруги подошли к камину. Возле него действительно появилась небольшая, с ноготь, черная бусинка. Они поглядели на нее и отошли. Он открыл бутылку шампанского, и они выпили по бокалу.

Громко игравшая музыка заглушала все звуки. Танцуя, они разговаривали, прижав рот к уху партнера.

– Ну как? Удалось тебе что-нибудь разузнать? – спросила она.

– Ребята на студии советовали мне не дергаться. Эти идиоты теперь пытаются следить сразу за всеми. Скоро они, похоже, начнут прослушивать зоопарки.

– Выходит, все нормально?

– Просто сидите и не рыпайтесь, сказали ребята, и ни в коем случае не ломайте их оборудование. А то еще обвинят в порче государственного имущества.

В эту ночь они легли очень рано, загадочно улыбаясь друг другу.

В среду вечером он вручил ей у порога розы, их поцелуй был долог. Они позвонили друзьям, выбрав двоих самых блестящих и остроумных, и пригласили их поболтать, рассудив, что от репертуара этой парочки свихнется любой сверчок. В четверг он позвонил жене из своей студии, чего уже много месяцев не делал, а вечером подарил ей нежную орхидею, еще букет роз, шарфик, замеченный им в магазине во время обеденного перерыва, и два билета в театр. Что до нее, то в среду она испекла шоколадный торт по рецепту его матери, в четверг приготовила печенье и лимонный торт со взбитыми сливками, заштопала ему носки, погладила брюки и отдала в химчистку его старые вещи. Возвращаясь из театра, они долго гуляли по городу и поздно пришли домой, потом еще почитали вслух Еврипида, потом, снова улыбнувшись друг другу, отправились в постель и встали так поздно, что утром ему пришлось позвонить на работу и сказать больным до обеда, и когда он наконец вышел из дома, он думал: «Это не может так продолжаться!» Вернувшись назад, он подошел к

сверчку, затаившемуся возле камина, и, склонившись над ним, внятно произнес:

– Проверка связи. Раз, два, три. Раз, два, три. Проверка связи. Как меня слышно?

– Что ты делаешь? – воскликнула жена.

– Вызываю все машины! Вызываю все машины! – продолжал ее супруг. Лицо его было бледным, под глазами круги. – Вы знаете, кто с вами говорит. Мы давно поняли, что вы у нас в гостях, ребята. Заберите свой микрофон и катитесь к чертовой бабушке! Вы все равно не услышите у нас ничего интересного! Все. Привет Джону Эдгару^[63]! Конец связи.

После этого он помахал рукой побледневшей от ужаса супруге и все-таки отбыл на работу.

Она позвонила ему ровно в три.

– Дорогой, – сказала она, – они его забрали!

– Нашего сверчка?

– Ну да! Пришли и забрали! Какой-то человек очень учтиво постучал в нашу дверь и попросил позволения войти. Через минуту он уже отсоединил сверчка и унес. Просто ушел и не сказал худого слова.

– Слава богу, – сказал муж. – Слава богу!

– Приподнял шляпу и поблагодарил меня.

– Очень мило с его стороны, – сказал муж. – Ну, до скорого!

В эту пятницу Джон вернулся с работы в шесть тридцать, поскольку по дороге домой заглянул в бар, где опрокинул рюмочку с приятелями. Войдя в дом, он ловким движением сбросил с себя пальто и шляпу, проскользнул мимо жены, повесил пальто на вешалку и с газетой в руках направился, не заглянув на кухню, прямо в столовую, где его ждали обычный ростбиф и фасоль. Отобедав, Джон известил ее о том, что вернул в кассу купленные накануне билеты и что на показ мод она может сходить с приятельницами, а он лучше немного позагорает на заднем дворе.

– Сегодня наш дом кажется совсем другим! – сказал он уже около десяти часов вечера.

– Да, ты прав.

– Хорошо, что сверчка больше нет!

– Я тоже рада.

Какое-то время они сидели молча.

– А знаешь, – сказала она вдруг, – мне его почему-то не хватает! Я даже подумываю, а не сделать ли что-нибудь такое предосудительное, чтобы они вернули его назад.

– Не понял? – сказал он, поднимая глаза от своих снастей, которые

готовил для воскресной рыбалки.

– Не важно, – сказала она. – Пойдем спать.

Минут через десять он, зевая, последовал за ней. Жена лежала на кровати с закрытыми глазами. «Уже спит», – подумал он.

Послесловие: метафоры, завтрак для чемпионов

Каждый год, когда я прилетаю в Париж, я прошу водителя на минуту остановиться на площади Трокадеро, с широкой эспланады которой открывается панорама всего города с прекрасным видом на Эйфелеву башню.

Я выхожу на эту площадь, воздеваю руки к небу и мысленно приветствую город: «Париж, я снова дома!»

Когда через несколько недель приходит время уезжать, я вновь приезжаю на ту же площадь и говорю городу: «Прощай, Париж».

Несколько лет тому назад, когда я вышел на эспланаду, пошел дождь. Мой водитель выскочил из машины и раскрыл надо мной свой зонтик, но я отослал его назад со словами:

– Не надо, я хочу промокнуть!

Так и с этими рассказами.

На склоне лет до меня дошло, что мой жизненный путь проходил под непрерывным потоком метафор. Меня пытались укрыть от их удивительного натиска, но я всегда сопротивлялся:

– Не надо! Я хочу в них утонуть!

И что интересно, сам я для этого палец о палец не ударил. Метафоры обрушивались на меня, а я и не знал об этом, не распознавал их.

Понимание пришло лишь недавно, когда я обнаружил, что мои рассказы на девяносто девять процентов являются чистым вымыслом, вызванным к жизни всевозможными фильмами, комиксами, стихами и эссе, страной Оз, Тарзаном, Жюлем Верном, фараоном Тутанхамом и всевозможными иллюстрациями.

Просматривая этот сборник, я в очередной раз понял, как мне повезло, что я шел по жизни, впитывая на ходу метафоры.

Мне то и дело задают один и тот же вопрос: как вы приходите к своим идеям? Или, вернее, как эти идеи приходят к вам?

Много лет тому назад мне довелось участвовать в работе общества киносценаристов. Одним из первых фильмов, с которыми нам довелось работать, стала авангардная лента «Прошлым летом в Мариенбаде». Во время просмотра фильма киномеханик перепутал катушки, поставив десятую бобину после пятой. Никто из присутствующих не обратил

внимания на его ошибку. Мало того, некоторые из зрителей сочли, что фильм стал лучше, чем при первом показе две недели назад! Нечего и говорить, что я тут же сел за написание рассказа «Полуночный танец дракона».

Рассказ «Quid pro quo» почти документален. Через сорок лет после моей первой встречи с одним симпатичным и невероятно талантливым автором мне довелось встретиться с тем, во что он успел превратиться за эти годы. Я был так потрясен его полнейшей деградацией, что через несколько часов «Quid pro quo» был готов.

Какое-то время тому назад я написал поэму под названием «Я – остаток биографий своих дочек», основанную на том обстоятельстве, что все бывшие приятели моих дочерей, их возлюбленные и женихи продолжают общаться со мной. Рассказ «Объедки» – о том же.

«Девятнадцатая лунка» – еще одна исполненная любви дань памяти моего отца, который вышел в отставку, чтобы иметь возможность играть в гольф пять дней в неделю. Как-то уже в сумерках я встретил его возле площадки для гольфа. Он собирал потерянные мячи в свою корзину. Эта сцена преследовала меня многие годы. И когда год назад призрак отца явился мне вновь, я должен был дать ему покой.

В 1946 году я нередко ездил вечерами на трамвае, идущем в Венецию. По субботам в него садились седовласые и почтенные участники балов, проводившихся в танцевальном зале Майрона. Они сходили с трамвая поодиночке или парами. Спустя пятьдесят пять лет, став таким же седым и старым, я попробовал в рассказе «После бала» разобраться, как же провели остаток ночи двое старых людей, вышедших вместе из трамвая на одной из остановок.

В университете, когда в мои руки попадали номера «неоренессансного» журнала «Coronet» (он стоил немалых денег, и потому о его покупке не могло идти и речи), я вырывал оттуда фотографии Штиглица^[64] и Карша^[65] и посвящал им свои стихи. Это было что-то вроде почитания чистого образа.

Лон Чейни поразил меня еще в три года, когда я увидел его в фильме «Горбун из Нотр-Дама». В следующий раз я увидел афишу с названием этого фильма уже в семнадцать лет и заявил друзьям, что все помню с тех пор. Они подняли меня на смех. Я успел описать им несколько сцен, и, когда мы пришли в кино, оказалось, что я не ошибся.

Нечто подобное произошло и с «Призраком оперы», и с «Затерянным миром». Призрак Чейни и динозавры Уиллиса О'Брайена^[66] преследовали

меня все детство.

Чейни умер, когда мне шел десятый год, и его могила навсегда стала для меня символом Смерти. Когда в том году его Призрак снова должен был выйти на экран, я ужасно страдал, я думал, что страшные боли в животе – это аппендицит. Плача от боли, я пошел в кино, я пошел бы, даже если бы умирал. Я выжил и всю свою сознательную жизнь питался метафорами Чейни.

Через несколько лет я сдружился на всю жизнь с Рэем Харрихаузенем^[67], соорудившим у себя в гараже динозавров, благодаря чему он стал впоследствии крупнейшим аниматором-кукольщиком нашего времени. Вот вам и еще одна полноценная метафора!

Лорел и Гарди трижды становились героями моих произведений. Прибыв в октябре 1953 года в Дублин, я увидел в «Айриш таймс» такое объявление:

Только сегодня!

Живая легенда

в театре «Олимпия»!!

Лорел и Гарди!!!

– Бог ты мой! – возликовал я. – Мы обязательно должны туда пойти!

Жена сказала:

– Иди!

Мне посчастливилось купить самый последний билет на место в центре первого ряда.

Я смотрел, как Стэн и Олли разыгрывают сцены из моей собственной жизни, и заливался слезами.

А потом я видел, как они беседуют со своими друзьями возле костюмерной, но не стал им мешать.

Их тени всегда со мною. Некогда я посвятил им два рассказа, а для этой книги написал еще один.

Иначе говоря, то, что когда-то было метафорой, остается метафорой навсегда.

Немало интересного узнал я о себе самом от кинорежиссера Сэма Пекинпа, любителя подливать водку мне в пиво, который хотел снимать фильмы по моим романам.

– Сэм, – спрашивал я у него, – и как же ты собираешься это сделать?

– Выдеру из твоих книжек листочки, – отвечал он, – и затолкаю их в камеру!

Так я узнал, что для опытного киношника самые безумные страницы моих романов превращаются просто в чередование крупных и общих планов.

Впоследствии, когда я вел на телевидении программу «Театр Рэй Брэдбери», я обнаружил, что без проблем переделываю свои рассказы в телевизионные сценарии.

«Затолкай все эти листочки в камеру!» – звучал в моих ушах голос Сэма.

Так я освоил и кинематографические метафоры.

И еще добавлю: я никогда не пытался соревноваться с другими писателями, мне только хотелось защитить их. Ведь так много моих любимых авторов были несчастными людьми с необычайно трагической судьбой. Пришлось изобретать разного рода машины, позволявшие путешествовать во времени хотя бы для того, чтобы сказать им «Я люблю вас». Вы встретитесь здесь и с этими машинами.

И наконец, здесь тот самый, рожденный старыми фотографиями, фильмами, комиксами и встречами ливень образов, под который попадает человек, идущий по жизни без зонтика.

Я счастлив, что мне довелось пройти под этим ливнем, чудесно промокнуть и суметь дописать эту книгу до конца.

Рэй Брэдбери Лос-Анджелес, апрель 2001

notes

Примечания

1

А как он ждал четвертого июля! – День независимости США, общегосударственный праздник (4 июля 1776 г. была подписана Декларация независимости США).

...фильмы с Лоном Чейни, горбун Квазимодо и призрак оперы. – Лон Чейни (Алонсо Чейни, 1883–1930) – знаменитый характерный актер немого кинематографа США, прозванный «человеком с тысячью лиц»; будучи сыном глухонемых родителей, с детства занимался пантомимой. Наиболее известные роли – Квазимодо в «Соборе Парижской Богоматери» (1923), призрак оперы в «Призраке оперы» (1925). Его сын Лон Чейни-мл. (Крейтон Чейни, 1907–1973) также снимался в кино, преимущественно в фильмах ужасов.

...слушал по средам передачи Фреда Аллена... – Фред Аллен (Джон Флоренс Салливан, 1894–1956) – американский юморист, начинал в водевиле; на радио (Си-би-эс) с 1932 г., собственную программу вел в 1934–1949 гг.

Стейнбек, Джон (1902–1968) – американский писатель, автор романов «О мышах и людях» (1937), «Гроздь гнева» (1939), «К востоку от Рая» (1952), «Зима тревоги нашей» (1961) и др., лауреат Нобелевской премии по литературе 1962 г.

5

Услуга за услугу; одно вместо другого (лат.).

Эмили Дикинсон (1830–1886) – выдающаяся американская поэтесса. При жизни фактически не публиковалась, но ее творчество, отличающееся метрической нерегулярностью, вольными рифмами, замысловатым ломаным синтаксисом, яркими нетрадиционными метафорами, оказало значительное влияние на поэзию XX в.

Скотт Фицджеральд, Фрэнсис (1896–1940) – американский писатель, певец «века джаза», автор романов «Великий Гэтсби» (1925), «Ночь нежна» (1934) и др.

...трансконтинентальный экспресс... до Венеции... – Venice (Венис),
пригород Лос-Анджелеса, по-английски пишется точно так же, как Венеция.

Ты и вправду собрался записывать их разговор на диктофон? – А что, зря, что ли, Дик Трети его изобретал? – Дик Трейси – частный детектив, герой комикса Честера Гулда (1900–1985), выходящего с 1931 г.

Леонард Бернстайн (1918–1990) – американский дирижер, пианист, композитор, музыкальный педагог, автор знаменитого мюзикла «Вестсайдская история» (1957), много работал в кино.

Дмитрий Темкин (1899–1979) – американский композитор российского происхождения, прославился музыкой для кино.

Ты мог бы девяносто раз подряд смотреть «Харлоу» с Кэрролл Бейкер? – «Харлоу» (1965) – фильм Гордона Дугласа, одна из двух вышедших в том году кинобиографий звезды 1930-х годов Джин Харлоу (1911–1937), роль которой исполняла Кэрролл Бейкер (р. 1931).

«Хиросима, любовь моя» (1959) – знаменитый фильм Алена Рене по сценарию Маргерит Дюрас, в главных ролях Эммануэль Рива и Эйдзи Окада; лауреат нескольких премий, в т. ч. «Оскара».

«*Прошлым летом в Мариенбаде*» (1961) – знаменитый фильм Алена Рене по сценарию Алена Роб-Грийе, в главных ролях Дельфин Сейриг и Джорджо Альбертацци.

«Алчность» (1924) – знаменитый семи-с-половиной-часовой фильм Эриха фон Штрогейма, сокращенный студией до двух часов, экранизация романа Фрэнка Норриса «Мактиг» (1899).

«Великан» (1956) – драма Джорджа Стивенса, в ролях Элизабет Тейлор, Рок Хадсон, Джеймс Дин, Кэрролл Бейкер, Деннис Хоппер.

В любом гольф-клубе имеется девятнадцатая лунка, так ведь? – По правилам гольфа лунок на поле должно быть восемнадцать или девять.

Швейцер, Альберт (1875–1965) – немецко-французский мыслитель, протестантский теолог и миссионер, врач и музыковед; в 1913 г. организовал госпиталь в Ламбарене (Габон). Лауреат Нобелевской премии мира 1952 г.

Торо, Генри Дэвид (1817–1862) – американский писатель и мыслитель-трансценденталист. Главные сочинения – памфлет «Гражданское неповиновение» (1849), философско-романтическая робинзонада «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854).

Больше подошло бы Эль-Силенсио. Или так – Абандонадо. Самый большой могильник на свете. Обитель духов. – El silencio (исп.) – тишина. Abandonado (исп.) – брошенный.

Спасибо (*исп.*).

Болван (исп.).

Герберт Гувер (1874–1964) – президент США в 1928–1932 гг.

«*Вива Вилья!*» (1934) – фильм Джека Конуэя о главаре восстания мексиканских крестьян Панчо Вилье, в ролях Уоллес Бири, Лео Карильо, Фей Рей.

Поспеши! (исп.)

...вам достанутся уши и хвост. – По традиции победившему на корриде тореадору достаются уши и хвост сраженного им быка.

Да! (исп.)

Мария Стюарт (1542–1587) – шотландская королева, казнена по приказу Елизаветы I Английской.

Флоренс Найтингейл (1820–1910) – английская медсестра, прославившаяся во время Крымской войны 1853–1856 гг. В 1860 г. учредила в Лондоне школу медсестер, первую в мире.

Мод Адамс (Мод Кискадден, 1872–1953) – американская театральная актриса, прославилась ролями в пьесах шотландского драматурга Джеймса Барри, автора «Питера Пэна».

Быстро! (*ит.*)

Лорел, Стэн (Артур Стэнли Джефферсон, 1890–1965) и *Гарди, Олли* (Норвелл Гарди, 1892–1957) – знаменитый дуэт голливудских комиков.

Вакцина Солка — первая эффективная вакцина от полиомиелита, разработана в начале 1950-х гг. американским вирусологом Джоном Эдвардом Солком (1914–1995).

Здесь: Уел! (фр.)

Здесь: ГОТОВО! (фр.)

Дарвин, Чарльз (1809–1882) – английский естествоиспытатель, в работе «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) вскрыл основные факторы эволюции органического мира.

Ламарк, Жан Батист (1744–1829) – французский естествоиспытатель, основоположник зоопсихологии, предшественник Дарвина (автор первой целостной концепции эволюции живой природы).

Джин Келли (1912–1996) – американский актер, танцовщик, хореограф и режиссер, звезда мюзиклов 1940—1950-х гг. Самые известные роли – в фильмах «Американец в Париже» (1951) и «Пение под дождем» (1952).

Грета Гарбо? Ниночка?! – Грета Гарбо (Грета Ловиса Густафсон, 1905–1990) – голливудская звезда шведского происхождения, снималась в фильмах «Плоть и дьявол» (1926), «Анна Каренина» (1935), «Дама с камелиями» (1936) и др., в т. ч. в музыкальной комедии Эрнста Любича «Ниночка» (1939).

Де Голь, Шарль (1890–1970) – президент Франции в 1959–1969 гг.

Томас Вулф (1900–1938) – американский писатель, автор лирико-эпических романов «Взгляни на дом свой, ангел» (1929), «О времени и о реке» (1935), «Домой возврата нет» (1940).

«Ночь выдалась темная и ненастная» – на одном... – первая фраза романа Э. Д. Булвер-Литтона «Пол Клиффорд» (1830).

Magnum opus (*лат.*) – главный труд.

Сесил Б. де Милль (1881–1959) – легендарный голливудский режиссер и продюсер, создатель таких блокбастеров, как «Клеопатра» (1934), «Буканьер» (1938), «Самсон и Далила» (1949), «Величайшее представление на земле» (1952), «Десять заповедей» (1956) и др. Наряду с библейскими эпопеями специализировался на романтических комедиях, заявляя открытым текстом, что американцев не интересует ничего, кроме денег и секса.

Аппоматокс — место подписания капитуляции главнокомандующим войсками южан генералом Ли 9 апреля 1865 г., что послужило концом Гражданской войны в США.

Йейтс, Уильям Батлер (1865–1939) – ирландский поэт, писатель и драматург, вдохновитель культурного движения «Ирландское возрождение», лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 г.

Поуп, Александр (1688–1744) – английский поэт, автор ироикомиической поэмы «Похищение локона» (1712), сатиры «Дунсиада» (1728), философско-дидактической поэмы «Опыт о человеке» (1732–1734), а также стихотворного трактата «Опыт о критике» (1711) – манифеста английского просветительского классицизма.

Ipso facto (лат.) – в силу самого факта.

...его книжку раскрутила Опра! – Опра Уинфри (р. 1954) – знаменитая телеведущая, ее ток-шоу 1980-х гг. было одним из самых популярных в США; произведения, которые она представляет с 1997 г. в программе «Книжный клуб Опры», автоматически становятся бестселлерами.

...они мчались впереди, как Роудраннер, а я плелся в хвосте, как койот... – Мультсериал про Роудраннера («Птичку-бегунка») и койота выпускался Чаком Джонсом и Майклом Молтизом в 1949–1966 гг. Ни одна из серий не имела ни завязки, ни развязки и строилась как череда коротких минималистично-фарсовых эпизодов, разворачивающихся в условно-минималистичной обстановке: койот гоняется за птичкой по пустыне и каждый раз сам же попадает в собственноручно вырытую яму.

«*Унесенные ветром*» (1936) – знаменитый роман Маргарет Митчелл (1900–1949), основа не менее знаменитого голливудского фильма с Вивьен Ли и Кларком Гейблом (1939).

Джек Керуак, «На дороге». – Джек Керуак (1922–1969) – один из главных персонажей и создателей молодежной культуры XX в., его роман «На дороге» (1957) явился манифестом бит-поколения. В 2002 г. его рукопись (147-метровый рулон бумаги без единого знака препинания) ушла с аукциона за 2,5 миллиона долларов.

«Мандарин»! <...> Написал эту песенку Джонни Мерсер... – Джонни Мерсер (1909–1976) – американский певец, композитор и поэт-песенник, соавтор множества мюзиклов, как бродвейских, так и голливудских; в 1942 г. с двумя партнерами основал компанию «Кэпитол Рекордз».

Г. Бедфорд Джонс (Генри Джеймс О'Брайен Бедфорд-Джонс, 1887–1949) – плодовитейший автор детективных, приключенческих, исторических и др. произведений для палп-журналов первой половины XX в. (более 1400 рассказов и 80 книг). В 2003 г. была выпущена его биография под названием «Король палпа».

Слышал что-нибудь о Медичи? – Они жили, кажется, в Венеции, да? – Нет, во Флоренции, где этот род правил в 1434–1737 (с перерывами в 1494–1512 и 1527–1530) гг.

...повелителю Марса Джону Картеру. – Джон Картер – герой вышедших с 1911 г. произведений «марсианского цикла» Эдгара Райса Берроуза (1875–1950).

И она знала, как нужно крикнуть: «Лазарь, иди вон!» — «...Он [Иисус] воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший...» (Иоанн 11:43–44).

Готорн, Натаниел (1804–1864) – американский писатель-романтик, друг Г. Мелвилла. Основные сочинения: «Дважды рассказанные истории» (1837, 1842), «Алая буква» (1850), «Дом о семи фронтонах» (1851), «Мраморный фавн» (1860).

Modus operandi (*лат.*) – способ действия.

Может быть, стоит отправиться в Белый дом апреля тысяча восемьсот шестьдесят пятого и стащить у Мэри Тодд билеты в театр для Линкольна? – Мэри Тодд Линкольн (1818–1882) – жена президента Авраама Линкольна, убитого в апреле 1865 г. Джоном Уилксом Бутом во время театрального представления.

Роберт Фрост (1874–1963) – популярный американский поэт, мастер драматического монолога.

Галлахер и Шин — Эд Галлахер (Эдвард Галлахер, 1863?-1929) и Эл Шин (Альберт Шин, 1868–1949) – знаменитый водевильный дуэт, выступали на Бродвее в 1910–1914 и 1920–1925 гг.

Привет Джону Эдгару! – Джон Эдгар Гувер (1895–1972) – основатель ФБР (1924) и его бессменный директор. Собирал досье на многих влиятельных лиц и, как считается, именно благодаря кладезям компромата продержался на своем посту при всех администрациях.

Штиглиц, Альфред (1864–1946) – знаменитый американский фотограф, основал в 1902 г. группу «Фотосецессион».

Карш, Юсуф (1908–2002) – канадский фотограф, прославился портретами Уинстона Черчилля и других знаменитостей.

...с «Затерянным миром»...динозавры Уиллиса О'Брайена... – «Затерянный мир» (1925) – экранизация одноименного романа А. Конан Дойля (1912), первый полнометражный фильм американского пионера кукольной анимации и мастера спецэффектов Уиллиса О'Брайена (1886–1962), известного в первую очередь своей работой над «Кинг-Конгом» (1933).

Рэй Харрихаузен (р. 1920) – американский мастер спецэффектов, протеже Уиллиса О'Брайена, работал на фильмах «Чудовище с глубины 20 000 фатомов» (1953), «Земля против летающих тарелок» (1956), «Седьмое путешествие Синдбада» (1958), «Ясон и аргонавты» (1963), «За миллион лет до нашей эры» (1966), «Золотое путешествие Синдбада» (1973) и др. В романе Брэдбери «Кладбище для безумцев» (1990) выведен под именем Рой Холдстром.